

ОГНИ ЗАУРАЛЬЯ

2024

№ 1 (19)

Уважаемые коллеги!

Примите сердечные поздравления с юбилеем вашей организации!

Вами создано множество литературных произведений, согревающих сердца читателей и обогативших культурный фонд нашей страны. За это вам всем огромное СПАСИБО!

Курганской региональной организацией Российского союза профессиональных литераторов за четверть века её существования проведены сотни встреч с читателями и молодёжью в учебных заведениях, презентаций очередных выпусков коллективных сборников и новых книг. Действуют литературные клубы. Зауральские литераторы уже двадцать лет издают литературно-художественный публицистический журнал «Огни Зауралья», который обрёл широкую известность не только в Зауралье, но и в соседних регионах. На счету членов творческого Союза более четырёхсот изданных книг, многие литераторы являются лауреатами и дипломантами всероссийских и региональных литературных конкурсов.

В течение двадцати лет Курганской организацией руководил её создатель Заслуженный работник культуры РФ Виталий Михайлов. В настоящее время председателем организации является поэт, прозаик и публицист Владимир Маслаев, литературные и научные труды которого известны не только в России, но и странах ближнего и дальнего зарубежья – Белоруссии, Эстонии, Болгарии, Турции и другие.

Почётный гражданин Курганской области, Заслуженный учитель Российской Федерации Александр Сметанин возглавляет Совет старейшин педагогов области. Он автор ряда книг о выдающихся русских советских учёных Терентии Семёновиче Мальцеве и Василии Александровиче Сухомлинском.

Почётный гражданин села Чаши Курганской области Владимир Веселов известен как поэт-песенник. Он – автор более 50 песен, многие из которых обрели популярность у земляков-зауральцев.

Большую работу ведут руководители районных литературных объединений члены Российского союза профессиональных литераторов Фиала Баскакова, Леонид Коновалов, Юрий Сафронов, Лариса Черепанова. Немало добрых слов можно сказать о поэтах: Светлане Кондратьевой, Людмиле Могильниковой, Анатолии Карасёве, Елене Морозовской, Маргарите Сафроновой, Светлане Никитиной, Владимире Гриценко, Вере Шаровой; прозаиках Анатолии Шадских, Татьяне Масленниковой, Виталии Филюшине, Михаиле Южакове; литературном критике Людмиле Ахтамановой и многих других членах Союза.

Мы от души поздравляем вас всех с юбилеем. Двадцатипятилетие – это прекрасная дата: есть что сказать о сделанном и можно, имея надёжный фундамент, строить планы на будущее. Литература призвана объединять всё лучшее в обществе, и это особенно важно сейчас, в сложное для страны время, когда страны НАТО ополчились на нашу Родину. Сегодня поле деятельности литератора безгранично: художественное творчество, просвещение, духовная культура – везде можно проявить свои знания и умение. Пусть всё это отразится в самом главном для литератора – новых книгах прозы, публицистики и стихов: главное, чтобы они затронули сердца читателей.

Желаем вам творческих побед, удачи и крепкого здоровья на последующие 25 лет!

Председатель Российского союза
профессиональных литераторов
Ирина Манина

Председатель Московского
союза литераторов РСПЛ
Валерий Галечьян

ОГНИ ЗАУРАЛЬЯ

2024 № 1 (19)

**Литературно-художественный публицистический
журнал Курганской региональной организации
Российского союза профессиональных литераторов**

Главный редактор

Владимир Маслаев

Редакционная коллегия:

Фиала Боскакова
Леонид Витебский
Владимир Гриценко
Светлана Кондратьева
Лариса Черепанова

Адрес редакции: 640001 г. Курган,
ул. Р. Зорге, д. 39, каб. 22.
Телефон 89128315367.

В номере публикуются произведения, представленные Курганской региональной организации Российского союза профессиональных литераторов, Союзом писателей России, районными литературными объединениями Зауралья.

Заказ № 2405. Подписано в печать 25.04.2024. Макет подготовил Л. Витебский.
Изготовлено и отпечатано в ООО «Стандарт». 198097, г. Санкт-Петербург,
ул. Трефолева, д. 2 БН, помещение 13Н. Тел. 88126037625.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Николай Анощенко	4
Фмала Баскакова	6
Андрей Ветров	8
Ольга Дружкова	10
Мария Енина	12
Анатолий Карасёв	14
Светлана Кондратьева	16
Татьяна Колташева	19
Надежда Куделькина	20
Светлана Кузнецова	21
Алёна Лопатина	23
Людмила Могильникова	24
Анастасия Меньщикова	26
Елена Морозовская	27
Александра Просекова	30
Юрий Сафронov	33
Маргарита Сафронова	34
Николай Старкин	36
Айгуль Цурмаст	37

ПРОЗА

Андрей Ветров. Глаза	39
Леонид Витебский. В поисках Главного	42
Сергей Кокорин. Высота Васина	50
Татьяна Масленикова. Говорим и показываем	54
Владимир Масляев. Любовь зла. Матрос, лейтенант и майор. Послештурма	58

ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид Коновалов. Дороги в Зауралье и Сибирь	87
Евгений Косых. Вот прозвучали последние ноты	93
Михаил Устюжанин. Воспоминания о службе	95
Лариса Черепанова. Рождён Героем	100

ПОЭЗИЯ

Николай Анощенко

Член Союза писателей России

СВОЯ КОЛЕЯ

По своей колее то летит, то бредёт
Наша Родина-мать, все преграды осилив,
То, гуляя, поёт, то от горя мальёт,
То смеётся, то плачет сегодня Россия.
И не помня себя, и не зная судьбу,
Ибо промысел Божий – сокрытая тайна,
Слыша грязную брань и святую мольбу,
Её тройка несётся вперёд неслучайно.
Богородицы зов слышит матушка Русь
И по-прежнему верит, грешит и страдает.
Как Джордано кричит: «Нет, я не отрекусь!»
И, как феникс, из пепла опять оживает.

Исчезнувшим сёлам посвящается

Запоздалый рассвет попросился в окно,
Только ставни ему не откроет никто.
Опустел этот старенький горбленный дом,
Палисад весь зарос у него под окном.
Сиротою стоит он в деревне пустой,
Даже ветер не рвётся в него на постой.
Как и люди, увы, умирают дома,
По промёрзшим углам куржакам бахрама...
Тихо в землюрастают дома-старикки,
И упрячут бурьяны селений пеньки.

ЖЕНЩИНЕ

Твои подруги Жизнь, Земля, Весна
Все женщины с нелёгкою судьбою,
И как тебе, им нынче не до сна,
Ночь коротают с ясною звездою.
Прядут судьбы тугое полотно,
Стремясь укрыть от бури всё живое,
Вдохнуть любовь в раскрытое окно,
Чтоб этим счастьем напитались двое.
Твои подруги Жизнь, Земля, Весна
Вершат они свои предназначенья...
Заря, рождая новый день, ясна,
Сжигает белый саван заточенья.
Шагает Жизнь сквозь заросли веков,
Родит Земля, питая бесконечно,
Цветёт Весна, и аромат цветов
Весь этот мир поддерживают вечно.
Ты, как они, красива и добра,
Ты, как они, сильна и терпелива,
Тебе по нраву с вечностью игра...
И лишь с тобой Вселенная красива!

ПОСМОТРИ...

Посмотри своим ласковым взглядом,
Посмотри на меня, посмотри.
Посмотри перед тихим закатом,
Перед отблеском алой зари.
Посмотри, ничего не скрывая
И не требуя правды в ответ.
Посмотри, я тебя заклинаю.
Я впитаю твой внутренний свет.
Твоё сердце – пугливая птица,
Бьётся часто, желая взлететь.
Посмотри, скольких лет вереницы
Нам судьба не даёт умереть.
Посмотри мне в глаза – буду счастлив.
Посмотри и прости дурака.
Добротою Создатель запаслив,
И одарит нас наверняка.

Я клянусь этой призрачной явью,
Жизнь свою я тебе подарю,
Даже если я тело оставлю
Где-то в очень далёком краю.

Когда сентябрь остудит летний пыл,
Когда зима завьюжит наши вёсны,
Не говорите это слово «был»,
Не вспоминайте это слово «поздно».
Пусть волосы у нас меняют цвет,
Но чувствуют сердца ещё острее.
Ещё звучит шекспировский сонет
И паруса полны ветров на реях.
Пусть множество непройденных дорог
По-прежнему нас зазывают вдаль.
Не торопитесь подводить итог
И обрывать бесстрастный календарь.
А если силы всё-таки сдают,
И встречный ветер уступать не хочет,
Нам наши дети дружно подпоют,
И новые костры зажгутся к ночи.
И кто-то будет, сидя у огня,
Прислушиваясь к шёпоту струны,
Негромко петь про радость бытия
Под вечностью сияющей луны.

Полетело слово словно птица,
Вспарило, встало на крыло.
А внизу – раскрытая страница,
Автора душевное тепло.
Зазвучало слово нежным тоном,
Эхом отразилось от земли,
Обернувшись мелодичным звоном,
Где-то затухающим вдали.
Растворилось слово в сердце юном,
Пульсом застучало у виска.
В мире поэтическом, подлунном
Засветилась новая строка.
Озаряя лучезарным светом
Закоулки трепетной души,
Строки эти, засверкав сонетом,
Вверх её потянут из глуши.
Позовут к сверкающей вершине,
Проведный показывая путь,
Изгоняя страха мрак отныне,
Чтоб в глаза Вселенной заглянуть.

ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ СТИХОВ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Закат мой звенел тишиной
И кровоподтёком по небу
Сползал к горизонту, в покой,
По солнцем прожжённому следу.
Вот шорохи ночи моей
Заполнили тьмою пространство,
И грёз сладострастный елей
Пролился на сонное царство.
Но глянь – розовеет восток,
Вот-вот разгорятся зарницы...
Восход мой рождает восторг,
Клопочущий в горле у птицы.
И день зарождается мой,
Слезинки росы испаряя,
Дарующий сердцу покой
На краешке Божьего рая.
Строкою объять красоту бытия
И долг, и мечта, и награда моя.

УТОМЛЁННЫЙ АНГЕЛ

Расстроенный Ангел ступал утомлённый,
Крыла волооча по земле.
Сияющий лик Его был измождённым,
С морщинкой на дивном челе.
От злобы людской, от невежества смрада
Так муторно было ему.
И демоны корчили рожи из ода,
Как будто Ему, одному.
Нет, он не сдаётся и страха не зная,
С божественной силой в крови,
Он тем огорчён, что вокруг не хватает
Энергии нашей любви.

Сколько песен растёт из души
Одного, одного человека.
Где-нибудь, в беспросветной глуши,
Он поёт и поёт век от века.
Песнь звучит, согревая сердца,
И становится легче другим.
Он проходит свой путь до конца,
Сам Господь восхищается им.

Я СКУЧАЮ

Я скучаю по шуму лесного дождя.
Свои сказки он шепчет деревьям усталым.
Я уверен, он знает и помнит меня,
И считает, надеюсь, меня славным малым.
По уральской тайге я бродил вместе с ним,
Поднимаясь по склонам к угрюмым вершинам,
Где холодным камнями был я тоже своим,

Их суровый привет разнося по долинам.
И туманы меня обнимали любя,
По утрам не жалея молочной прохлады,
Так душевные струны мои теребя,
Что я искренно пел облакам серенады.
Я скучаю по шуму лесного дождя,
По дымку от костра между елей и сосен.
По тропинке петляющей, вдалеку уходя,
В разноцветную южно-уральскую осень.

Финала Баскакова

Член РСПЛ с 2007 года. Член Союза журналистов России с 2012 года.

ГОРОД ДЕТСТВА

Город умылся ночным дождем.
Воздух стал свежим и влажным отчасти.
Давай же с тобою мы вместе пройдем
По мокрым аллеям.
И будет нам счастье
Увидеть сверкающий луч золотой
В капле дождя, что на ветке повисла...
Как же прекрасен твой город родной!
Сколько во всем и значенья, и смысла!

Утро наполнилось шумом машин
И суетою здесь мирно живущих –
Детей, стариков наших, женщин, мужчин.
Пусть кто-то скажет, что где-то есть лучше.
Спорить не стану. Возможно и так.
Только ведь здесь все до боли знакомо...
Город умылся ночным дождем...
Твой город детства, где ты всегда дома.

ОТКРОЙ ОКНО

Открой окно, впусти в него весь мир:
Рассвет с туманом и закат с дождями,
Мелодии чарующие лир
И тишину, что жжет порой, как пламя.

Пусть ветер запах грусти принесет
Иль радости, замешанной на страсти...
Открой окно! И мир тебя спасет
От одиночества с самим собой. И счастье

Вдруг закружит, накроет с головой,
Наполнит, как сосуд вином игристым.
Открой окно, пусть свежеею волной
В него ворвется мир прекрасный, чистый...

ПЕСНЯ КУРГАНСКОГО ДОБРОВОЛЬЦА

1.

Мама и любимая, простите,
Ухожу туда, где я нужней.
Вы себя, родные, берегите
И учите правде сыновей.
Пусть они растут и твердо знают,
Что такое Родина и честь,
Что я от нацизма защищаю
Отчий дом, который у них есть.

Припев:

Да, я русский солдат,
Я бежать не привык –
Силе духа учили нас деды.

Пусть отведает враг
Нашу волю и штык.
Будем биться до полной победы.

2.

Если стину вдруг на поле брани
Средь донецких выжженных степей,
Посадите дерево в Кургане,
На одной из городских аллей.
Чтоб к нему потоки приходили,
Слушали шептание листьев,
Помнили о нас. И тоже жили,
Мир оберегая от войны.

ДЕРЕВНЯ РУССКАЯ

Деревня русская в резных наличниках,
Немного грустная в былом величии.
Деревня-матушка – всю жизнь кормящая
И в простоте своей вся настоящая.

Лишь встанет солнышко – росой умоется.
В избе хозяйшюка забеспокоится.
Пойдет работушка в хлев да во поле,
А к вечеру гармонь сплет у тополя.

Деревня русская – душа народная,
Бедой не словлена, как есть – свободная.
Деревня-матушка – ей до земли поклон.
Над колокольнями летит хрустальный звон.

Деревню любим мы, как дети любят мать,
Ведь мы же русские – чужому не понять.
В болезни – здравии, в печали – радости,
От молодых годов до самой старости

Под сенью Троицкого храма
И чистых голубых небес
Стою перед тобой, Отчизна-мама,
И колокольный звон плывет окрест.

И просыпается в душе такая сила,
Такая гордость за родимый край.
Живи века, Великая Россия,
На гордость нам живи и процветай!

ЗЕМЛЯ КУРГАНСКАЯ

1.

Земля курганская – казачья вольница,
Пусть закрома твои хлебами полнятся.
А Tobол-река воды вдаль несет,
Трудовой народ мирно тут живет.

Припев:

Мой курганский край, моя родина,
Сколько же дорог вместе пройдено!
Здесь мой отчий дом, здесь мои друзья.
Без тебя, мой край, мне прожить нельзя.

2.

Земля курганская – душой широкая.
И небо над тобой всегда высокое.
И песни у тебя всегда сердечные.
Крепка устоями навеки-вечными.

3.

Земля курганская – тебе как май цвести!
Ни краше, ни родней земли нам не найти.
И в час, когда легко, и в час беды лихой,
Как верные сыны мы навсегда с тобой.

ПОДСНЕЖНИК

На взгорке, пригретом
Солнечным светом,
Жилец появился смешной:
На тоненькой ножке,
Смущенный немножко,
Цветною трясет головой.
В проталине топкой
Он, нежный и робкий,
Дрожит на холодном ветру,
А солнце над нами
Своими лучами
Ласкает его наготу.

И юный подснежник,
Во сне безмятежном
Сомлеет от ласки такой.
Расправит листочки
Первый цветочек,
Спеша подружиться с весной.

СВИДАНИЕ С БОГОМ

Ночь морозная, небо звездное
Печи топятся, тишина...
Пред иконою бабка молится –
На свидании с Богом одна...

От лампадки свет – его ярче нет,
Отражается в образах
«...Заступись, Господь, огради от бед...
Не себе прошу, прошу за...»

Все темнее ночь, звезды с неба прочь,
А она все бдит в тишине...
Помолюсь и я, может быть помочь
Наш заступник сможет и мне.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

С предчувствием весны с утра проснулся город,
Чуть раньше погасив ночные фонари.
Бегут его года, но он душою молод,
И от того порой здесь шумно до зари...

Предчувствие весны волнует и тревожит,
Как солнца яркий луч на кончике ресниц...
Ворвется новый день, он будет с добром прожит,
Оставив за собой все меньше хмурых лиц.

Предчувствие весны – оно неуловимо
Присутствует во всем, овладевает всем...
И пробуждает в нас душевные порывы,
И дарит для пера разнообразье тем.

Андрей Ветров

Член Союза писателей России

НА ВЗРЫВ МЕМОРИАЛА СЛАВЫ В КУТАИСИ

Что ищете, смертные? Славы?
Погрязнув в бессловии войн.
Истории новые главы
Вам пишет кровавый конвой.

А вы, генералы вселенной,
Гордыней наполнив сердца,
Прикрывшись улыбкой надменной,
Стремитесь к высотам творца.

Забыли, взирая на небо,
О тех, кто страдает вокруг.

И что правосудие слепо,
Когда ты не брат и не друг.

А может, вы ищете правду?
И лжете во имя и для?
Уверовав, целью оправдан,
Примеривший китель вождя.

За счастье радея с экрана,
В идиллию ввергнув умы,
Иконы меняете в храмах,
На запад поёте псалмы.

Так что же вы ищете, люди?
Наследие предков поправ.
В истории мусорной гряде,
За тридцать монет серебра.

БЕГ

Скажи мне, я пока не понимаю, –
так от себя бегут или к себе?..

Полина Орынская

Бежать, бежать пока кружится снег,
Пока весь мир податлив и послушен,
Пока хоть что-то значит этот бег
Для тех, кому ты в этом мире нужен.

Пускай зима, пускай не видишь снов,
Закат суров, восход не терпит алость,
Беги быстрее мимо тех садов,
Где для себя выращивают жалость.
Спешит любить и от любви гореть,
Пока свой век не износил до срока,
Пока есть что-то выше ноты «смерть»
На ноготок страсти и порока.
Беги, страхнув сомнений тяжкий гнёт,
Кому-то тлеть, кому-то плетть и знамя.
Ведь жизнь – не кто кого переживёт,
А список дел, помноженный на память.
Проскочишь финиш, тоже не робей
И станет откровение наградой, –
Бегут так от себя или к себе?
И надо ли бежать-то было?
...надо!

Что ищете?

МЫ КРОШИМ ВРЕМЯ НА ЛАДОНЬ

Презрев спасительный огонь
Святых страниц,
Мы крошим время на ладонь
И кормим птиц,
Летающих чёрным косяком
К истокам тьмы.
Давно по полю босиком
Не ходим мы.
И по воде мы не пошли.
Зима не в счёт.
Мы к притяжению земли
Искали код,
Чтоб белой птицей к облакам
Подняться в авысь.
Ведь где-то там наверняка
Есть лучше жизнь, –
Крутые шмотки, колбаса,
Полно свобод...
И встали рядом полюса,
Качнулся свод
Небес, раскрашенных мечтой,
Спустился G-n.
Стал каждый сам себе герой,
И мы спешим
К «ютубтиктокам» наших чад,
Спешим вослед,
Тем чёрным птицам и назад
Дороги нет!

АЙФОНОВЫ ДЕТИ

Не капли кровушки родной,
Ни чувств, ни песен
Не взято в общей кладовой,
И дыбом плесень
На всём, что дорого тебе
Ещё с рожденья.
Под слоганом «на всё забей!»
Ржавеют звенья,
Бегущей к прадедам цепи.
Ликует шиза –
Что хочешь делай, но купи
Крутой огрызок.
В почёте блогер и мажор,
Панты, бравада
И весь инетовский забор
Расписан матом.
Чем больше хайпа и бабла
Тем статус круче.
Нам за граница помогла
Раздвинуть тучи.
Им на невидимой войне
Корёжит пальцы,
А мне всё ближе и родней –
Неандертальцы!

ЖИТЬ БЫ СЕБЕ ДА ЖИТЬ

С каменных лиц слеза сотни обычных горше.
Через немой вокзал время толкает поршень,
Выдавлив нас Туда,
Звать не спешит обратно.
Ширятся города, люди мельчают кратко.
Жить бы себе да жить, ведать отцов ремёсла,
Строить, растить, любить, пруд покорять на вёслах,
Не подводя итог, в церкви шептать молитву,
Всё запасая впрок, зная, где хранит поллитру
Чудо своё – жена, ныне раба инета,
Пить за друзей до дна бытом затёртых, где-то.
Жить и не зная, что там снова война и братья:
Словно враги врагам с пулями шлют проклятья,
Словно враги врагов бьют, не жалея даже
Женщин и стариков ради заморской блажи,
Словно идут впотьмах, веруя: «давность спишет –
Гибель детей и страх мам за своих детишек».
Горе сносить устав, окаменели лица.
Кто-то ружьё достал, кто-то добром кичится.

Ольга Дружкова

Член Союза писателей России

СКАЗКА О МУЖИКЕ-РЫБАКЕ, О РОТАНЕ, ЧТО ЦАРСТВОВАЛ В КОТЛОВАНЕ, О ТОМ, КАК МАЯЛАСЬ КУМА, ИЛИ ПРОИСКИ УМА

Жили-были муж да баба,
Две дочурки и пацан.
За деревней в царстве жабьем
Был глубокий котлован,
Где мужик однажды спяна
Поутру поймал ротана.
И ротан тот извлечённый
Золотой сиял короной.
Страшный, скользкий и блестящий
Был к тому же говорящий.
– Эй! Снимай с крючка, довольна!
Ты чего? Ведь мне же больно!
Да какой уж тут снимать?
Стал от страха кум икать.
Распушил свой ус ершом,
Волос сделался шипом,
А поджилки так дрожали,
Что лягушки хохотали.
Раскорячился, как пенёк:
– Это что за хренотень?
Чур меня, да чур меня,
Пучеглазая фигня!
А пока козлом скакал,
«Царь» сорвался и пропал.
Дурень (мать, да перемать)
Так, что морщилась вся гладь,

Герои сказки мне самой
Были кумом и кумой.

А лягушки с перелугу
Позабыли хохотать.
Материться был он спец,
Тут бы сказочке конец,
Только мы согласно плана
Здесь вернём назад ротана.
Вот он собственной персоной
Всплыл с трезубцем и короной.
Замутил прибрежный ил,
С мужиком заговорил:
– Не расстраивайся шибко,
Это авторская ошибка.
Я давно уж тут плещусь,
Наблюдаю и тащусь.
Как же ты придёшь домой?
Ты ж с похмелья чуть живой?!
Да к тому же без улова,
Ой! Теперь схлопочешь снова!
Чтоб хозяйка не гундела,
Сотворю благое дело,
В ход пущу талант ротаний,
Выполняя три желанья.
Чтоб тебе не вышло худа,
Пусть заказывает чудо.
Я ж обиженных жалею,
Я от волшебства балдею.
Но! Предел всё ж обозначу,
Бабе дам ума в придачу!
Ну и ну! И озадачил.
Это бабе-то! В придачу!
Всё обговорил ротан:
– Ты доволен? По рукам?
По руке хвостом ударил,
Мужика как отоварил.
Тот же выслушал, как мог,
Сей ротаний монолог.

Будет воздух-то пенять,
Стану сказку продолжать.

Рыбака уж ждут с рыбалки.
Встретят не в штаны, так в «скалки».
– Невозможный идиот!
Нога за ногу идёт!
Вот такая идиома
Встретила его у дома!
– Посмотрите-ка, каков!
Ну и где же твой улов?
«Мать, плесни мне полстакана!
Расскажу я про ротана.
Это чёртово создание
Выполнит твои желанья!
Если хочешь, можешь, мать,
Три желанья загадать:
Быть красивой к примеру,
Иль богатую карьеру.
Быть здоровой? На здоровье!
Будешь жить без малокровья!
Но запомни, как урок:
Что не в меру, то не в прок!
Мало что-то захотеть,
Важно чтоб не пожалеть.
**Если пожалеешь... тут,
Сразу чары пропадут!**
Без усилий и затрат
Воротится всё назад.
А пока он говорил,
Водку всю «приговорил»,
Как по полкам разложил
Вроде всё, и только всё же,
Чтоб на грех не наводить,
Не стал про ум ей говорить.
А он, возьми, придм к куме...
Она прикинула в уме:
А ну-ка! Всыпь ему, весёлка,
Не а ль красавица посёлка?
Не к лицу мне пол мести,
Хочу подолом потрясти!
Еще и поп не домела,
А уж красавицей была!
В зеркала она глядит:
– Ты что наделал, паразит?
Но тут пошла о ней молва
И закружилась голова.
Ей шага нет без комплиментов,
И вот она «Мисс континентов».
О ней на всех углах судачат
И возят в сауну, на дачи.

Ведь чтоб красавицу одеть,
Сначала надобно раздеть.
И вот плакат висит уже,
Где она просто в неглиже.
Короче, деву раскрутили.
Но мы про ум, про ум забыли!
Вкруг красоты – хулы и зла,
Уродства есть и будет слишком.
Она же умною была!
И по задумке не пустышка.
И видя алчность, стыд и срам,
Разврата суетную мразь,
Она затосковала там,
Совсем уж было извелась.
Крепилась долго, как умела,
И все ж однажды пожалела.
И после этого Содома
Опять же оказалась дома!
Вновь дети, муж и всё такое
О, Боже! Счастье-то какое!
Шло время, а ума полата,
И захотелось стать богатой
И бизнес свой с нуля и дело
Так раскрутила, как хотела.
Уж дом не дом, а два в одном!
К крыльцу машина! Лимузин!
Полно завистников кругом
А ум на всё про всё один.
Богатство это, как магнит,
Оно людей к себе манит,
Но ей в кругу шальных страстей,
Вдруг стало страшно за детей.
Отвоевав себе пространство,
В душе гордыня, жадность, лянство
С богатством рядышком царят,
Там и наркотики, разврат.
За деньги можно всё купить
И все ж бессильной в чём-то быть.
Мать, хоть и умною была,
Но деток не уберегла.
Они, поддавшись всем порокам,
О ней забыли и о многом...
А что страшней для матерей? –
В беде найти своих детей!
Всю роскошь бросила к ногам,
Чтоб прекратился «балаган»!
За них дралась остервенело
И о богатстве пожалела.

И снова муж домой пустил,
И снова на пределе сил.
Давай скоблить, варить и мыть,
И захотелось крепкой быть.
И, впрямь, она помолодела.
Здоровым стало её тело,
Горело все в её руках,
Гостил румянец на щеках.
Шли годы, ей же хоть бы хны,
Пусть прежней не было Весны.
И вот какой-то срок прошёл,
И муж покой себе нашёл.
Всё изменилось и на свете:
Состарились, убрались дети,
Знакомых и друзей не стало,
Она здоровой быть устала.
Здоровым было только тело,
Душа спокойствия хотела.
И в несогласии с умом

Душа мечтала бросить Дом.
Дом – первый раз красивым был,
Но счастья ей не раздобыл.
Другой раз Дом богатым стал,
Но счастья так и не сыскал.
Дом был здоровым, работающим,
Отстал от счастья, в даль летящим,
Душа не знала и сама,
Что ждать в дальнейшем от ума.

Издых давно тот царь ротаний,
Но разум жил на горе данный.
Как котлован? Теперь зарос он,
Камыш стоит немым вопросом:
– Пора расстаться с героиней?
Что жизнь? Она... Она, как иней.
Побыл и вот его уж нет!

А может, есть другой ответ?

Мария Енина

ТОСКА

Неведомо где-то плутовавшая
Крадёт тихонечко ночь.
Тоску, днём под спудом дремавшую,
Сейчас не могу превозмочь.
А утром опять встанет солнышко,
Согреет туманную даль,
Растопит до самого доньшка
Терзавшую сердце печаль.

МОИ СТИХИ

Мои наивные стихи,
Понятные обычным людям,
Не так уж, в общем, и плохи,
Хоть философский смысл в них скуден!
Я рассуждать и не берусь
В них о материях высоких;
О том, насколько тяжёлый груз
Ошибок дней и лет далёких.
Я просто искренне делюсь
Своей любовью. И тревогой:
За всё, что я ценю, люблю;
За мир, где я не одинока.
Что я люблю? – Весенний лес,
Сарочий стрёкот, крик вороний,
Бег облаков и синь небес,
Сирень в цвету, подсолнух скромный...
За что тревожусь? – За детей:
За сына с дочерью и внушек.
Чего боюсь? – Дурных вестей.
На что надеюсь? – А на случай!
На наше русское «авось».
Когда совсем теряла силы,
Себе приказывала: «Брось!
Авось...» – и выход находила.

МОЛИТВА О ДОЧЕРИ

Святая Матерь Божья, у Тебя
Великой милости прошу смиренно;
Для дочери прошу, не для себя,
В молитве повторяя ежедневно:
«Пошли ей то, чего недостаёт:
Мужчину, чтобы в жизни был опорой;
Пусть счастье женское к ней, наконец, придёт,
Не спосовав перед заклятий сворой.
Храни от новой боли и потерь –
Довольно ей и тех, что в жизни были!
От лжи – она не раз стучалась в дверь,
И от предательства, что отнимает силы.
Жильё пусть станет тёплым очагом,
(Очаг – не просто место для ночлега!);
И люди будут добрые кругом,
Ну, а моя молитва – оберегом!

ПЕРЕЛЁТНЫЕ ПТИЦЫ

Отчего вас раннею весною
Тянет в неприветливую даль,
Где закрыто небо пеленою,
Не цветут каштаны и миндаль?
Здесь вас ждут туманные рассветы,
Летние прохладные дожди
И ручьёв звенящих благовесты,
Хлопоты, заботы впереди...
Каждую весной, презрев опасность,
Вы стремитесь в край, что вас влечёт,
Древний зов – неумолимый, властный,
Слышный только вам, в пути ведёт.

ВЕТРЫ

Одеваются в лёгкие платья
У меня под окном берёзы,
И совсем не от горя – от счастья
Проливают сок, словно слёзы.
От тепла и от солнца шалея,
Треплют ветры их тонкие ветви;
Наигравшись, от воли хмелея,
Мчатся дальше по белому свету.
А умаявшись, бедолаги
Сном забудутся беспокойным
В чаще или лесном овраге,
Чтоб с утра засвистать разбойно.

Вновь от их свирепых объятий
Затрепещут в страхе берёзы.
Им милей говорок невнятный
Ручейка. Да их тихие грёзы!

ЛЮБОВЬ НЕ УХОДИТ

Любовь не уходит, любовь умирает,
Она от обид, как от искры сгорает.
Весь мир (было время) тебе улыбался,
А нынче один только пепел остался!
От бранного слова – душа наизнанку,
На сердце – глубокая рана, не ранка;
Такая, что вряд ли и время излечит!
И кажется: лучше бы не было встречи!
Но в жизни у каждого было такое:
Свиданья; в ночи – соловьи над рекою;
Любовь, без которой и звёзды бледнее,
И жизнь монотонно, и души беднее!

ЛЕНИВЫЕ МЫСЛИ

Лениво копошатся в голове
Неповоротливые мысли-думы;
Их стережёт, с мечом наперевес,
Какой-то страж, суровый и угрюмый.
И мысли бедные под оком злым
Вдруг путаются и, пугаясь, рвутся;
То замирают, трепеща, пред ним,
А то невесть куда они несутся!
Я ощущаю – среди людей вокруг –
Себя потерянной и одинокой,
Так, словно очутилась вдруг
В стране чужой, враждебной и далёкой.
Но прочь умчится вьюга-кутерьма,
И ветры улетят, седлая тучи.
Вмиг мысли оживут (как я сама!),
Польются, забурлят потоком с кручи...

СЕСТРА

В далёком босоногом нашем детстве,
Когда забот не знали никаких,
Мы все проказы затевали вместе,
Вдвоём с тобой несли за них ответ.
Мы вместе и выросли, и умнели,
Пытались независимыми быть;
Нам были сёстры старшие примером,

Как мамины запреты обходить,
Все эти годы, по большому счёту,
Почти бок о бок прожили с тобой;
По воле Господа, не по расчёту,
Сплелась моя судьба с твоей судьбой.
Я жизни без тебя не представляю:
Услышать, как ворчишь, спросить совет...
Я только одного тебе желаю,
Чтоб прожила ещё ты много лет.

КОМАНДИР

Командир девятнадцати лет,
С позывным необычным «Топал».
Не встречал он с любимой рассвет,
На войну из детдома попал.

Под разрывами рос и вырослел,
Видел столько погибших детей!
Сам не раз попадал под обстрел,
Ждать отчаялся добрых вестей.
Никакого иного пути
Паренёк не искал для себя;
Просто понял, что ждёт впереди,
За свободу Донбасса борьба.
Дважды ранен был: в голову, в грудь.
Снова в строй, подлечившись, вставал,
Чтоб открыто в глаза тем взглянуть,
Кто, надеялся, верил и ждал.
...Наши мальчики – внуки, сыны,
Не мои, но роднее родных;
Из России, Тувы или Чечни –
Я молю: «Господи, сохрани их!»

Анатолий Карасёв

Член РСПЛ с 2017 года

ТАК ЖИТЬ НЕГОЖЕ...

Вот я снова иду деревней,
Как грибы здесь росли дома.
Опираясь на посох древний,
И боюсь, что сойду с ума.

От разлуки, разрухи этой,
До печёнки пробила дрожь.
Здесь родился и стал поэтом,
В каждый дом был тогда я вхож.

Словом добрым за чашкой чая,
С ностальгией без лишних слов,
С другом в дальних краях скучая,
Вспоминали своих отцов.

Опустела моя деревня,
Ни кола нет и ни двора.
Погорели в саду деревья,
Всё ушло из-под топора.

Пробегаёт мороз по коже,
Стынет, кажется, в жилах кровь.
Нет, ребята, так жить негоже,
Когда рушится милый кров.

Заросли берега крапивой,
Тальником, камышом, травой.
Лишь остался родник на диво,
С ключевой водой живой.

ВНУК ПРИЕХАЛ

Старая бабушка не молодца,
старбилась, тужится ведро поднять,
чтоб напоить ключевой водицей,
в гости пожаловал внучек опять.
Только забрезжил рассвет за окошком,
бабка хлопочет, на сон наплевать,
трётся у ног её рыжая кошка,
внучек на лаврах привык почивать.
Бабка заводит блины, да квашонку,
ставит в загнето жаркое тушить,

как же, попотчевать надо внучонка,
в Армию скоро поедет служить.
Много мы нынешних холим, лелеем,
всё для внучат, не хотим напрягать,
любим безумно, себя не жалеем,
может не стоит во всём потакать?

ФАШИЗМ НЕ ПРОЙДЁТ!

Как исчадие ада,
возродился фашизм.
Стал смертельной преградой,
украинский нацизм.
Снова гибнут ребята,
попыхает война.
Из свинцового града,
накрывает волна.
Блиндажи и окопы,
не спасают порой,
И тогда отправляют
груз двести домой.
Им кресты на могилы,
а кто жив, тем на грудь.
А кому-то ведь виллы,
кто сумел улизнуть.
Те набили карманы,
от деньжищ без ума.
Кто остался, обманут,
тем пустая сума.
Мы не жили богато,
не с руки горевать.
За Россию родную,
мы идём воевать.
Нас дворцы не прельщают,
дорог свой «агород».
Лишь бы жил и трудился,
наш Российский народ.

МЫ СЮДА ИХ НЕ ЗВАЛИ

Как голодные волки
рыщут пули по полю.
Нам в берёзовых колках,
задержаться б подоле.
Но приказ командира,
через поле в атаку.
Предпочли вместо мира,
мы смертельную драку.

Мы сюда их не звали,
захотелось наживы?
Жили б, горя не знали,
были б целы и живы.
Покорить нас пытались
и французы, и шведы.
Только с носом остались,
вместо шумной победы.
Наши прадеды, деды,
били турок и немцев.
Мы верны их победам,
разобьём иноземцев.
Обуздать вражью страсть,
мы идём в штыковую.
За народную власть,
за державу родную!

ДВА СОЛДАТА

Привалившись на ствол автомата,
утомлённые за день резни,
Задремали два друга солдата,
окрещённые злом войны.

Успокоилась за день, наевшись,
кровожадная жрица войны,
На какое-то время, забывшись,
спят солдаты, совсем пацаны.

Им бы дома сейчас на вечерки,
где веселье, да слышится смех,
Переключку ведут перепёлки,
да вмешалась война, как на грех.

От разрывов трещат перепонки,
и свинцовая вьёт круговерть,
А ночами им снятся девчонки,
нипочём тут ни пули, ни смерть.

Им досталось нелёгкое время,
снова поднят Бандера на щит.
Возродилось фашистское племя,
и «по швам» Украина трещит.

Украина в огне пылает –
плод развала Советской страны.
С болью в сердце Планета взирает,
на проделки лихой Сатаны.

ЕЩЁ ДАЛЕКО ДО АПРЕЛЯ

Запели нам песни метели,
и вновь, поза кожей мороз.
Ещё далеко до апреля,
сиджу, коль не высунешь нос.
Берёзка в окошко стучится,
продрогла видать во дворе.
И надо же было случиться,
что холод пришёл в феврале.
Все окна мороз заузори,
под Палех, под Гжель расписал.
С любим пейзажистом бы спорил,
да кто же с ним спорить бы стал.

Зима в Зауралье лютует,
и ветер поёт в проводах.
А кот на окошке тоскует,
свидание рушится в прах.
Барбос окопался в соломе,
лишь уши торчат, да глаза.
И всё же зима на изломе,
синоптик сегодня сказал.
Скучаю-сиджу, по капели,
на окнах узоры гляжу.
Хотя далеко до апреля,
а я на весну ворожу!

Светлана Кондратьева

Член РСПЛ с 2011 года

ЛЕГЕНДА КУРГАНА

*По мотивам легенды
о татарском хане Кадыре
и его дочери-принцессе
с прекрасным именем Назия*

Мой город любимый, ты как белая птица,
Летишь сквозь года, сквозь века,
Мелькают рассветы, меняются лица,
Парят над тобой облака.

От скифо-сарматских, татарских сказаний
О древних курганах, холмах,
Народа великого горечь скитаний
Сквозь голод, разруху и страх...

Легендами пахнут столетий страницы,
И слышно дыханье эпох.
Сквозь времени дымку глядят на нас лица,
Все тайны времен знает Бог.

Раскинулось царство татарского хана
На левом, крутом берегу...
Тобол – дух воды! Здесь начало Кургана
В далеком, далеком году...

Была у Кадыра красавица дочка,
Прекрасна, как свет, Назия,
Легка словно ветер, тихо словно ночка...
Но смертный недуг как змея

Счастливую жизнь ядом смерти окрасил –
Бессильны и мать и отец.
И эха молитв в небе отзвук напрасен...
И вот он, печальный конец.

В слезах безутешных, прощаясь с родными,
Проплакала ночь напролёт.
Легенда гласит – край озер здесь отныне
Из слез тех, хрустальных как лёд.

По горсти земли на могилу принцессы
Велел принести Кадыр-хан.
Три дня миновало, и в этом процессе
Вознесся высокий Курган.

Все кольца, браслеты, жемчуга, изумруды,
Всё золото ушло с Назией.
Узнали в округе – драгоценностей груды
Лежат в глубине под землей.

И тут же набеге – искатели клада...
Попытка одна за другой.
На страже стоит непреклонной преградой
Татарского хана конвой.

Но, всё же, прокрались бандитские лица,
Послышался стук кетменя.
Вдруг молнии в небе! Из недр – колесница,
А в ней и сама Назия!

Как волосы в танце под ветром упруги!
Прекрасен монист перезвон.
И лошади мчат в бесконечном испуге –
Нарушен красавицы сон.

Глубокие воды Чухломской купели
Сокрыли принцессу от глаз.
Всё золото и жемчуг на дно улетели,
Оставив легенду для нас.

Над озером тем в час ночной в поднебесье
Исходит таинственный свет,
И голос чарующий нежною песней
Скользит по просторам в ответ.

Как быстрые птицы во всем мирозданьи
Века и эпохи летят.
Но сказку-легенду из древних преданий
В сердцах поколенья хранят.

РАССВЕТ КАК БОГОЯВЛЕНИЕ

Ранним утром в дороге, по трассе...
За окном пробуждается день.
Первый луч его нежен, прекрасен...
И в сплетении вновь свет и тень.

Озаряется светом полнеба,
Что касается кромки земли...
Сон? Мираж? Явь? Иллюзия? Небыль?
Словно море сияет вдали...

Но откуда? Ведь моря здесь нету,
Лишь леса, деревушки, поля...
Но свечением полнится, светом
Там, у крошечки неба, земля.

Но иллюзия слишком реальна,
И до боли, до слез красота.
Как бы то ни звучало банально:
Наша жизнь – суета, суета.

Вновь Вселенная дарит прозренья –
Вечен мир – тот, в котором живём.
И рассвет в нем как богоявление –
Может быть, мы однажды поймём.

ПРЕКРАСНЫЙ ЛЕТА АРОМАТ

Прекрасный лета аромат
На лепестках нежнейшей розы
Я заверну в межстрочный ряд,
чтобы вдыхать его в морозы.

И тихий шелот вечеров
С небес оранжевого света
На акварели легких снов
Наполню теплотою лета.

Пунктирный чок переключ
Переложу по нотах в строчки,
И в небе журавлиный крик
Вдруг зазвучит аккордной строчкой.

И бормотанье ветерка
В листве раскидистых деревьев,
И шелот эльфа-мотылька.
Все словно в сказке, ты поверь мне.

Все поместится в сундучок
Простых пленительных мгновений:
То песню запоет сверчок,
То соловей – наш птичий гений.

И говорливость мягких волн
На брег скользящих в час рассвета.
Мой сундучок волшебный «полн»
кусочков красочного лета...

И в долгий зимний вечерок,
Когда поет певунья-вьюга,
Я приоткрою сундучок,
Ах лето! Ты моя подруга!

ПОДРАСТАЮТ СЫНОВЬЯ

Подрастают сыновья, подрастают,
Незаметно, – это часто бывает.
И свои рассветы встречают,
Это жизнь, её нельзя изменить.

Подрастают сыновья, подрастают.
И в другие города уезжают.
Поначалу сами сильно скучают,
Но дело зовут, их нельзя отменить.

Вырастают сыновья, вырастают,
И в гостях все реже бывают,
Время на часах тихо тает,
Остаётся только ждать и любить.

Вырастают сыновья, вырастают,
И своих сынов отпускают.
Пусть всегда всех соединяет
С домом нас незримая нить.

МОЕЙ ДОЧЕНЬКЕ

Я помню летний день, цветочки,
И солнце в небе голубом,
В моей руке ладошка дочки,
Мы к озеру идем вдвоем, –

Моей малышки детский лепет...,
Ты – счастье, доченька моя,
А время будущее лепит
Из тонкой ткани бытия.

Пусть ангел доброю рукою
Направит верно, и любя,
Одарит светлую судьбою,
Родная девочка моя.

А жизнь дает свои уроки,
Порой серьезно иль шутя,
Пусть будут легкими дороги,
Да пусть хранит любовь моя.

И будет день, и солнце встанет,
И новый свет зажжет в судьбе,
Простою истинною станет –
Любовь – есть смысл на Земле.

БИБЛИОТЕКЕ

Моя милая пристань,
Ты мой тихий причал.
Здесь весь мир на ладони,
Здесь начало начал.

Здесь вчера и сегодня,
Здесь и завтрашний день,
Зарождение смыслов,
Алгоритмы идей.

В тебе солнце и ветер,
И живой океан,
Голоса всех столетий,
И эпох караван.

Пушкин, Фрейд – по соседству,
Рок, ноктюрны и джаз:
Золотое наследство,
Все как есть, без прикрас.

Здесь в глаза молодые
Загляни и поймешь –
Что тревожит, чем дышит,
Чем живет молодежь.

Здесь штормит не на шутку,
И сто дел в один миг.
Час мелькает минуткой,
Целый мир в один клик.

Ты мой благостный остров,
В перепутье маяк.
Если честно и просто –
Пристань жизни моя.

Татьяна Колташева

Член РСПЛ с 2022 года

БЕЛАЯ РЯБИНА

Замерла под снегом тонкая рябина,
Веточки морозит вьюжная зима.
В шубке белоснежной так мила и дивна
Белая рябина – вязью бахрома.
Ей тепло под снегом, тихо и уютно,
Будет спать ночами, днём покой хранить,
Будет просыпаться в зимней дымке утро,
Синим колокольчиком на ветру звонить.
Выйдешь в сад к подружке – слова не промолвит,
Лишь в святом молчанье веточки склонит,
Будто что-то просит иль о чём-то молит,
Иль какую тайну вечную хранит.
Замерла под снегом тонкая рябина,
Веточки морозит вьюжная зима.
В шубке белоснежной так мила и дивна
Белая рябина – вязью бахрома.

МИР УДИВИТЕЛЬНЫЙ

Взмахнула берёзка зелёным платком,
До травушки в пояс земле поклонилась,
Земля улыбнулась расцветшим цветком,
Всю ночь весна ей, красавице, снилась.
Ей снились поляны с клубникой лесной,
Дни тёплые нежные, будто из лета
И мир удивительный – яркий, цветной,
Где было столь радости, солнца и света.

ВЕТОЧКА ВЕРБОЧКИ

Веточка вербочки почки раскрыла –
Пуха комочки и створочки-крылья.
Мягкая, тёплая нежность на милость
Светом божественным в вазе светилась.
Мир удивителен, прост, и прекрасен.
День Воскресения радостен, асен.
Пламя свечи с цветом вербочек схоже.
Всё здесь от Бога: и дом, и порожек.
Помнишь, ходили в овражек за вербой,
Жили особой, чудесною верой
В то, что мир светел и Богом ведомый –
Свечи, иконы и вербочки в доме.
Годы прошли, мало что изменилось,
Разве, что детство как будто приснилось,

Вербочки в вазе, подсвечник, иконы,
Русь исполинская, праздник исконный.
Время приходит надежды и веры,
Русскую душеньку силой измерить.
Свечи зажечь, за любимых молиться,
Духа свободою не поступиться.

А ГДЕ-ТО

Мороза дыхание парит над землёй,
Глотаешь комком замороженный воздух,
В дороге, с работы, а ветер – nordosten^{*}
Ломает ресницы стеклянной слезой.
Пронзителен ветер, гудят провода,
И шубы мутон – лёгкий пух для мороза,
И шарф, и перчатки – зимы русской проза,
Морозы под сорок, а слёзы – вода.
Лишь дома – спасенье. Печётся пирог,
Румяный и хрусткий с капустой, грибами...
Просторы России сокрыты снегами,
Скрипит под шагами террасы порог.
Декабрь к середине, в пути новый год
Окошко зашторено сеткой гирлянды,
Бегут огоньки, отражаясь в серванте.
Уже не замедлить часов жизни ход.
Мороза дыхание парит над землёй,
Глотаешь комком замороженный воздух,
А где-то бои, жгучий ветер – nordosten
Ломает ресницы замёрзшей слезой.

^{*} nordosten (нем.яз.): северо-восточный.

ЯБЛОКИ ПАДАЮТ...

Летнее утро росой освежает,
Пение птиц спозаранку чарует.
Каждый миг осени дни приближает,
Льются на землю злачёные струи.
Август... А солнце ещё так горяче,
Спеют сады и лесные грибницы,
Цвет георгины палитрою ярче,
Птиц поднебесных длинной вереницы.
Яблоки падают в травы устало,
Непринуждённо, спокойно, покорно,
Сколько под небом ещё их осталось?
Лето уходит так быстро, так скоро.
Хочется августом впредь надышаться,
Хмелем отцветшим, лозой виноградной,
Время так кратко любить и прощаться.
Яблоки падают. Грусть, и отрадно.

С РОССИЕЙ

Тихое, нежное облако белое
Лодочкой лёгкой по небу плывёт.
Поле душистое, сладкое, спелое
Зарькою алой тропиночки вьёт.
Взгорки ковыльные волнами, сонные,
Дремлетса им под шуршание трав,
Русские земли святые, исконные,
Тих непокорный земли русской нрав.
Дали бескрайние, шелест берёзовый,
Волюшка вольная – край мой родной,
Алый закат и восход бело – розовый –
Жизнью с Россией живу я одной.
Пусть процветает земля непокорная,
Русь необъятная сердцу милей –
Мирной иконой, святой, чудотворною,
Памятью вечных ковыльных полей.

Надежда Куделькина

Член РСПЛ с 2019 года

РОЗОВОЕ ОБЛАКО

Облаков на небе просто тьма – не счесть!
Розовое облако там, на небе, есть.
Если постоянно, в розовом, витать,
Если романтично ножками болтать,
Рано или поздно с облака слетишь,
Шмякнешься на землю... больно... закричишь.
Потому не надо в облаках витать,
Яблоки из сада, где попало, рвать!
Розовое облако вредное, друзья!
Я на нём бывала... так что... знаю я.

ЛУНА

В небе – белая луна
В шесть часов взошла она.
Небо – сине-голубое...
И безбрежное такое!
А луна, как одуванчик:
«На, поставь меня в стаканчик!»
Диск красивый, белый-белый!
Удивительное дело:
В небе солнце и луна!
Жизнь сюрпризами полна!
Это что за чудеса?
Ах, весенняя краса!
Хорошо-то как в апреле:
То пичуг весенних трели,
То подует ветерок,
Кошка вышла на порог...
Я присела на качели...
Зарисовочка апреля.

ВСЁ МЕНЬШЕ ПОВОДОВ ЗВОНИТЬ ПО ТЕЛЕФОНУ

Всё меньше поводов звонить по телефону,
Всё меньше абонентов на Земле.
И память.. вечерами... грустным фоном...
Года – корабль, а мы – на корабле...

Кому какая выпадает карта...
Да... кто приплыл, а кто – ещё плывёт.
И нет уже вчерашнего азарта,
Да, всё проходит, знаю, всё пройдёт.
Всё реже прибегаешь к многословью...
Зачем оно? Понятно всё без слов.
Не хочется в дебатах портить кровин|
И всё ценнее жизнь и отчий кров.

МОЯ РОДНАЯ ШКОЛА, ТЫ СО МНОЙ

Моя родная школа, ты со мной.
Сегодня снова ты мне ночью снилась...
Веду урок... и на душе покой.
Да, я в тебя пожизненно влюбилась.
Знакомый класс, мои ученики.
И у доски – привычная картина.
Как ни крути, а здесь прошла-таки
Моей судьбы почти что половина.
Тридцать четыре года – от звонка|
И никуда не денешь ощущение...
Ты, до сих пор, мне искренне близка.
Ты – жизнь моя, надежда, вдохновение!

ДНИ ЛЕТАТ

Дни летят пушинками,
Дождиком, снежинками,
Дни летят метеллами,
Горькими потерями.
Дни как одуванчики –
Ветерком сквозь пальчики...

Дни – судьбы метелица,
Годы всеу стелатся...
Жизнь бежит, торопится...
Память только копится.
Памяти мгновения...
Смерти и рождения...
Радости и горести...
Очерки и повести...
Так порою хочется
Светлого пророчества:
Чтобы жизнь – размеренно...
Чтоб тепла – не меряно!
Чтобы всем – бессмертия!
Не шучу, поверьте, я.

О ЛЮБВИ

«Люди, а Люди, как така любовь?» –
Фильм отличный создан режиссёром.
Не надоедает вновь и вновь
Наблюдать игру таких актёров.
И чего о чувствах говорить?
Взять любовь: она для всех, как воздух.
Может быть, а может и не быть.
Чувством жить любви всегда не поздно.
От любви до ненависти – шаг!
Это злободневно утвержденье.
Был вчера любимый... завтра – враг!
Вот такое это уравненье.
«Люди, а Люди... как така любовь?»
Разною любовь, увы, бывает.
Но всегда она волнует кровь.
Кто любил – тот это понимает.

Светлана Кузнецова

Член РСПЛ с 2022 года

ПРИСТАНЬ РОДНЫХ МНЕ ЛЮДЕЙ

Что бы ни было в мире нескладном,
Горевать я не стану о том,
Лишь укроюсь в краю ненаглядном,
Где стоит мой родительский дом.

В сердце сразу надежда ворвётся
И наступит желанный покой,
Вера в лучшее эхом прольётся
По-над лесом и тихой рекой.

Все печали пройдут и умолкнут,
Как гроза после летних дождей...
Ключ повернут, замочек защёлкнут... –
Здравствуй, пристань родных мне людей!..

Уезжая, не стану прощаться
Я с гармонией этой всей... –
Будет повод, вернувшись, остаться
Там, где пристань родных мне людей...

САМЫЙ БЛИЗКИЙ

Возьми меня сегодня в плен
И огради от улиц шумных.
С колен не встану я, кланусь,
И благодарной буду век.

Не преступив черту измен,
Как прежде, страстно и безумно
У нас с тобой всё будет пусть,
Мой самый близкий человек.

Давай отпустим всё, что жизнь
Не дала и дать не хочет,
И наслаждаться тем, что есть,
Ведь нам так многое дано.

Пусть кружат рядом миражи,
Пытаясь голову морочить,
Давно пора всю эту спесь
Забросить в озеро на дно.

Есть только ты и только я, –
Друг в друге сладко растворяясь,
Мы никого и никогда
Не впустим в наш интимный круг.

Мы – настоящая семья
И, каждый раз тебя касаясь,
Осознаю, что навсегда
Ты самый близкий муж и друг.

СЛЕПИТЬ СНЕГОВИКА

Как ненадолго в детстве оказаться, –
Так, чтоб душа крылата и легка?!
Попробую слепить снеговика
И до весны им буду любоваться.

Погода подходящая такая! –
Намедни снега выпало полно...
Три снежных кома быстро накатаю
И друг на друга, как заведено.

В быту найдётся старый умывальник,
Как головной убор, – вместо ведра,
На шее с красным блеском мишура...
Ох, до чего ж мне люб этот охальник!

Двухжильная проводка из коробки
Снеговика пусть будет вместо рук,
А через две бутылочные пробки
Голубоглазо взглянет снежный друг.

Из серой пряжи – выгнутые бровки,
Морковка вместо носика, и вот
В улыбке расплывается весь рот
Из розовой бельевой верёвки.

Неровности долой и все изъяны!
Поглаживая варежкой бока,
Так было увлекательно и странно
На свежем воздухе лепить снеговика.

Теперь стоит, красуется дворецкий,
Приветствуя прохожих и гостей,
Ни говоря ни слова, светлых дней
Лицом своим желая по-простецки.

И если вдруг зимой обняться с детством
Захочешь ты, не ведая, как быть,
Попробуй, друг, проверенное средство:
Снеговика на улице слепить!

ПОСЛЕ НАС

Ступая твёрдо по земле,
Вдыхая воздух полной грудью,
Мы знаем: вечно так не будет, –
Всё растворится в сизой мгле...

Когда порвётся наша нить,
Весь мир зотихнет на мгновенье... –
Вдруг разомкнутся в круге звенья,
Чтоб восвоеси отпустить.

Что мы оставим, уходя,
Век проживая слишком быстро?
– Костра погаснувшие искры
В обнимку с каплями дождя...

Остатки пепла... бранный прах, –
Всё по степи развеет ветер...
Мы отразимся в наших детях, –
В улыбке... голосе... глазах... –

То, что когда-то было в нас,
Им передастся по наследству...
Мы много раз вернёмся в детство
И жизнь закончим много раз.

А значит, через эту связь
Мы жизни нить не прерываем, –
Вновь, умирая, воскресаем,
В другом частично возродясь.

И это будет без конца, –
Из поколения в поколение, –
От смерти к новому рождению
По крови матери, отца...

Так что же будет после нас?
– Любовь, надежда, вера в людях.
Частица нас жить точно будет,
Другим довая новый шанс.

Алёна Лопатина

Уполномоченный по правам человека
в Курганской области

О ПРОСТОМ И СЛОЖНОМ

Просто быть злым и обидчивым – просто.
Лысым быть проще, чем растить косы.
Просто пить теплое, мякиш кусать.
Просто синицу из клетки достать.

Просто попсу, а не Моцарта слушать,
Хором петь песни, еще проще – слушать.
Любыми словами погоду ругать,
Она не ответит, ей – наплевать.

Гораздо трудней жить по правде и совести.
Кормчим по бурному морю свой челн вести.
Помнить о смысле каждого действия
И самому отвечать за последствия.

Трудно быть очень отзывчивым другом,
Трудно всю жизнь быть верным супругом.
Быть на виду и не чувствовать славы,
Не напевать про себя мадригалы.
И не сгибаться под слухов волной,
Взглядов косых за прямую спиной.

Выбор, как жить, мы делаем сами.
С кем не дружить, кого сталкивать лбами,
С кем разделить свою горе и радость,
Чтобы спокойной была наша старость.

ДВА СОСЕДА

У меня есть смелый сосед,
По-спортивному часто одет.
Он не курит, не пьет алкоголь,
И вообще он доволен собой.

Он кивает при встрече порой,
Но обычно в себе с головой.
Не заводит собаку, кота,
В его доме всегда чистота.

Мой сосед не женат, почему?
Просто нравится жить одному.

Не служил, не умеет стрелять,
Ему некого защищать.

Отчего же он смелый тогда?
Знает нужные номера:
01, и 02, и 03!
Если что, он готов позвонить...

Рядом с ним боязливый живет.
Новостей испугался и вот
Добровольцем ушёл на войну.
«Я боюсь за родную страну»

Не могу усидеть я в тылу», –
Так сказал.
И не мне рассуждать,
Кто от страха готов побеждать,
Кто от смелости – выжидать.
Жизнь одна,
Как прожить – им решать.

МАЙСКОЕ – ЖЕНСКОЕ

Мир! Труд! Май!
Семья! Родина! Дети!
Дома – и мая, и лай –
Братья меньшие эти...

Рассада и огород –
Те еще заботы!

На митинг идет народ...
Какие надеть мне боты?

Полный сумбур в голове –
Не знаешь, за что схватиться.
В ТВ-передаче совет:
Надо пораньше ложиться!

А может пораньше вставать?
По солнцу, как наши деды?
И новости не читать?
Все же надену кеды!

Окрошка и в голове,
И на обед окрошка.
А за окошком май,
Солнышко бьет в окошко!

Надену высокий каблук,
Стану стройней немножко!
Выйду на улицу. Вдруг,
Встретилась черная кошка...

Все предрассудки – долой!
Весна! Витамины! Радость!
В дело нырнуть с головой,
Забывать про минутную слабость...

Праздник! Общенье! Салют!
Сколько прекрасных моментов...
Да и высокий каблук
Вызвал поток комплиментов!

Людмила Могильникова

Член РСПЛ с 2006 года

ДОЖДЬ

Дождь пришёл... По крышам заскользил
И морзянкой по стеклу застучал.
От дождя хочу набраться сил,
Чтобы дождь всю ночь меня баюкал,
Навевал чарующие сны,
Дал покоя и отдохновенья...
Чтоб, как берёзке – до весны,

До утра мне спать без пробужденья.
Утром дождь ушёл, развеяв сон,
Небо смотрит в окна серым взглядом,
И, грибной прохладой напоён,
Воздух дремлет над промокшим садом.
Томно раскрываются цветы –
Ждут момента – солнцу улыбнуться,
Ждут деревья птичьей суеты...
Дождь ушёл... Но обещал вернуться.

ВЕТЕР

Этот Ветер... Спутал все прогнозы,
Разбудив Весну нежданно рано,
Обострил «сердечные замозы»,
Бушевал по городу, как пьяный.
А Весна - расплакалась капризно:
Сладких зимних снов не посмотрелась
Под покровами снегов искристых,
К выходу нарядно не оделась.
Но срывает Ветер одеянья,
Обнажая забнувшие плечи,
И Весне с неловким бормотаньем
Сыплет утешительные речи.
И Весна смеется через слезы
Ветра угловатости мелепой,
Чувствуя тепло, а не угрозу
В этих завихрениях свирепых.
И стихает Ветер, покорившись
Неожиданной весенней ласке,
На плече котенком распушившись,
Нежно ей мурчит на ушко сказки.

ДОЖДЬ ВЕСЕННИЙ

Барабанит дождь весенний
В запотевшее стекло.
В кофе я ищу спасенье
И душевное тепло.
Капли прыгают упруго
На проклюнувшийся лист,
В догонялки друг за другом
Осыпаясь на карниз.
Вот бы мне такой же каплей
Прыгать в пляске озорной,
Чтобы в радостном спектакле,
Любовалась солнце мной!

РИФМА

Снова Рифма во мне забродила,
Будоража игристым вином,
Набирая пьянящую силу,
Разлучает с покоем и сном.

Снова манит от всех укрыться,
Заставляет куда-то бежать,
Словно лист на ветру, кружиться,
Строчки-мысли взахлёб выражать...

В глубине подсознания зреет,
Наливаясь тягучей крепостью,
Рифма стройностью душу греет,
Удивляет порой нелепостью...

Не терзай же, не мучь меня боле!
Эта жажда – моя зависимость...
Ты мою подчинила волю,
Ты мою усыпила бдительность.

И больна я тобой ещё с юности,
И пьяна я тобой – до крайности...
Напитой же меня своей мудростью,
Как не скваситься в укус реальности!

ЗИМНЯЯ ВИШНЯ

Может, кончилась в жизни зима,
Может, счастье подкралось неслышно,
Только вдруг в Новый год расцвела
На столе моем зимняя вишня.
С этих веток в осенней тиши
Осыпалась багровые листья,
Как опавшие крылья души,
На тетради ложились и письма.
На морозных узорах игру
Я смотрела сквозь ветви ногие...
В наступившем году поутру
Вдруг проклюнулись почки тугие!
И как будто бы стало теплей
В этом доме, любовью забытом,
В аромате цветущих ветвей
Было тайное что-то сокрыто.
Кто-то скажет, что всё – суета,
Можно встретить такое повсюду,
Но живёт в моём сердце мечта:
Верю я новогоднему чуду!

Анастасия Меньщикова

ЖЕНЩИНА

Я хочу быть обычной женщиной
Без коней и без изб горящих.
Слабой, нежной и даже доверчивой
К тем, кто в душу мою входят.

Я хочу не решать насущное,
А как раньше, по давней традиции,
Идти рядом. Не быть ведущей
И сложить с себя всю амуницию.

Я хочу стать твоей берегиней,
Искрой быть в очаге пылающей.
Но при этом не быть рабыней,
В бесконечности дней увядающей.

Я хочу наполнять и радовать,
Сохраняя в себе благодетели.
И в ладони твои нежно вкладывать
Лишь добра и любви соцветия.

ДОРОГУ ОСИЛИТ – ИДУЩИЙ...

Дорогу осилит – идущий,
А ищущий страстно – найдет.
Кто с верою вездесущей –
Без страха войдет в поворот.

Просящий – получит как данность,
Стучащему – дверь откроют.
То – истина, а не странность,
Не чудо, как все говорят.

Так будем шагать безустанно,
Так будем искать и просить!
В сердцах наших все первоизданно –
Надеяться! Верить! Любить!

ПРОГУЛКА В ДЕТСТВО

Собралась прогуляться я в детство.
Вот, того и глядишь, убегу
И с улыбкой легкой кокетства
Закружусь на ближайшем лугу!

Упаду в его мягкую зелень,
Буду звезды искать, так и знай!
Каждый раз небосвод неподделен,
Ты, поди-ка, его разгадай!

Буду песни горланить сквозь хохот,
Танцевать по искрящей росе!
И услышу раскатистый грохот –
Он предвестником станет грозе!

И гроза зашумит, надвигаясь,
Но внезапно пройдет стороной...
И тогда я вздохну, собираясь
К взрослой жизни обратной тропой...

У порога ключи я достану
И с ресницы слезинку смахну:
«Я быть взрослой безмерно устала!
Я быть взрослой уже не могу!»

И летели ключи далеко
С перезвоном в лучах зари...
Детство ведь не имеет срока,
Оно живо всегда внутри.

Елена Морозовская

Член РСПЛ с 2022 года

ВЕСНА В ДОРОГЕ

К нам в окно постучалась весна,
Зазывают её воробьи.
И коты всё поют допоздна
Незатейливо песни свои.

А сосульки срываясь летят
На дорогу, под крыши домов.
По-весеннему гулко звенят,
Подбирая мелодию слов.

Словно будят мелодией нас:
– Просыпайтесь, в дороге весна.
Вчера сын улетел на Донбасс.
Так в окно постучалась война.

ЖЕТОН СМЕРТНИКА

Ты пришел, чтобы снова уйти,
Разорвав мою душу на части,
И никто не захочет спасти
Мое глупое нервное счастье.

Ничего, что душа на излом,
И что в сердце кровавая пена.
Я иду, как всегда напролом,
По дороге сбивая все цены.

Ну а ценник растет и растет,
И не хочет меняться по сути.
Все, наверное, скоро пройдет.
Обесценив все в мире до жути.

В жизни смысла уже не сменить,
И маршруты потеряны где-то.
Лишь жетон, как последняя нить,
Ищет все на вопросы ответы.

ШТУРМОВИКИ

Каждая минута как набат:
Как там сын: не ранен, не убит?
Штурмом семеро идут ребят,
Выход боевой опять гремит.

В голове звучат его слова:
Мы уходим, я тебя люблю.
Слышу голос я едва-едва.
Господа за всех, за вас молю.

Дай в пути удачи и добра,
Господи, спаси их, помоги.
Им обратно быть уже пора.
После боя всех их сбереги!

Снова выход, семеро в строю,
Вновь стучат секунды, как набат.
Шестеро погибли в том бою.
Лишь один живым пришёл назад.

ЛЕТЕЛ ОСКОЛОК

Летел осколок прямо в сына,
А угодил в бронезилет.
Прикрыт землей наполовину,
Лежит и мыслит: «Ну, привет.

В тебе я снова обманулся,
Опять уже в который раз,
Ты вновь от смерти увернулся,
И повезло тебе сейчас.

К тебе присматриваться буду,
Всегда, везде, издалека.
И о тебе я не забуду,
Я подружусь с тобой пока...»

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

Десять дней, звучит, как приговор.
Связи нет с тобою десять дней.
Цифры все, как выстрелы в упор.
На душе всё льдинка холодней.

Все нормально – мысли в голове,
Просто там в разведке нелегко.
Буква Z видна на рукаве,
Где ты там далёко-далеко?

Как ты там? Живой ли ты сейчас?
Я сниму твою любую боль.
Как силнее твоих увидеть глаз?
Как закрыть от пуль тебя собой?

Я не знаю, как тебе помочь.
Где найти смогу твои следы?
Мрачно на душе мне в эту ночь.
Как закрыть тебя мне от беды?

ЧЕТВЕРТЫЕ СУТКИ

Четвёртые сутки под грохот снарядов
Четвёртые сутки в окопах сидят.
Так хочется выйти из этого ада,
Увидеть живыми погибших ребят.

Трёхсотых так много, и нет им замены,
Ротация в деле, увы, на словах.
Никто из врагов не заметит подмены,
И раненых много в госпиталях.

Вернуться живыми – желание солдата,
Так хочется к маме вернуться домой.
Но выше всего приказанье комбата.
Лишь только Победа! Любою ценой!

Артиллеристы

Вы не искали теплых мест,
И не просили Божью милость.
И это не красивый жест,
А так судьба распорядилась.

Вас ждали на передовой,
Мобилизованных с Елани.

Вам так хотелось всем домой,
И на побывку к милой маме.

Домой вернуться нелегко,
Лишь два пути: груз 200, 300.
До мирной жизни далеко,
Вот все пути артиллериста.

А СМЕРТЬ ВСЁ ХОДИТ ПО ПЯТАМ

А смерть всё ходит по пятам:
То тут, то там; то тут то там.
Не хочет отставать никак,
Хотя она – твой злейший враг.

На поле боя всё следит –
Кого и кто там победит.
Всё суетится и поёт:
«Кто и за кем, когда умрёт!»

У каждого своя стезя,
О смерти думать нам нельзя.
В бою кому-то повезёт,
И смерти очередь пройдёт.

А кто-то в цинке и домой
Приедет к матери родной.
По своей жизненной стезе
ЖИВЫМИ возвращайтесь все!

ПОСЛЕДНИЙ ВЕРДИКТ

Потерялся твой след
Среди тысячи вёрст
Среди сотен надежд
И желаний.
И опять, как в воронку
По жизни несёт,
По следам чьих-то
Дерзких посланий.

И закрылись опять
Все замки на дверях,
И все окна
Затянуты глухо.
И опять я блуждаю
Как будто в плотьях.
А за мною стоит
Смерть-старуха.

Что ей надо? Зачем
Тихо бродит она
По дорогам
Незримым и тёмным?
Исполняет желания
И мысли сполна,
И желанья её
Неуёмны.

Жизнь и смерть на весах,
Кто кого победит
В мясорубке тяжёлой
И страшной?
Кто в итоге подпишет
Последний вердикт?
Позабыв о проблемах
Вчерашних.

ВОТ И ЛУЖИ В ЛЕДЯНЫХ ОПРАВАХ

Вот и лужи в ледяных оправках,
Как слюдой покрыты кружевной.
Кажется вчера в ажурных травах
Утопали в зелени речной.

А сегодня лёд хрустит на речке,
Не увидишь ты зеркальных луж.
Только стаи всё летят беспечно
От холодных и морозных стуж.

Вьюга заметает все дороги,
Покрывает пеленой дома.
И стекларус щедро нам под ноги
Всем бросает рассыпью зима.

Будем ждать весеннего привета,
Что нам принесёт с собой весна?
Очень хочется тепла и света,
Чтоб скорей закончилась война.

ТАЛИСМАН

Как-то сын рассказал историю свою,
Как с бойцом подружился на СВО.
Воевали в штурмовиках в одном бою,
Встретились в окопе под Рождество.

По Аьдеевке вместе прошли стеной,
Зачищая подвалы сторевших домов.
Так хотелось на Рождество домой,
Но попал на войну праздник Христов.

А боец тогда подарил талисман
Монетку сыну, как оберег.
И сын ее положил в карман.
В сыром окопе и был ночлег.

Бойца амулет этот защищал,
И выводил из боев живым.
Но он почему-то его отдал
Сыну, и про него забыл.

После штурма расстались они,
Каждый на позицию свою.
Сын монетку ту сохранил.
А парень погиб в другом бою.

НАВЕКИ МОЛОДЫЕ

Горели свечи восковые
Как будто плакали со мной.
Бойцы, навеки молодые,
Лежат, укрытые землей.

Над ними знамя гордо реет,
Российский яркий триколор.
Их больше солнце не согреет,
Их души рвутся на простор.

Простор космический, небесный,
Далёкий от мирских забот.
И ангелы поют им песни,
Война их больше не зовёт.

Им больше не страшны снаряды,
Позиций им не защищать.
И Искандера, Смерчи, Града,
Там, где они, не увидеть.

У них закончились заботы.
Кивают на прощанье им
И Ураган, и миномёты
Бойцам, навеки молодым.

Александра Пресекова

Стояла сильная жара,
И небеса дышали зноем,
А тучки снова, как вчера,
Прошли пениво стороною.

И выходил, глядел народ,
Из-под руки прищурясь в небо:
«Неужто мы и в этот год
Опять останемся без хлеба».

Казалось, сонной дремотой
Была объята вся округа.
И лишь старик, совсем седой,
Просил о милости у Бога.

Взывал он громко ко Творцу,
Крестя себя тремя перстами,
А слёзы жгучи по лицу
Текли солёными ручьями.

И вдруг откуда что взялось,
Но пасмурнело разом небо,
Раскатом грома разошлось
Над полусонным полем хлебным.

Всё ближе слышалась гроза,
И стрелы молний в ярком блеске
Кромсали тучи в небесах
И угасали в перелесках.

Тут хлынул дождик проливной,
Сплетаясь в дружные потоки,
А гром сердито над землёй
Рычал то близко, то далеко.

Утихла к вечеру гроза,
Скатилась тучей за дубравы.
И просияли небеса,
И потянулись к солнцу травы.

Земля вздохнула глубоко
После губительного зноя,
А с неба радуга легко
Свисала пентою цветною.

Напившись влагою живой,
Поля заметно оживали,
И, освежённые дождём,
Берёзки в копках ликовали.

И над землёю воздух млеп,
И у людей сияли лица.
В саду соловушка запел
От счастья звонко, голосисто.

Сердцу снится мой край синеокий,
Где ромашки бегут меж полей,
Где прудок с серебристой осокой
На задворках усадьбы моей.

Там, как прежде, в кустах не смолкают
Голоса певчих птиц под окном,
Только вот уж совсем оседает
Наш бревенчатый старенький дом.

И плетень привалился к березе,
Сиротливо наш выглядит двор,
И калитка, как будто сквозь слезы,
Все о прошлом ведет разговор.

Ну, а все остальное, как было:
Та же синь над притихшей рекой,

И ракитник над самым обрывом
Обнимает закат золотой.
И с полей тянет донником, мятой,
Слышно ржанье в заречных пугах,
И звеня, с неба звездочки падают
В синий вечер, что медом пропах.

Посвящается брату Леониду

Мы, в детстве озябнув сильно,
Лежали на русской печи,
Нас пот прошибал обильный,
И спину нам жгли кирпичи.

А бабушка, ловко из печи,
Ухватом достав чугунок:
– Слезайте, робятки, уж вечер,
Хватит глазеть в потолок.

Мы быстро с печи слезали,
Садись в рядочек за стол
И впрогоречь щи хлебали,
Глядя на темный пол.

Под тусклым стеклышком лампа
Едва заметно мерцала
И тени причудливо, плавно
По стенам избы рисовала.

А тени то вдруг замирали,
То вдруг оживали в углах,
А мы поскорее бежали
Из-за стола поиграть.

И весело, дружно играли
До позднего вечера в прятки,
Что с бабушкой змиг засыпали,
Под сказки ее очень сладко.

Нам снились со свистом метели,
Березки в снегу под окном,
И как мы с горы летели
С салазок в сугроб кувирком.

А в небе мерцающем, звездном
Месяц блуждал молодой,
И свет серебристый, холодный
Лил на снежок голубой.

Мы родились после войны
Вдали от мест былых сражений,
Не гнули до ночи спины,
Не знали горьких потрясений.

Мы – безотцовщина тех лет
На фермах мамам помогали,
Печаль их видели от бед,
Не понаслышке бедность знали.

Мы одевались кто как мог:
Пальто порой с плеча чужого,
Босыми бежали на ток,
Помочь во всем были готовы.

А летом, в пору сенокоса,
Сгребали в кучки мы валки,
Дед Петр рассказывал, как плеткой
Макар их гнал за колоски.

А те голодные бежали
По полю колкому домой,
Ревели голосом и знали,
Что не оставит так «хромой».

Он, так и есть, донес в управу,
Не пожалел совсем мальцов,
Считал себя объездчик правым,
Ведь шла война, тут не до слов.

Смахнув у глаз своих слезинки,
Дед Петр, усевшись на пенек,
Скрепив нам старые «квозилки»:
«Ну вот, отробили денек».

Пусть мы немного уставали,
Но лучше не было поры,
Обедов мы вкусней не знали,
Плеча надежней детворы.

Все были мы детьми природы,
Округу знали назубок
И что погода, непогода
Лукошки брали и в лесок.

Придя домой, толченых ягод
Мы наедались с молоком,
И, хворостины взяв, ватагой
Неслись коров встречать бегом.

Закат горел над тихим бором,
Тянуло донником с полей,
А мы, подросточки, опорой
Для наших были матерей.

Мы жили все семьей одною
Добрее были ко всему,
Под лампой тусклою зимою
Учились разуму-уму.

Ах, детство-детство, ты босое,
Вот если б можно все вернуть,
То мы бы с радостью с тобою
Прошли счастливый жизни путь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Он вернулся из горячей точки,
Где свой долг священный выполнял,
На не взятъ ему на руки дочку –
Он в бою их обе потерял.

Побелел как лунь, хотя и молод,
Взглянешь бегло – сразу не признать.
И в груди его колючий холод
От того, что близких не обнять.

У родных растерянность на лицах,
В тоже время радость – ведь живой!
Мать на Богородицу крестится,
Делая поклоны головой.

А жена целует, обнимает,
Что-то шепчет мужу горячо,
И слезу соленую роняет
На его кожолое плечо.

Вот за стол садятся все родные,
Поднимают чарку за бойца,
А у него от радости, беды ли
Взор туманит жгучая слеза.

А сосед, вдруг развернув гармошку,
Баритоном бархатным запел,
Про сирень, цветущую в окошке,
Про закат, что ярко пламенел.

Наш солдатик, от всего хмелея,
Вдруг выходит в горницу, на круг:
«Ну-ка, Коль, сыграй-ка веселее,
Плясовую, закадычный друг!»

И глаза у Ванечки сияли,
Выбивал он дробь гармонии в такт,
Капли пота от висков стекали,
А его сильнее брал азарт.

За столом негромко говорили,
Все о жизни разговор вели,
Гордый взгляд с Ивана не сводили
И скрывали слезы, как магли.

Время за полночь перевалило,
Заспешили гости по домам,
А Иван с семьей своею милой
Говорили долго по душам.

Гасли звезды в небе темно-синем,
Близился лазоревый рассвет,
А герою Матушки – России
Сна никак все нет, и нет, и нет...

Сколько ж их таких по белу свету,
Не щадивших жизни на войне.
Только не забыли бы об этом,
О беде их в собственной стране.

Юрий Сафронов

Член РСПЛ с 2009 года

Диалог

Малая родина – сила России,
Место далёкого, светлого детства...
Малая родина как-то спросила:
– Пустишь ли, мамочка, дочку погреться?
Спрячешь ли сирую деву под крылышко,
Дашь ли понежиться в мягкой постели?
Нет уж терпенья, ни мочи, ни силушки,
Так деревеньки мои опустели...
Тихо в ответ рассмеялась Россия,
Каменных градов прикрывшись стеной:
– Знаю, и эту беду ты осилишь,
Из пепла родиться тебе не впервой.
Вытянешь, вывезешь, всё победишь,
Пашни и сёла свои возродишь.
С честью осилишь тяжкое бремя.
Нужны лишь вера, терпенье и время.

Друзьям

Друзья мои! Я помню вас:
Красивых, юных и далёких,
Улыбки, смех, сиянье глаз
Зелёных, тёмных, синеоких.
Спасибо вам, кто есть и были!
Вы руку дружбы мне дарили,
Благое слово и привет
Сквозь роковую толщу лет.
Не меркнет дружбы свет с годами.
Друзья мои! Я рядом с вами.

На краешке России

На самом краешке России
С тобою вместе жил и рос;
В душе распахнутой унёс:
Озер просторы голубые
И кудри пышные берёз,
Снегов сияющих простор
И зорь багряных чудеса –
Мне с детских лет пленяла взор
Твоя, о Родина, краса.
И коротаю дни скулые
С тобой на краешке России.

Запах родины

Как вкусно пахнут калачи
Рядком на лавке, пышны телом
Из русской сказочной печи,
Творенье женских рук умелых.
Забот крестьянских полон дом:
Всё пахнет миром и добром,
И каждый занят своим делом.
Весна. Поля парят, проснулись,
И лебеди домой вернулись,
Кричат из выси голубой,
И пахнет талою водой.
А летний день пропах клубникой,
Опушка ягодой красна...
И женский смех, ребячьи крики,
Корзина ягодой полна.
«Мальчишек радостный народ»
С весёлой искрою в глазах
Добычу горстью прячет в рот,
А воздух ягодой пропах...
У ребятни такой порядок,
И запах родины так сладок.
Обилье трав, сиянье рос,
Шагает бодро сенокос.
И косы провят мужики,
А следом – пышные валки.
Так было в детстве, мой приятель,
И запах сена так приятен!
Когда в обед и в самый зной,
Мы отдыхали под колной.

Как поле хлебное красиво!
Зерном созревшим пахнет нива.
И запах этот на века
Волнует сердце мужика.
Страда закончила свой бег,
И вот он, первый робкий снег.
Он покрывает доли грустью
И тоже пахнет милой Русью.
Но нет мне радости былой,
Над светлым прошлым память чахнет...
Страданьем, горем и войной
В родном краю сегодня пахнет.
Пришли лихие времена,
Крепись, держись, моя страна.
Люби, трудись под русским небом,
И пусть, как в детстве, пахнет хлебом!

ОДА СИБИРИ

Сибирь, ты многих приютила,
Простором, силой завлекла.
Мятежным – хладная могила,
Отважным – память на века.
Свободой ты людей манила,
И шли к тебе со всех сторон.
Вливала ты России силу,
Слышала ты кандалный звон.

Родила рек могучих воды,
Лесов и гор почётный груз,
Сплотила ты наши народы
В могучий вековой союз.
На сотни лет дала работу
Седая сказочная ширь.
Державы боевым оплотом
Явилась матушка Сибири!
Хвала тебе на многие лета,
Не я один тобой пленен.
И пусть поют тебя поэты
Наших народов и племён.

О ПРОШЛОМ

Средь жуткой суеты вселенской
Мне светят ярко, как огни,
Охоты-радостные дни –
Отрада жизни деревенской.
Уводит в юность лыжный след:
Сквозь толщу уходящих лет
Друзей своих я вижу лица
И косяки летающей птицы,
И зверя вспугнутого бег
Мне снятся долгими ночами.
Подснежник первый, первый снег,
Костры, охоты вместе с вами,
Мои заветные друзья,
И прошлой жизнью счастлив я.

Маргарита Сафронова

член РСПЛ с 2017 года

НА ГЛУБИНЕ

Я так умею уходить на дно
Мне там приятно, тихо и темно.
На глубине терлется мой след.
Тем ярче вспыхнет возвращенья свет!
Не ждите, не ищите, нет меня.
Луна, ночные волны леденя,
Указывает верный путь ко мне.
Но вы не силах жить на глубине.
Вы захлебнётесь тёмной тишиной.
Вы не найдёте путь обратный свой.
Я поднимусь, когда наступит час.
Собьётесь вы, и я забуду вас.

КРЕДО

Не стой на месте и не останавливай
Идущих мимо по своим делам.
Себя с другими никогда не сравнивай.
Свое определяй по жизни сам.
Чужое, как ни бейся, потеряется,
Так не хватай ни вещи, ни людей.
Не нужно объяснять живое таинство:
Само придёт, а ты сберечь сумеи.

И на вечной мерзлоте цветут цветы,
Пусть недолго и не напоказ.
После выжженной полярной темноты —
Чудо для привыкших к снегу глаз.
Расцветают взгляды, лепестки ресниц
Смахивают солнечную пыль.
Собираем лето из цветных крупниц,
Вплываем сердцем тёплый штиль.
Но всегда на горизонте горы туч.
Не забьётся, остаётся ждать,
Как растает в мгле последний тёплый луч
И замкнётся зимний круг опять.

БЕРЕЗКА И ПЛЮЩ

Босня

Юная затейница берёзка
Всех красой хрустальной восхищала.
Вся округа ей рукоплескала!
Но коварная лиса-плутовка,
Мимо пробегая, уронила
Семечко плюща, и вскоре мощно
Плющ пророс и зазмеился к солнцу,
Обвивая ствол берёзки милой,
Он проворно лез, её ветвями
Прикрываясь от ветров секущих,
Вытесняя жадными корнями
Корни всех растений близ растущих.
Он пытался заменить собою
Красоту берёзки знаменитой,
Не стесняясь наглости открытой,
Шелестел развесистой листвою:
«Посмотрите на меня, я лучший!
Я под солнцем всех затмил, я главный!
Я собой закрою свет хрустальный!
Я на свете всех милей и круче!»

Пробежал внизу весёлый ёжик,
Видит стебель толстый, сочный, сладкий.
Ёж тогда был голоден немножко,
Перегрыз его и без оглядки
Дальше побежал в лесную чащу.
В солнечных лучах берёзка грелась.
Плющ лежал печальный и увядший.
Победили красота и смелость!
Босни сей мораль проста: Не рвитесь
К славе и наградам с жадной властью!
Вы кору сначала нарастите,
Закаляясь в испытаниях частых.

ПУТЬ

Своя земная колея
Трудна в начале. Я сейчас
Иду, рискуя и творя,
К земле не опускаю глаз.
Она сама несёт меня,
Выводит из любых невзгод.
Никто не в силах путь отнять,
Прожитый через кровь и пот.
Когда встаёшь на путь чужой,
Легко в начале, но потом
Привыкнешь быть всегда второй
С опущенным к следам лицом.
Вгрызайся в свой родимый путь.
Не подбирай за первым крох.
Учись в падении шагнуть.
Тогда тебя поддержит Бог.

Они сжигали красоту.
Они, владея красотой,
Наивную до слёз мечту
Сжигали в пепел под собой.
В ответ на истовость молитв
Дарило небо им любовь.
Они, дар неба отстранив,
Её сжигали вновь и вновь.
Она боролась, как могла,
Она стучалась в ночь сердец...
Она бы всех легко спасла.
Они зывали: Бог-Отец!
Топтали пепел под собой,
Не замечая искры звёзд.
Отец смотрел на мир земной
С надеждою последних слёз.

Николай Старкин

ГОРА АЙ-ПЕТРИ

Гора Ай-Петри ловит облака.
Они плывут, как лебеди в долине,
И серебрятся скалы лишь слегка,
А выше на «зубцах» белёсый иней.

Всё повторяется в веках,
Я вижу с моря вид красивый,
И на Ай-Петри облака
Всё превратили в белый иней.

АЛУШТА ВЕЧЕРНЯЯ

Теплом Алушта ублажала.
На море штиль и тишина.
Над кипарисами сияла
Влюблённых спутница, луна.

Огни кафе не угасали,
А запоздалая волна
Пришла на брег. Ночь провожали –
Я не один, ты не одна.

Алушта новый день встречала,
Едва очнувшись ото сна.
В лучах светящегося дня
Ты не смотри на фонари,
Они погаснут до зари.

АЙ-ПЕТРИ

С высоты плато Ай-Петри
Ты на море смотришь
вниз,
Растянулись здесь Алуш-
ка
И Мисхор, и Корсиз.
Поворот за поворотом,
Кипарисы вдоль дорог...
Насмотрелся, находился,
В красоту твою влюбил-
ся,
Крым, даю тебе зарок:
Забывать не стану
КРЫМ С РОССИЕЙ НАВСЕГДА
Эти южные края...

Крымский мост – задумка
века!

Это всё для человека.
Нужен Крыму, нужен нам,
Русский мир и тут, и там.

Руку дружбы протянули,
Крым в Россию вновь верну-
ли.

Крымский мост – он на века
Закрепил два берега!

Крым – Россия,
Керчь – Тамань.
Севастополь и Кубань –
Это наша Родина!

Русский мир и тут, и там
Со страной едины,
Крым с Россией навсегда,
Мы **ЛЮБОВЬ У НАС ОДНА**
Наша едины!

Я сегодня рано встану,
К солнцу руки подниму.
Если я тебя увижу,
Поцелую, обниму!

Буду я лучом прекрасным,
Ты зарею стать должна,
И весна для нас, как счастье,
И любовь у нас одна!
Будем жить с тобою в мире,
Нам разлуки не страшны.
Потому что мы любимы,
Потому что мы верны!

НИМФА

Шумит волна,
Взбивая пену,
Утес на месте,
Ялта на виду,
И солнце
Ореанду осветило,
Ротонду
И Крестовую гору.
Как будто нимфа,
Выходящая из пены,
Кому-то молвила:
«Я больше вас не жду...»
В молчаньи,
Как застенчивая дева,
Ушла в объятия
Водопада Учан-Су.

Я помню встречу при жаре
И снег пушистый, тополиный,
Который я с тебя сдувал.
И ты была такой счастливой...

Сейчас, когда вокруг зима
Бушует снежною лавиной,
Я снова вспомнил о тебе
И о том снеге тополином...

РАДИ НАШЕЙ ЛЮБВИ

Не ревнуй меня милая,
За грехи не вини,
Всё что послано свыше –
Ради нашей любви.
Мы дорогою лунною
По жизни идем.
Не ревнуй меня ночью,
Не ревнуй меня днём.
Не ревнуй меня, милая,
За любовь не брани,
Всё, что послано свыше,
В этой жизни прими.

Айгуль Цюрмаст

МОЯ РОССИЯ

Моя Россия, сколько терпишь ты
Обид и унижений в наше время!
Враги скулят, поджав свои хвосты,
Распространяя ненависти семя.

Как страшен тот, кто бьет исподтишка,
Себя к России подло причисляя,
Кому страну любить – кишка тонка,
Своих хозяев щедро прославляет.

Нелепо разукрасивши себя,
Стыдливо извиняются пред теми,
Кому Россия так нужна в цепях,
Разбитая, униженная всеми.

Уйдите, не позорьте русский дух,
Веками закалялся он в победах!
Вы, те, кто изнутри давно протух,
Молчите, не поганьте память дедов!

СЧАСТЬЕ

Не надо говорить, что счастья нет
Оно в улыбке детской притаится
Огнем костра тебе пришлет привет
И тучкой дождевою прослезится.

Листвой осенней закружится вдруг
Обнимет легким ветром на дороге
И солнцем ярким обозначит круг
Чтоб оградить любимых от тревоги.

Дыханием зимы придет к тебе
Осыплет пухом снежным наши крыши
Как много счастья в полной тишине
Его нам нужно просто всем услышать.

Спасибо утро, что пришло ко мне
Спасибо день, что подарил надежду
Мой вечер я благодарю вдвойне
За то, что отдыхаю безмятежно.

И ночи с предвкушением я жду
Устало растянувшись на постели
В мир ярких снов счастливая уйду
Словно малыш в уютной колыбели.

За каждый миг судьбу благодарю
Какое счастье – просто жить на свете
Тепло души я людям подарю!
Чтоб стала чуть добрее на планете!

НА МОЕ ИЗРАНЕННОЕ СЕРДЦЕ

На мое израненное сердце
Ты пролей бальзам своей любви
В прошлое заколоти все дверцы
Боли в сердце прикажи уйти.

Растворись во мне ты без остатка
Легким ветром сдуй мою печаль
Усыпи в объятьях своих сладких
И тогда совсем не будет жаль

Лет, что пролетели словно птицы
Тех мужчин, что бросили меня
И надежд, которым с ними сбываться
Не пришлось до нынешнего дня!

С ТОБОЙ

Я очень хочу проснуться
С тобой на одной подушке,
Рукой твоих губ коснуться,
Болтать чепуху на ушко.

Накинуть твою рубашку,
И в ней постоять на балконе,
Налить крепкий кофе в чашку,
И к черту послать телефоны.

Счастье к лицу примерить,
Смахнув одиночество пудрой,
Тобою дышать и верить,
Что так будет каждое утро.

ЛЮБИТЕ ЖИЗНЬ

Любите жизнь, когда бывает больно
Стремитесь жить, когда погаснет свет.
И будьте самым крохотным довольны
Ведь ничего ценнее жизни нет.

За самой длинной ночью день настанет
Согреет душу добрых глаз тепло
И солнце тем светить не перестанет,
Кому родиться просто повезло.

Взгляните в небо, посчитайте звезды,
В морские дали устремите взор,
Ведь рисовать нам никогда не поздно,
Своей судьбы причудливый узор.

Остановитесь, глубоко вдохните,
Услышите Бога, он на свете есть,
Живите в мире, просто жизнь цените,
И будет вам за то хвала и честь.

ПРОЗА

Андрей Ветров

Член Союза писателей России

ГЛАЗА

Сегодня я снова поругался с Лерой. Мы и раньше-то жили не особо дружно, а в последнее время ссора стала чуть ли не ежедневным нашим ритуалом. В этот раз кричала только она. Я же просто смотрел на неё и тупо улыбался, зная, что в такие моменты это бесит её даже больше, чем мои гадости в ответ. В порыве гнева Лера терала контроль над собой и могла наговорить всё, что угодно. Главный посыл сегодняшнего ора состоял в том, что я эгоист, который никогда и никого не любил, а решение связаться со мной это самая большая ошибка в её жизни. На какое-то время я даже задумался, а действительно, любил ли я?

Глаза. Её глаза – большие-большие, как два весёлых облака которые иногда таранились на меня в окно моей спальни. Голубые – голубые, как небо, по которому плыли эти облака. Озорные-озорные, со своими чёрточками внутри и одновременно чистые, как родниковая вода. Это то, что я всегда отчётливо видел, когда вспоминал о ней. А ещё я помнил, что мне было очень хорошо и спокойно рядом с ней. Мне, рыжему пятилетнему мальчишке, грозе местных гусей и куриц. И пускай стрелы моего лука не наносили птицам большого вреда, но зато переполох всегда получался значительный. Мальчишке, у которого дня не проходило, чтобы он что-нибудь да не натворил, и которого бабушка частенько отмазывала перед соседями за очередные проделки.

А когда я встречался с ней, меня словно подменяли. Я становился просто другим чело-

веком. Мы могли подолгу спокойно играть в песочнице или качаться на качели. Она могла поделиться со мной последней конфетой, а я разрешал ей кататься на своём трёхколёсном велосипеде, к которому относился очень ревностно и никому не разрешал даже посидеть на нём, не то, что прокатиться. Бывало даже так, что она играла со своей куклой, а я мог сидеть рядом, молчать и просто наблюдать за ней. А иногда мы брались за руки и шли гулять.

Однажды я даже спас её от гуся по кличке «Гапон». Это случилось в одну из наших прогулок. С этим гусем у меня были давние личные счёты. Я частенько улепёвывал от него, потому что Гапон был единственным гусем в деревне, который не боялся ни стрел из моего лука, ни моей шпаги из ивового прутика. И вот когда Гапон в очередной раз решил поваляндриться перед своими гусынями и налетел на нас, грозно шипя и хлопая широко расставленными крыльями, я уже было решил дать дёру, тем более что ни шпаги, ни лука у меня с собой не было. Но едва представив себе, что гусь может напугать или, еще того хуже, ущипнуть её, я тут же схватил первый подвернувшийся под руку камень и крикнув ей: «Беги!», встал в позу воина, готового без раздумий броситься под гусеницы вражеского танка. Сказать, что мне было страшно – значит, не сказать ничего. Страх не просто парализовал моё тело, он стал на моём теле сотню металлических обручей, кокими стягивали деревянные бочки, и загнал вглубь меня, куда-то очень глубоко, мой голос. Я стоял и не мог ни поше-

вельтаться, ни закричать. Казалось, уж в этот-то раз Гапон сполна посчитается со мной за всех обиженных птичек.

Но тут произошло настоящее чудо. То ли гусь испугался моего перекошенного от страха лица, то ли посчитал что для уважения гусынь ему достаточно и одного убегающего, но сначала он остановился, а потом с гордым видом, громко гогоча, развернулся и вразвалочку пошёл обратно...

Я не знаю, что это было. Любовь? Или обычная детская дружба? Вряд ли кто-то из взрослых тогда серьёзно воспринимал эту ситуацию и то, что случилось дальше, поставило многих в тупик.

Проснувшись ближе к обеду, умывшись и наспех позавтракав, я прибежал к нашей пещице. Прождав достаточно долго и не дождавись её, я попытался проникнуть за ограду дома моей подружки, но калитка была заперта изнутри. Тогда я стал заглядывать в щели дощатого забора, пытаясь хоть что-нибудь увидеть, пока щель в заборе не совпала с входными дверями. Увидев замок на двери, и ничего не заподозрив, мало ли куда она могла уехать с родителями, я помчался заниматься другими делами, которых у пятилетнего мальчишки в деревне, да еще летом, да ещё когда он практически целый день предоставлен сам себе, всегда предостаточно. В течение дня я ещё несколько раз прибежал к её дому, и каждый раз через щель в заборе видел одну и ту же картину – замок на двери. Так продолжалось несколько дней: я вставал, и уже не умываясь и не завтракая, бежал по одному и тому же маршруту, а обнаружив всё тот же замок на дверях, брёл домой. Пока однажды проходившая мимо соседка, увидев как я, в очередной раз, прилип к щели в заборе, не сказала:

– Так уехали они.

Не совсем понимая, что происходит я, переспросил:

– Как уехали?! Куда уехали?!

– Совсем уехали, – буднично сказала соседка и пошла дальше.

А я побрёл домой и заболел. Заболел так, что ни родители, ни доктора не могли понять, что со мной происходит и от чего меня надо лечить. Никаких видимых и невидимых симптомов обнаружить у меня не смогли. Я целыми днями лежал в постели, смотрел в одну точку, отказывался от пищи, от конфет, от новых игрушек и ни с кем не хотел разговаривать. Так продолжалось около двух недель, но время, как известно, лечит...

В следующий раз я увидел эти глаза только через семь лет. Мама собралась в гости к своей сестре в другой город и взяла меня с собой. Ехать надо было чуть больше суток на поезде. Нам достались верхняя и нижняя полка в купе посередине вагона. Ещё два места были свободные. Переодевшись, мы решили перекусить, как говорится, чем Бог послал. А Бог поездов обычно посылает всем пассажирам примерно одинаковые наборы. Это курица в фольге, бутерброды с колбасой, варёные яйца, овощи и фрукты. На ужин из всего этого «разнообразия» нам достались курица и овощи. Проводница, невысокая шуплая женщина, про которую в народе бы сказали «маленькая собачка до старости щенок», принесла чай. После перекуса, я забрался на верхнюю полку, достал книгу и погрузился в джунгли, заселённые племенем Семинолов под предводительством бесстрашного вождя Оцеолы. Не знаю, сколько прошло времени, когда книга интересная, время пролетает незаметно; наш поезд стал замедляться, пока совсем не остановился. Мама сказала, что мы подъехали к Омску, что стоянка здесь двадцать минут и можно выйти на перрон и немного размяться. Но я не мог оставить Оцеолу один на один с вождём враждебного племени и поэтому отказался. Мама ушла, а в купе через какое-то время, со словами: «Ну, вот, внучка, и добрались», зашёл дедушка, а за ним девочка примерно моего возраста. Пока дед убирал чемодан в багажное отделение под нижней полкой, девочка стояла в проёме дверей. Сверху мне были видны только её русые волосы, заплетённые в две тугие косички. Я уже хотел

было снова переключиться на чтение книги, как вдруг девочка подняла голову и посмотрела на меня. Разряд электрического тока, похожий на тот, с которым я познакомился в шестилетнем возрасте, когда засунул два гвоздя в розетку, прошёл моё тело. Я не помнил овал её лица, не помнил её улыбку, её голос, но её глаза я не спутал бы ни с какими другими глазами на всей земле.

Всё те же два белых весёлых облака и голубое небо. Всё та же чистота родниковой воды во взгляде и всё те же озорные чёртики. Неизвестно, сколько ещё времени я бы пялился на неё, ни на секунду не отводя взгляда, но она вдруг показала мне язык. Это было так неожиданно, что книга выпала из моих рук. Мне повезло, что она не улетела на пол. Я быстрыми неловкими движениями поднял книгу, закрыл своё красное от смущения лицо, и сделал вид, что действие, происходящее на страницах книги, мне гораздо интереснее. Хотя ни о каком чтении уже не могло быть и речи. Мысли в моей голове, как кролики в маленькой клетке, бегали наперегонки друг с другом, не в силах вырваться из этого тесного пространства. Чуть успокоившись, я стал одним глазом наблюдать, что происходит в купе. Вернувшись с перрона мама познакомилась с новыми попутчиками. Поезд тронулся. Дедушка, сославшись на усталость, постелил постель и лёг на нижней полке. Девочке ничего не оставалось, как тоже постелить постель и забраться на верхнюю полку.

Поборов своё смущение и робость я предпринял попытку реабилитироваться за своё красное лицо, а заодно и познакомиться. Перебросил на её полку спичечный коробок с засушенным майским жуком. Надеюсь на то, что увидев жука, девочка завизжит от испуга, но не тут-то было. Медленно открыв коробок и аккуратно достав жука, она произнесла:

– Вау! Класс! – потом положила его на

ладонь и внимательно рассмотрев, спросила:
– Откуда у тебя такое сокровище?

Я с гордостью рассказал о том, как сам откопал жука в куче перегноя.

Так слово за слово мы разговорились. Оказалось, что она тоже любит читать, и даже знакома с моими любимыми авторами. Вскоре я совсем осмелел и перебрался на её полку. Мы, подогнув ноги калачиком, играли в карты, ели конфеты и болтали так, как будто были знакомы уже очень давно. Всё происходящее вокруг нас: стук колёс, быстро меняющиеся пейзажи за окном и музыка из динамика отступило на второй план. Мне было хорошо и спокойно рядом с ней так же, как тогда...

Вскоре в купе приглушили свет, пора было ложиться спать. Я вернулся на свою полку. Мы лежали молча и просто смотрели друг на друга, а когда взрослые уснули, взялись за руки...

Утром, когда я проснулся, полка напротив меня была пуста. На нижней полке сидел толстый потный мужик и с громким чавканьем поедал огромный бутерброд с колбасой. Двери были открыты. Мама стояла напротив нашего купе и смотрела в окно. Ничего не напоминало о наших попутчиках. Неужели всё, что было вчера, мне только приснилось?

Когда я очнулся, Лера показательно сбрасывала свои вещи в чемодан. Но у меня не было ни малейшего желания её остановить. Как будто пелена спала с моих глаз. Я смотрел на Леру и осознавал: всё происходящее сейчас с нами это не моё и если я не начну что-то менять в своей жизни, я просто погибну. Уже несколько лет я зачем-то пытался влиться в чужой мир и примерить чужую жизнь. Я отказывался идти своей дорогой, собирать свою сорную траву, сеять свои мысли и говорить на своём языке. Ведь получается, что я предал Её! Предал свою любовь! Предал Глаза, которые всю жизнь живут в моей памяти, в моём сердце. Я не набрался терпения, не дождался нашей третьей встречи, встречи после которой я больше никуда Её не отпущу.

Леонид Витебский

В ПОИСКАХ ГЛАВНОГО

В номере № 1 (17) журнала «Огни Зауралья» за 2022 год был опубликован большой обзор о ходе и первых результатах работы по проекту под этим названием. В нём рассмотрены представления о специфике этого проекта и его разделах, содержании каждого из них.

В последующий период вплоть до настоящего времени я продолжал наполнять каждый из разделов новыми иллюстративными материалами. В их качестве выступали рассказы, очерки, эссе, зарисовки, которые, как мне представляется, могут быть прочитаны под характерным для «Поисков Главного» углом зрения «прошлого для будущего».

Вот некоторые из них.

ИЗБРАННОЕ ИЗ РАЗДЕЛА «ПУТИ ОТ СЕБЯ И К СЕБЕ»

В АТМОСФЕРЕ ТВОРЧЕСТВА

«Мы снова будем говорить о красоте, такой, какую не потрогаешь руками, не всегда увидишь глазами, но которая делает жизнь радостной, помогает человеку найти настоящих друзей и быть счастливым» – так начиналось занятие Татьяны Николаевны Лепихиной из цикла «Уроки радости и красоты» на одном из наших семинаров-практикумов.

Как всегда, создавалось впечатление, что у неё в руках находится какое-то особое волшебное зеркало, в котором отражается и становится видимым для всех присутствующих то доброе, творческое, нереализованное, что есть в детях и что – увы – после этих ошеломляющих занятий опять становится невидимым и не востребуемым.

Почему? Потому что так редки такие мастера и такие занятия... И – главное – потому, что в повседневной педагогической действительности они отнюдь не выступают образцами, на которые следует ориентироваться.

Вот и в тот раз учительница класса, в котором проводилось занятие, умудрилась не заметить происшедшего на ее глазах чудесного преобразования её же третьеклассников. Когда завершился урок, самым сильным впечатлением от которого у всех присутствовавших было именно это умение за несколько минут раскрыть индивидуальность каждого ребенка, наступила пауза.

Непривычно тихо вели себя дети, не верившие, казалось, в то, что урок действительно закончился, молчали многочисленные гости, ошеломленные подлинным фейерверком педагогического таланта и мастерства. И странным диссонансом в этой тишине прозвучал громкий и властный голос учительницы: «Дети, что нужно сказать?»

Дети встрепенулись, как бы страхивая себя этот кратковременный волшебный эффект и, возвращаясь в обыденную жизнь, привычно и громко проскандировали: «Спа-си-бо», орга-

низованно, по команде, почти что строевым шагом покинули аудиторию.

«Ну и что? Что вы хотели этим сказать? Зачем всё это нужно?» – искренне недоуме-

вая, спросила нас в коридоре перед самым уходом учительница.

Она не увидела никакого смысла в этих странных, ни на что не похожих уроках...

ПУСТАЯ ПАПКА

На организованной мной научно-практической конференции руководство было вполне удовлетворено внешними атрибутами научности, связанными с докладами иногородних доцента и профессора. Однако возникли разногласия по поводу итоговых решений конференции. Я полагал, что если конференция не будет сводиться к знакомлению с чьими-то мнениями и получению готовой информации к размышлению, а будет заключаться в коллективном творческом поиске, то результат заранее предусмотреть невозможно. Этот поиск только начнется на конференции и должен будет продолжаться участниками ее непосредственно на своих местах.

«Все это хорошо, – говорили мне, – но какие же рекомендации мы примем на самой конференции?» И мысль о том, что их вообще

не нужно принимать, казалась совершенно чудовищной и невероятно кощунственной.

Невозможно забыть, как на заключительном заседании конференции заместитель начальника буквально вырвал у меня из рук совершенно пустую папку, внутри которой не было ни одного листочка, и, потрясая ею, сообщил, что в ней будто бы находятся итоговые рекомендации, которые будут доведены до каждого участника.

На подведении итогов в кабинете у начальника отсутствие итоговых документов было признано самым большим недостатком. И вот мне пришлось буквально вымучивать эти злополучные рекомендации. Наконец, они были готовы, размножены, разосланы по районам. И благополучно похоронены там. Больше никто о них не вспомнил, но мой грех был прощен.

ИСТОРИЯ С ИНСТРУКТОРОМ

У нас одна дорога. До того, как... Плодотворное сотрудничество, хорошее взаимопонимание, полная поддержка всех моих ходов и начинаний.

Первый день в новой должности. Так получилось, что я стал его первым посетителем. Встретил меня без всяких церемоний как лучшего друга, искренне рад мне. В эйфории от новых возможностей, полный надежд и планов, в том числе и на сотрудничество со мной. «Теперь мы сможем развернуться», – буквально взахлѐб мечтательно говорит он, – и я ощущаю эту его уверенность как добрый знак для реализации всех моих проектов, теперь уже в полной мере наших проектов...

Через месяц. Попасть к нему уже не просто, надо созваниваться, договариваться. Все же договорились, прихожу. Сухой официальный тон, былой сердечности и искренности нет

и следа, что подчеркивается его обращением ко мне на «вы». Я вроде бы должен отвечать ему тем же, но не могу, язык не поворачивается сказать ему «Вы».

Начинаю излагать конкретные планы реализации того, что мы обсуждали в первый день и вокруг которых была такая эйфория... Некоторое время, совсем недолго, он слушает, но затем, перебивая на полуслове, выносит приговор, к которому я в-общем-то уже подготовлен. И всё равно его слова звучат неправдоподобно грубо и резко: «Не будем этим заниматься, это в планы нашего отдела не входит»

Теперь нам не по пути. Короткая немая сцена... Он начинает что-то объяснять, я делаю вид, что внимательно воспринимаю его слова, но на самом деле ничего уже не слушаю и не слышу. Да и что, собственно, можно услышать?

Но последнюю его фразу запоминаю надолго, наверное, даже навсегда: «Не мы эти порядки устанавливали, – то ли мне, то ли самому себе говорит он, – не нам их менять».

И это – всё. Я понимаю окончательно, что передо мной теперь уже бывший друг и това-

рищ, ставший человеком другого мира и другой системы.

С которым мне явно не по пути.

Испытывая чувство горечи, как от потери близкого человека, встаю и выхожу из этого кабинета навсегда.

В НЕПОДХОДЯЩЕЙ ОБСТАНОВКЕ

Это что-то вроде репортажа о презентации изданного в нашем центре «Гармония» первом поэтическом сборнике Дениса Амирджанова. Что же интересного на ней произошло?

Да вроде бы ничего особенного, не в каких-либо событиях дело, а в том, как, в какой обстановке и атмосфере она происходила.

Почему-то отчетливо помню, как будто это случилось несколько часов назад или вчера, как я захожу в кафе или бар, не знаю точно, как назвать это место. Стою в полумраке, всматриваюсь. Из маленького коридора видны два зала. В одном развлекается полупьяная публика, сразу видно, что, мягко говоря, не высокого во всех отношениях пошиба. На столиках много дешевого алкоголя и немного простейшей закуски, слышны обрывки громких фраз и отдельные слова, прорывающиеся сквозь громкую и какую-то назойливую, что-ли музыку. Увидев такую картину издали «одним глазком», хочется побыстрее и подальше бежать от этого «веселья» подальше.

Второй зал – не зал вовсе, а что-то вроде фойе, в котором все пространство заставлено стульями. Темно, но видна очень разношерстная публика – от студентов до людей пенсион-

ного возраста, которые сидят в шубах, пальто и шапках. Многие согреваются курением, так что и здесь дышать почти что нечем.

Сажусь на свободное место, и почти тут же, будто только меня и ждали, начинается собственно презентация. На крохотной сцене автор и его друзья, сменяя друг друга, читают стихи, исполняют песни под гитару. Солисты выходят выступить с сигаретами и пивом, которые кладут рядом с собой и пользуют в перерывах между песнями.

Почти сразу ловлю себя на мысли, что мне все это что-то очень напоминает, пытаюсь сообразить что, и понимаю: это так похоже на описания поэтических вечеров в первые послереволюционные годы! Во всяких «Стойлах Пегаса» и подобных местах. Такая же вроде бы абсолютно неподходящая обстановка для поэзии, и тем не менее – вот она, собственной персоной, жила и живет, почему-то оставаясь нужной всем собиравшимся ранее и собравшимся теперь.

И я вижу во всем этом нечто глубоко символическое: да, творчество живет, хотя вроде бы его никто и ничто не поддерживает, живет, скорее, не благодаря, а вопреки всему...

ИЗБРАННОЕ ИЗ РАЗДЕЛА «НЕГАСНУЩИЙ СВЕТ»

В СЕДЬМОМ КЛАССЕ

Кажется, это был один из первых школьных вечеров с танцами, на которых начал проявляться взаимный интерес друг к другу мальчиков и девочек.

Первые симпатии, первые явные и тайные увлечения, первые робкие прикосновения. Все это было так волнующе...

Где-то в середине вечера объявили, что сейчас прозвучит песня.

Ну что ж, песня так песня, от которой я не ждал ничего особенного, когда увидел, как для ее исполнения вышли две девочки, которые, в отличие от некоторых других одноклассниц, совершенно не привлекали ранее моего

внимания, казались неинтересными, какими-то унылыми и тусклыми.

Но вот они начали.

И совершенно неожиданно меня захватило не только их пение, но и они сами. В этих только что казавшихся невзрачными одноклассниках вдруг открыл необычайную внутреннюю, да, пожалуй, и внешнюю красоту.

И с огромным удивлением начал видеть их в каком-то совершенно новом свете...

Столько лет прошло, но и сейчас, когда время от времени вспоминается этот эпизод, во мне начинают звучать те самые голоса и те самые слова из их песни:

**Ты стоишь у окна небосвод высок и светел
Ты стоишь и грустишь и не знаешь от чего...**

И я снова и снова вслушиваюсь в них и переживаю мгновения того удивительного волшебства...

НОЧЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ВОЛШЕВСТВА

Вчерашние абитуриенты, они приехали на сельхозработы и встретились на танцах в колхозном клубе. У него в жизни всё получалось легко, как-то само собой, у неё же, напротив, жизнь складывалась трудно. И сидела она в углу одна, настороженная и грустная...

И как случилось, что они пошли танцевать, а потом сидели в том самом углу вдвоём и все говорили, говорили...? Как случилось, что она, привыкшая всё хранить в себе, сразу доверилась ему? Невозможно объяснить, как это случилось, но это случилось...

Потом танцы кончились, наступило время отбоя, и вскоре он уже спал. Но часа в два ночи вдруг проснулся и, ворочаясь без сна в душной комнате, вновь пережил весь её рассказ, вновь ощутил на себе печальный её взгляд.

**Среди всей этой тьмы людского зла,
Как пара светлячков, твои глаза...**

– и так здорово выразили внезапно зазвучавшие где-то внутри эти две строчки все его впечатления, что он не смог больше лежать, вскочил, торопливо оделся, нашёл карандаш, оторвал кусок обложки от какой-то валявшейся на полу книжки, и вышел на улицу.

И ночь, тёплая деревенская ночь усилила захлестнувшую его бурю мыслей и чувств. Быстро, как-то лихорадочно быстро, он шагнул от дома до единственного фонаря, от фонаря –

до дороги, и опять к дому. О, этот тусклый фонарь, светивший в ту ночь только для него! И небо всё в звездах, от восторженного созерцания которых невозможно было оторваться!

Ненаписанные стихи так теснились в голове, что он физически ощущал сильные толчки давления изнутри. Стихов этих было так много, что он не успевал разобрать каждую строчку в отдельности, и они тут же забывались...

Но в момент наивысшего разгула чувств, наибольшей свободы, который был так прекрасен, он вдруг понял, что такой ночи уже больше не будет. Могут быть какие-то другие, но такой – нет.

И почти сразу после этого поэтическую эйфорию сменила как-то разом навалившаяся усталость, так что он и не заметил, как вновь оказался на своем месте, где мгновенно уснул.

Прошло время, той ночи действительно не вернуть, тех чувств вновь не испытать, но остались вот эти строчки:

**Среди всей этой тьмы людского зла,
Как пара светлячков, твои глаза.
В их нежном, привлекательном сияньи
Я уловил призыв: приходи и защити
От всех невзгод и разочарований...**

Он долго и бережно хранил грязноватый обрывок обложки, на которых они были записаны. А потом...

Потом он как-то незаметно и бесследно исчез...

ОЧАРОВАШКА

Это было как в сказочном сне нереальном:
Сквозь текучку рутинную и суету
Я увидел принцессу, богиню, мечту,
Невозможную в мире привычно-банальном.

Волшебство приключилось внезапно со мной:
То, что где-то в глубинах душевных таилось,
Встрепенулось нежданно и вдруг пробудилось.
Оказались мы с ней на планете другой.

В нашем мире чудесном на этой планете
Мы живём вдохновеньем любви и добра,
Очарованы чуткостью и атмосферой тепла.
Невозможно такое на всём белом свете!

Но – возможно! И я до сих пор удивляюсь
Чудесам, окружившим нас со всех сторон.
Благодарен безмерно, люблю, восхищён!
Навсегда сохранить это всё постараюсь!

ПОКА МГНОВЕНЬЕ ДЛИТСЯ

Первая настоящая любовь случилась у меня
в Летнем лагере после 9-го класса. Она про-
длилась до конца смены, после чего нас недо-
лго соединяли редкие письма...

Потому что через несколько месяцев мне
случайно встретилась другая девушка, кото-
рая вызывала столь же сильные чувства и столь
же сильно притягивала к себе. Но та, первая,
была далеко, а эта, вторая, – близко. И я
погрузился в новое чувство, полностью забыв
о прежнем...

После окончания школы мы поступили в
университет. Хотя новое чувство перестало
быть новым и утратило первичный романтизм,
но всё же вполне сохранилось. Так что мы уже
начинали думать о совместном будущем...

Но однажды у входа в учебный корпус, я
вдруг увидел её, ту, первую, также ставшую
студенткой нашего университета. Это было
странно, но между нами возникло какое-то
взаимное притяжение. Мы не прошли мимо
друг друга, но остановились и начали вполне
спокойно, чисто по-дружески, беседовать о
том, как складывается жизнь каждого.

Внезапно, прервав беседу, она взяла меня
за руку и молча посмотрела прямо в глаза. И
я тут же прочитал в её взгляде, что всё то, что
между нами было, просто отступило на зад-
ний план, но не исчезло и несколько не ослаби-
ло. Она продолжала держать меня за руку и
испытующе смотреть прямо в глаза, наступив-
шее молчание длилось и длилось, рождая внут-
ри меня сматение и лихорадочную круговерть
мыслей и чувств.

Я понимал, что должен принять решение:
оставить всё так, как есть, или же, приняв её
молчаливое предложение, вернуться назад и
начать всё сначала.

Я был должен... Принять решение...

**Человек задумался. Сейчас
будет принято каков-то решение...
Спустя годы этот день и час
выглядит решающим мгновеньем.
В будущее жизнь моя шагнёт
Что предписано судьбой – случится.
Всё это вот-вот произойдет.
Но пока... Пока мгновенье длится...**

НЕДОЛГОЕ СЧАСТЬЕ

Много раз я пытался что-то написать обо
всей этой не забывающейся и не дающей по-
кой юношески-взрослой истории, но очень
долго ничего не получалось.

В моем архиве хранится много чистовиков
и черновиков рассказов, эссе, зарисовок, в

которых я пытался, как сформулировал это в
одном из своих стихов, «вникнуть, понять,
объяснить» и сами по себе события, и связан-
ные с ними мои чувства, которые время от
времени острыми напоминаниями и пережи-
ваниями тревожили душу.

Да, действительно было много попыток, но каждый раз я понимал, что меня постигла очередная неудача.

Так продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день внезапно особенно отчетливо вспомнилась скамейка, на которой я сидел вместе с друзьями, и то, как один из них вроде бы шутливо выкрикнул в её сторону: «Девушка, вы к нам?»...

Именно это воспоминание не стало мимолетным, оно не просто пришло и ушло, но привело к тому, что где-то внутри, как будто диктуемые свыше, во мне отчетливо зазвучали поэтические строки.

Мне оставалось только записывать, и я их записал. Вот они:

**Летний полдень. Мы сидим с друзьями
На скамейке в городском саду.
Люди рядом просто так гуляют,
Я же, как всегда, чего-то жду.**

**«Девушка, вы к нам?» – Мой друг шутливо
Громко крикнул с места своего.
Не отавила. Прошла неторопливо,
Будто и не слышала его.**

**Но, уже пройдя, вдруг обернулась,
Искоса взглянула на меня.**

**Приоткрышкись, тут же вновь замкнулась,
Растворилась в ярких красках дня.**

**Да, она ушла. А взгляд остался.
Мимолётный. Вроде... Или нет?
Почему я так разволновался?
Думал, но не мог найти ответ.**

**Понимал лишь, чувствуя и зная,
Что тот взгляд волшебна всё менял.
И друг другу души открывая,
Наши судьбы он соединял.**

**Но недолгим оказалось счастье,
Как его сберечь никто не знал.
В ясный день внезапная ненастье
Так ударило, что всё я потерял...**

**А тот взгляд через года проходит.
Она смотрит мимолётно на меня,
Отвернулась. Навсегда уходит.
Растворяясь в ярких красках дня.**

УЖИН С СЮРПРИЗАМИ

Главным персонажем моего романа «Наследница Клеопатры» является наша современница Светлана, гуманитарий по своей природе и по образованию, работающая в издательстве. В предлагаемом далее фрагменте она рассказывает о первых эпизодах знакомства и сближения с одним из заказчиков, книгу которого должна была редактировать.

Знакомство с Доцентом

Однажды в начале самого обычного рабочего дня в нашем издательстве появился новый мужчина, которого для оформления заказа направили ко мне.

Возраст неопределенного, но, скорее всего, моих лет или немного постарше, не сказать, что ухоженный и внимательно за собой

следящий, но вполне аккуратный, без явных проявлений божественности, которые почему-то сейчас довольно широко распространены среди бывающей у нас публики и которые я очень плохо воспринимаю.

Первые впечатления были вполне заурядными. Но начало разговора резко выделило его в лучшую сторону: вежливый, обходительный, деликатный, тонкий, умный, глубокий – все это быстро стало для меня очевидным.

Хотя он, конечно, представился и просил звать его просто Сергеем, как-то так получилось, что с самых первых минут я определила его для себя Доцентом. А он, чтобы не отставать, начал в ответ называть меня Редактором. Не знаю даже, как мы в последующем чаще друг к другу обращались – по именам или, как это принято в криминальном мире, по клич-

кам.

Такая вот с самого начала нашего общения «сладкая парочка» образовалась – Доцент и Редактор... Глядя со стороны – ничего особенного не произошло, сидели люди у компьютера и обсуждали свои дела. Но мы оба сразу почувствовали и поняли: произошло!

Да, сближение наше было стремительным. А почему бы и нет? Тем более, что он между делом упомянул, что не так давно развелся и живет, как и я, один.

Два свободных человека, по первому впечатлению хорошо подходящие друг другу. Почему бы и не проверить насколько оно справедливо?

Это не значит, конечно, что мы, почувствовав взаимное притяжение, бросили все дела и тут же отправились в бар, ресторан или в еще более интимные места.

Ничего подобного. Мы продолжали деловую беседу, набрасывая черновой вариант договора об издании книги, материалы для которой принес с собой Доцент и не произнесли о возникших между нами отношениях ни слова. Но они и не нужны были. Ведь нам обоим все было ясно без всяких слов...

На следующий день

Звонок в дверь. Я открыла ее и прежде всего увидела букет цветов, который он держал прямо перед собой и тут же вручил мне, не успев даже войти.

Ну что же, приятное начало!

Потому что я, как, наверное, большинство других женщин, люблю получать цветы от стремящихся произвести впечатление мужчин.

Раздевшись в прихожей и переступив порог гостиной, мой новый гость начал удивленно осматриваться. Как и все, кто попадает ко мне впервые, он оказался в легком ошеломлении от того, что увидел.

А мне как хозяйке, столько внимания уделяющей устройству своего «острова благополучия» и уходу за ним, очень приятно было видеть эту реакцию. Он откровенно любовался комнатой, а я откровенно любовалась его

впечатлением. А потом, не дожидаясь, пока он придет в себя, пригласила пройти вместе со мной в деловую зону и присесть к компьютеру.

Прошли, присели, я вывела на экран оглавление его книги и начала задавать уточняющие вопросы. Он отвечал как-то невпопад, видно было, что никак не мог собраться с мыслями.

Я испытующе посмотрела на него, после чего он и вовсе замолчал. А потом, восторженно признался:

– Извините, Светлана, я как-то плохо Вас понимаю. Я просто без ума от Вас.

С этими словами он очень осторожно и бережно взял мою левую руку, ту, которая была ближе к нему, и глядя мне прямо в глаза, медленно поднес ее к своим губам.

И столько в этом порыве было мягко обволакивающей меня ласковой нежности, что я неожиданно для себя столь же ласково свободной рукой провела по его волосам и обняла за шею.

Мы не бросились в страстном порыве друг другу объятья, вовсе нет, а совсем как подростки, у которых все это происходило впервые, прижались друг к другу и долго сидели так молча, боясь спугнуть неловким движением или словом нарастающую внутри бурю чувств.

Не знаю, впервые или нет чувствовал себя возвышенно влюбленным юношей мой почитатель, но уж я-то совершенно точно ничего подобного не испытывала. Потому что ни с одним из мужчин не случилось у меня столь романтического начала!

И я, вроде бы опытная, искушенная и зрелая женщина, полностью отдалась во власть этого упоительного и ошеломляюще молодого переживания...

При расставании Сергей предложил:

– Давай отпразднуем наше знакомство, сходим в какое-нибудь хорошее место.

– А зачем нам куда-то идти, – ответила я без всяких раздумий, – лучше чем здесь, у меня, всё равно ведь не будет. Отпраздновать я согласна, мне это нравится. А если я тебя через пару дней приглашу к себе на посвященный нам праздничный ужин с сюрприза-

ми? Хочешь этого?

– Хочу, конечно. Только чувствую, что в сюрпризах мне будет трудно с тобой соревноваться.

– Да и не надо. Ты сам будешь для меня главным сюрпризом. – И, обнимая его на прощанье, уже почти шёлкотом добавила: – Хочу, чтобы ты и дальше оставался таким же.

Вечер удался

... Что сказать о той нашей праздничной встрече? Если одним словом, то вот оно – вечер удался! А в памяти остались именно сюрпризы, стоит только подумать о них.

Вот он заходит и вручает букет белых, жёлтых и красных роз, говоря при этом, что раз не знает, какие я больше всего люблю, то решил, чтобы было побольше разноцветия. И тут же достаёт очень красивую коробку – это бутылка красного французского вина. Тут он угадал: оно из тех сортов, которые мне нравятся.

А вот мы сидим за столом, Сергей разливает в бокалы вино из своей бутылки и вместо тоста вручает подарок – красное плюшевое сердце, очень приятное и мягкое наощупь. Я люблюсь им, а он говорит: «Нажми на него посередине». Нажимаю и неожиданно слышу из глубины этого сердца тоненький голосок, быстро-быстро произносящий: «Я люблю тебя! Я люблю тебя! Я люблю тебя!»

В следующем эпизоде – мы сидим друг против друга в немного таинственном полумраке, звучит тихая музыка, а я, накинув на себя легкий белый шарфик и надев на голову шляпу в ретро-стиле с огромными полями, в которой, знаю, выгляжу необычайно эффектно, прижав к груди несколько роз из подаренного букета, читаю своему гостю любимые стихи.

А дальше – медленный упомительный танец, во время которого теперь уже он нашептывает мне на ушко то ли памятные ему, то ли специально подготовленные как один из сюрпризов давно известные стихи, которые я сейчас слушаю и слышу, будто в первый раз.

И снова мы сидим в том же самом таинственном полумраке, и постепенно возникает ощущение, что мы знакомы и близки тысячу

лет и что впереди у нас еще столько же...

Как хочется назад

Рассказываю об этом и думаю, не получается ли чрезмерно слащаво и сентиментально, как я сама обычно оцениваю сцены Harry End-a в телесериалах, говоря, что весь экран густо заливается малиновым сиропом?

Думаю также о том, не выглядит ли такое начало наших отношений смешным и нелепым для нынешнего времени полной сексуальной свободы, граничащей со вседозволенностью и распушенностью, а зачастую и переходящей все мыслимые и немыслимые границы?

Вероятно, именно так и выглядит.

Но ведь мы, по крайней мере я сама, так вели себя вовсе не из-за каких-то довольно-таки ханжеских моральных норм, ограничений и тобу, которых вообще-то среди людей нашего возраста действительно еще осталось полным-полно.

И не потому, что мы были абсолютно неразвитыми в сексуальном плане, и просто ничего не знали и не умели. Во все нет!

Нам просто необычайно повезло начать отношения не с легкого и доступного секса, а с действительно глубоких чувств и переживаний.

И я уверена, просто знаю, что тот, кто над подобным посмеивается, в глубине души просто завидует!

И правильно делает, конечно!

Да что там, я и сама себе завидую, вспоминая этот удивительный ужин с сюрпризами. И грустной-прегрустной эпитафией к нему звучат во мне где-то вычитанные и запомнившиеся несколько лет назад из неведомо чьих стихов:

**Наши сердца
Душа горит и рвётся:**

Как хочется назад!

Чтоб снова испытать

Ту пылкость чувств,

Восторженность любви

И ощущение новизны...

И больно слово:

«Не вернётся»...

Сергей Кокорин

Председатель Курганского областного отделения Союза писателей России

ВЫСОТА ВАСИНА

Георгий Михалыч, придя из клуба, пиджак с орденами снимать не стал, а сразу прошёл на кухню и кликнул внука, что гостил у него. Лёвка недавно закончил институт и работал в областном центре на заводе.

– Давай, внучок, ради праздника по рюмочке... Помянем моих фронтовых товарищей. Достань-ка там, в холодильнике...

Лёва отложил книгу, он, собственно, и приехал сегодня к деду, чтобы поздравить с праздником. Достал из холодильника любимую дедову настойку и сразу заварил крепкий чай.

Сидели до самого вечера. Георгий Михалыч внука видел редко, пытался расспросить, как дела, но Лёва разговор всё время переводил на военное прошлое Георгия Михалыча. Знал, что старику будет приятно. Вот и сейчас, дед спросил его про военные сборы, а он в ответ ему вопрос:

– Дед, а тебе когда лейтенанта присвоили?

– Так сразу, как в разведке отвоёвался. Мы тогда поиск удачный провели. Двух фрицев приволокли: гауптмана и унтера. А я был младшим лейтенантом в должности командира взвода разведки. Но поскольку операция была на контроле в разведотделе дивизии, поиск возглавил сам. И ранение получил тогда, и

звёздочку. А после госпиталя уже в разведку не попал – назначили командиром роты. Хорошо запомнилось, потому что сразу Васину высоту пришлось отбивать у немцев...

– Интересное название – «Васина высота»...

– Это я её так называю, не помню уже, как на карте именовалась. Эту задачу мне комбат поставил сразу по прибытии, как только я роту принял.

– Что, одной ротой?

– Нет, не так. В общем, слушай. Прибыл я штаб батальона. Представился. Комбат познакомил меня с командирами других рот. Он как раз совещание с ними закончил. Четвёртой ротой, куда меня назначили командиром в штабе полка, временно командовал старшина Ручьёв, в годах уже. Собственно, как в годах... Мне-то тогда было как тебе сейчас, а Ручьёву лет сорок, так что он мне казался пожилым дядькой. Да тем более усы у него были шикарные, как у Будённого.

Комбат меня с обстановкой познакомил. Я что узнал, сразу на свою карту нанёс, которую мне в полку выдали, сунул её обратно в полевую сумку. Командир дал понять, что с прибытием пополнения из маршевых рот начнётся наступление, приказал изучать обстановку и готовиться.

– И по этой «заноше», лейтенант, – откнул карандашом в высотку на карте, – жду предложений к вечеру, крайний срок – завтра утром. Нельзя, чтобы она оставалась у немцев. Когда начнём наступление, немец отсюда может во фланги ударить. Так что думай, пока прямого приказа не получил. Потом думать некогда будет!

Через час мы с Ручьёвым отправились из батальонного блиндажа в расположение роты. Пока подкреплялись кашей с тушёнкой, я у старшины подробнее всё выспросил.

Когда наступление закончилось, и фронт встал, на участке нашего батальона осталась укрепленная высота, которую немцы смогли удержать.

– Выдохлись мы уже, – рассказывал Ручьев, – в ротах треть состава осталась. С ходу пытались взять, да только те, кто прорвался в траншею, все там и полегли в рукопашной. В том числе командир роты и политрук.

Мы с Ручьевым обошли наши позиции, передвигаясь по траншеям, осмотрели пулемётные точки, батарею миномётчиков, со всеми командирами взводов поговорили. Долго смотрели в стереотрубу на немецкие позиции. Старшина комментировал:

– Наблюдатели докладывали, вчера фрицы удлиняли траншеи, вроде как новые огневые точки оборудовали, по всей видимости, подкрепление к ним подошло. Огонь вдруг стали чаще открывать, значит, пристрелку целей с новых точек ведут. Боятся они эту высоту потерять...

Ещё бы... Этот холм представлял из себя целый укрепленный район. От немецких блиндажей кое-где поднимались дымки. Иногда из траншеи боевого охранения раздавалась короткая очередь дежурного пулемёта. Я по привычке детально рассматривал каждую складку на местности.

– Видите, старшина, чуть левее, на середине между нашей траншеей и немцами небольшая волна, как бы бугорок вытянутый. Ни на какие мысли не наводит?

– Чего там наводить... За ней только зайцы могут спрятаться. Впрочем, вам, разведчикам, виднее.

– Складка, вроде, и мелкая, но на ней растительность... Надо будет обмозговать. А раз новые точки появились, значит, разведка нужна.

– Вот это верно, товарищ лейтенант! Сунуться сейчас вслепую, только последних бойцов положить...

– Значит так, старшина, остаётесь за командира, я к комбату.

Связавшись с комбатом по телефону, взял верховую лошадь и сразу выехал. По прибы-

тии доложил новую обстановку и свои предложения:

– Рядовой язык ничего не скажет, товарищ майор. Нужно разведка боем, засечь огневые точки и обязательно взять контрольных пленных. А на сегодняшний момент в роте семьдесят бойцов. Это вместе с пулемётными и миномётными расчётами. Если я их подниму в атаку, роты больше не будет. Немцы получили подкрепление. Сколько их там, с каким вооружением, мы не знаем. Товарищ майор, прошу усиления для проведения операции!

Комбат только крикнул, возражать было нечего, и приказал мне возвращаться в роту, сказал, что свяжется с командованием. К утру в роту прибыли машины. Командир полка проникся и командировал нам в помощь усиленный разведывательный взвод капитана Васина. Кто такой Васин, я тогда не знал, и вот довелось познакомиться.

Старшина Ручьев смаял, как медный пятачок, мой авторитет в его глазах поднялся:

– Как же это вам, товарищ лейтенант, удалось? Это ж такие бойцы, такие бойцы... Это же цепные псы, а не бойцы!

Флотский лейтенант Василий Васин воевал с первого дня войны. Сначала на корабле, а потом, когда экипажи стали снимать – в морской пехоте. Его товарищи, моряки – кто погиб, кто был возвращён на флот, а он и его друг старшина Давыдов, которого он по-флотски называл мичманом, так и остались в разведке. Имея талант командира и разведчика, требовательный к себе и к подчинённым и, что самое удивительное, к начальникам, он, в звании дослужившись до капитана, в должности оставался командиром разведывательного взвода уже целый год. За это время ему удалось подобрать личный состав такой, что взвод стал незаменимым подразделением не только в разведывательно-диверсионных, но и в других операциях, где иные подразделения могли столкнуться с непреодолимыми трудностями.

Проведя с Васиным целый день в подготовке, мы познакомились и, как разведчики, нашли общий язык. Бойцы его были вооружены немецкими автоматами, у всех ножи и писто-

леты, несколько ручных пулемётов. Гранаты в эту операцию брали с собой только Ф-1 по несколько штук на человека. Обратил внимание, что сапёрные лопатки заточены, как ножи. В моём разведзвезде это не практиковалось. По их сноровке было видно, что бойцы бывалые и тренированные. Заметив, что я с интересом наблюдаю за его личным составом, Васин похвастался:

– Что, лейтенант, нравятся мои орлы?

– Нравятся, – ответил я и подумал, что по росту, экипировке и ухваткам это не орлы, а скорее, волкодавы.

Капитан Васин согласился со мной, что бросок в траншею охранения лучше сделать от ложбины, пусть даже это и рискованно. От нашей траншеи до немецкой было метров сто-сто десять.

– От траншеи мои бойцы пробегут секунд тридцать-сорок. Многовато. Если не проспит немчуря – включают пулемёты. От ложбины – пятнадцать секунд. Гарантировано не успеют среагировать, – говорил капитан.

– А если, заметят, пока вдоль ложбины ползёте?

– А если заметят, сразу начинаем атаку. Другого не дано.

Вечером в моём блиндаже было тесно от командиров. На столе лежала карта с нашими пометками. Я ставил задачи каждому подразделению.

– За час до рассвета, по команде, взвод капитана Васина скрытно выдвигается к ложбине и оттуда, молча, без шума, бросок в траншею охранения. Уничтожают немцев, берут одного-двух пленных и сразу обратно. По выявленным огневым точкам ведут огонь наши станковые пулемёты и миномётная батарея. Моя рота из траншей активно поддерживает огнём. Одно отделение, командир старший сержант Пухов, с тремя РПД (ручной пулемёт Дегтярёва) также заранее, до рассвета, незаметно ползком по руслу ручья выдвигается на левый фланг. С началом атаки разведчиков открывает пулемётный огонь, имитирует атаку. На правом фланге третья рота тоже демонстрирует атаку. Если нет вопросов, на этом

всё! Командирам разойтись по подразделениям, инструктировать бойцов, проверить оружие, боекомплект. Комбат прибывает на КП роты в три часа и примет командование. О готовности всем доложить ему. Вперёд, товарищи!

Все разошлись по траншеям. К прибытию командира батальона всё было готово. Отделение старшего сержанта Пухова с вещмешками, набитыми под завязку пулемётными дисками уже выдвинулось: им предстояло ползти по руслу ручья почти час.

Я зашёл в блиндаж к разведчикам. Они не спеша собирались. Капитан Васин в свежем подворотничке сидел за столом, сосредоточенно курил, изредка бросая замечания своим бойцам:

– Не стесняемся, попрыгали! Проверить, чтобы ничего не брякнуло!

Когда я выходил, сказал мне:

– Не беспокойся, лейтенант, всё будет в лучшем виде! Не впервой...

На КП уже были подведены телефонные линии от штаба полка. Комбат прибыл, нервно курил у стереотрубы. Моя рота, положив пулемёты и ППШ на бруствер, замерла, вглядываясь в темноту. Комбат глянул на часы, кивнул Васину, разведчики растворились в темноте, слившись с перекопанной снарядами землёй.

Комбат видел в стереотрубу, как через несколько минут от ложбины оторвались тени, бесшумно и стремительно бросились к траншее охранения. Тявкнул и тут же заткнулся пулемёт. Раздались хлопки гранат. На секунду всё смолкло. Слышался из траншеи мат, тупые удары, хриплые вздохи – шёл рукопашный бой. Проснулась первая линия немцев, застучали пулемёты, захлопали одиночные выстрелы. Но по ним уже работали наши миномётчики и отделение Пухова с пулемётами.

Вдруг комбат, страшно матерясь, оторвался от трубы:

– Что они творят, что творят?! Что этот капитан совсем на хрен башку потерял?!

Оказывается, наши разведчики из окопа охранения рванулись в первую траншею нем-

цев, забрасывая их гранатами и падая под пулемётными очередями.

Майор резко командует:

– Лейтенант, поднимай роту! Побьют их всех! Вперёд, вперёд!

Я хватаю свой ППШ и ору благим матом:

– Рота, вперёд! В атаку!

Рота нестройной цепью выкатывается из траншеи и бежит на холм. Я бегу тоже, продолжая подгонять бойцов:

– Вперёд! Вперёд!

Мне страшно от мысли, что взвод Васи́на может погибнуть.

Наши миномёты замолчали, опасаясь поразить своих. Комбат тут же миномётные расчёты бросил в атаку вслед за нами. Слева Пухов сообразил, что имитация кончилась, отделение рвануло к немецким позициям, расчёты РПД вели огонь на ходу. А там уже рвались гранаты, трещали автоматные очереди, разведзвод врукопашную разбирался с первой траншеей и с блиндажами. Я перепрыгнул через заваленный трупами окоп боевого охранения немцев, в первой траншее бойцы добивали оставшихся немцев, забрасывали гранатами помещения блиндажей. Наши ротные пулемётчики, не дожидаясь команды, катили свои «максимы» на холм. С правого фланга слышалось «Ура!» третьей роты, а слева густая пулемётная стрельба отделения Пухова.

И немцы дрогнули! Они начали вначале организованно, огрызаясь огнём, отходить из второй траншеи к своим соседним позициям. С того опорного пункта уже летели немецкие мины. Однако восходящее за нашими спинами солнце сыграло с ними злую шутку: в чистом поле в свете разгоравшегося дня фрицы оказались перед нами как вши на ладони. Вовремя подоспевшие «максимы» грамотно поработали – живым почти никто не ушёл.

В траншеях уже действовал санинструктор с санитарями. Я вместе с комбатом и телефонистом подыскивал подходящий блиндаж для размещения КП роты. Там меня и нашёл мичман Давыдов.

– Похоронили мы, товарищ лейтенант, нашего командира, здесь на холме... Убили его

ещё там, внизу, в окопе охранения. Ну, ребята и озверели. У меня тоже румпель заклинило на «полный вперёд»... Смотрю, в плен взять некого, я и повёл их дальше. Ты это, лейтенант, скажи, чтоб разведчиков похоронили отдельно, там ещё наших семеро... А нам пора уходить.

И разведка уехала, захватив с собой своих раненых. Мичман мне на память оставил немецкий автомат МР-40:

– Держи, лейтенант, пригодится. Это нашего командира автомат.

А я приказал на могиле Васи́на сделать пирамидку из снарядных ящиков с деревянной звездой.

Немцы, конечно, не смирились с потерей высоты и продолжали попытки её вернуть. А к нам через два дня прибыло пополнение – сто пятьдесят человек необстрелянной молодёжи. И я, распределяя их по взводам, ещё раз мысленно благодарил бойцов Васи́на, ведь если бы я брал высоту с этими новобранцами, потеря было бы втрое больше. Поскольку у меня политрука в роте по-прежнему не было, я построил их и произнёс короткую речь:

– Здесь похоронен капитан Василий Васин, – показал я рукой в сторону могилы. – Он воевал с первого дня войны, но отдал жизнь за эту высоту, сохранив ваши жизни, чтобы из этих дотов не стреляли по вам. Пока фронт не перейдёт в наступление, немцы не оставят попыток отбить эти блиндажи, поэтому приказываю: «Стоять насмерть!» Торжественно обещаю: того, кто сделает хоть шаг назад без приказа, пристрелю лично!

Вот так вдохновил я новобранцев на подвиг. Васи́ну высоту, конечно, мы не отдали. А вскоре началось большое наступление, и наша высота здорово помогла при развёртывании ударных бригад. А потом меня представили к старшему лейтенанту. Так что в звании лейтенанта мне пришлось побыть недолго, – закончил Георгий Михалыч.

Лёвка молчал под впечатлением дедова рассказа. Оказывается, дед получил лейтенантское звание в те же годы, что и он после сборов, в двадцать три года. Также, как и он... А какая разная судьба.

Татьяна Масленникова

Член РСПЛ с 2018 года

ГОВОРИМ И ПОКАЗЫВАЕМ

Передача, от которой не могла оторваться второй год бывшая учительница начальных классов, а ныне активная и молодая пенсионерка Ульяна Никитична Яркова, называлась просто: «Говорим и показываем».

Она ждала прямой эфир информационного ток-шоу с элементами расследования и ведущего Леонида с трудной фамилией обожала. Говорили там много и показывали разных людей. Судьбы трудные. Наслушаешься и думаешь, сами-то вроде и ничего живём.

Обсудить и поделиться впечатлениями после просмотра Никитичне было практически не с кем. Вдова давно. Сыны семейные, со снохами много не наговоришь, внучки выросли. У приятельниц свои заботы, созванивались редко. Лето она проводила на даче у сыновей. Не только командовала всеми, но и с утра, как пчёлка, трудилась на грядках. Осенью жила в своей уютной двухкомнатной квартире с дворняжкой с помесью таксы Дочей, подобранной на улице.

Как-то дождливым вечером, погулав с собачкой вокруг кирпичной пятиэтажки, Ульяна Никитична поспешила домой смотреть любимую передачу. На экране телевизора во время очередного шоу ведущий начал представ-

лять героев. И пенсионерка напряглась, увидев знакомое лицо школьной подруги. Это была её одноклассница. Дождавшись рекламы, Никитична кинулась к тумбочке и достала старый блокнот. Вот буква «Н». Есть! Есть телефон Нины. Они обменялись телефонами и адресами лет пять назад на встрече выпускников в школе, куда приехали по зову активиста Серёги, ринулись, как говорят, навстречу друг другу.

– Ниночка, я вижу тебя. Ты где?! – почти кричала в трубку Никитична.

– Я дома, Ульяш, дома. Ты НТВ смотришь? – голос подруги звучал спокойно. – Это запись. Мы уже все дома.

– Ведь это ты в телевизоре?! – не переставала удивляться Ульяна.

– Да, мы с ребятами, давай посмотрим, потом позвоню, – ответила Нина.

Они, конечно, созвонились и проговорили долго, забыв про телефонный тариф. Одноклассницы жили в разных краях. Ульяна жила на малой родине, в зауральском небольшом городке Куртамыш, а Нина в Алтайском крае, в Рубцовске. А соединила в детстве девочек станция Пески-Целинные в Казахстане, куда их родители попали по долгу службы. Четыре года учились они в одном классе, а подружались на всю жизнь. Когда подруги встречались, разговоров было не переговорить. Встречи в Песочках с одноклассниками давали им заряд бодрости. Это молодым людям кажется, что тёткам после пятидесяти говорить можно только о детях и внуках. Нет, темы сокровенных бесед были самые разные.

Нина часто приезжала к подруге, а Ульяна всё собиралась к ней. На карте посмотрела, где город находится, любопытна была всегда. В википедии всё есть: находится на левом берегу реки Алей (приток Оби), в 290 км к юго-западу от Барнаула и в 40 км от границы

с Казахстаном, назван по фамилии основателя, крестьянина-переселенца Михаила Рубцова.

После передачи и долгого телефонного разговора Ульяна Никитична решила, что поездку к Нине откладывать нельзя. Вроде всё друг про дружку знали с юности, а тут такое на всю страну по телевизору рассказали и показали. Но лучше по порядку...

Нина Коркина – твёрдая троечница, как она себя справедливо называла, после окончания школы выучилась в училище на контролера ОТК и ринулась на комсомольскую стройку с коротким и звучным названием БАМ. Для тех, кто не знает – Байкало-амурская магистраль. Нельзя было ей, вообще-то, по состоянию здоровья на БАМ ехать. Но ведь родителей мы не всегда слушаем, а про болячки свои в 18 лет помнить не хочется, да и девушка, несмотря на внешнюю хрупкость, решительна была и упорна. Выбила в райкоме комсомола путёвку, и вместе со старшей сестрой Надеждой прибыли в город Усть-Илимск, на северо-запад Иркутской области, что как в песне Навостерчу ут... на реке Ангаре.

Молодёжный город нуждался тогда в энергичных ребятах и не боявшихся трудностей девочках. Работали сёстры на стройке в молодёжных бригадах, дома для новосёлов возводили. Постепенно изучила Нина все строительные профессии: научилась и штукатурить, и малярить. Работы физической с детства не боялась.

Ладную и симпатичную Нину приметил красавец-бригадир Андрей Иванов. Сам он, отслужив армию, приехал в Усть-Илимск из тёплого Запорожья. Хохол, как звали его девчата между собой, был парень видный. Цену себе бригадир знал. Когда начал открыто знаки внимания уделять молодому штукатуру, девчонки из бригады обзавидовались. А Нина, добрая и открытая, тихо радовалась, не веря, что ухаживания могут перерасти во что-то большее.

Свадьбу играли комсомольскую, шумную, весёлую. Потом поехали в отпуск по родне. Молодая пришлась по душе новым родствен-

никам. А вот муж многочисленной родне из русского Парижа, небольшого села в Челябинской области, показался непростым.

– Зять-то с характером, себе на уме, – вынес вердикт строгий отец Нины. Макара Макарович – бывший милиционер, в людях разбирался.

– Поживут – увидим, – ответила верная и терпеливая Ольга Даниловна – мать Нины.

В молодой семье родились дочки. Старшая Людочка, через четыре года появилась Оля. Андрей, конечно, ждал сына. Нина чувствовала себя виноватой и старалась угодить мужу во всём. Но она своей любовью и угодливостью только раздражала его. Стерпится – слюбится – бывает не всегда. В жизни чаще иначе. Прожив вместе семь лет, Нина приняла решение уйти от мужа. Андрей был рад своей свободе, поклонниц у него хватало. Потом уехал на родину. Встретиться с дочками не стремился.

Из Усть-Илимска Нина не уехала, на работе в стройтресте её ценили. Девочки росли послушными и дружными, в детский сад ходили. Трудно было молодой женщине одной растить девчонок, но характер стойкий, да и родные помогали.

Про женское счастье Нина и не думала, пока Женю Кокина не встретила. Новый молодой водитель был приметен: высокий, крепкий, темноволосый парень с открытой доброй улыбкой на лице. Подвёз он пару раз Нину с работы и «запал», как говорят, на неё. Категоричный отказ женщины его только распалил.

– Почему мы не можем быть вместе, объясни, – в очередной раз спрашивал Нину при встрече Евгений. – Ты не веришь, что у меня всё серьёзно?

– Женя, прекрати. Ищи себе молодую, бездетную. Ван сколько их вокруг. И любая рада стать твоей женой, да и старше я тебя, – каждый раз повторяла Нина и выпроваживала гостя за порог.

Она родилась в 1956, а он в 1965. Нина об этом знала, эта разница не давала ей покоя почти двадцать лет. Но он был упрям и горяч и не собирался отступать. Всё в ней нравилось ему, хоть красавицей Нина себя не считала.

Среднего роста, с хорошей фигуркой, светло-волосая, голубоглазая молодая женщина с приятными чертами лица. Она излучала доброту и заботу ко всем, кто находился рядом. Её приветливость и простота подкупали парня, и дети не пугали его. Видел Женя, как крутится Нина, берётся за любую подработку. Старался помочь и всё чаще появлялся в их уютной однокомнатной квартире, иногда забирал девочек - одну из школы, вторую из детсада. И Нина в конце концов поверила ему, приняла, устала сопротивляться его чувствам. А, может, и своим...

Рядом с большим и крепким мужем, она чувствовала себя маленькой и слабой, любимой. Нина поверила, что встретила мужчину судьбой ей предназначенного. По вечерам, уложив девочек спать, они на новом диване, поставленном в просторной кухне, наслаждались друг другом. И это чувство было новым для неё, ранее не испытанным и ни с чем не сравнимым. Нинуля, так называл свою законную жену молодой муж, очень хотела родить мужу сына. И Максим появился. Здоровый и крепкий малыш ещё больше сплотил их семью.

...Повестка в суд была неожиданной для Женя, не говоря уже о Нине. Он рассказывал жене о своих холостяцких любовных похождениях до их свадьбы. Нина не ревновала, понимала, что прошлое, несмотря на молодость, у него тоже было. Ему было ещё и уже 22 года, когда они решили всё-таки соединить судьбы.

В мировой суд пошли вместе, доверив двух-годовалого Максима подружке. Истица, молодая развязная девица, подала на алименты, утверждая, что отцом её дочки был гражданин Кокин Евгений Леонидович. Видимо, её любовные увлечения протекали с неизменным успехом, а тут помеха - ребёнок. Она и пошла в атаку. Нина не помнила, что говорил ответчик Кокин, потому что взгляд её был устремлён на полураздетую крохотную девочку. Она жалась к матери, которая, и это было видно всем, не любила её. Нина поняла это сразу и рванулась к ребёнку, и попросила громко, повернувшись к судье:

- Отдайте девочку отцу. Мы заберём её.

- Мы должны действовать согласно Закону, - начала судья, обращаясь ко всем сразу.

Так в семье появилась маленькая Женя. Она была старше Максима на семь месяцев. Нина ни о чём не расспрашивала мужа. Девочку удочерили и полюбили все. Маленькая Евгения Евгеньевна росла. Чтобы не травмировать малышку встречами с мамой, которая иногда просила встреч с дочкой, решили уехать на Алтай, на родину Евгения.

В Рубцовске Кокины купили полдома недалеко от старшей сестры мужа Натальи, которая приняла всех: и родных, и сводных племянников.

В детской поликлинике врач-педиатр, поглядев на крупного малыша и сравнив даты рождения детей, недоумённо спросила:

- А что сынок-то семимесячным родился?

- Нет, он родился доношенным, как положено в срок, - быстро ответила Нина и поспешила к выходу вслед за детьми и мужем. Не любила она этих вопросов. И не рассказывала никому о появлении Женя в их семье.

Женя и Нина устроились на работу, разводили постепенно хозяйство. Летом все дружно работали в огороде. Нина в палисаднике насадила цветов: неприхотливые мальвы, ноготки и бархатцы радовали домочадцев. По утрам, пока ребята и муж спали, она выкраивала время для себя. Садилась на лавочку возле дома, заботливо сколоченную хозяином, и встречала солнце. Благодарила небеса за всё, что дано им, боясь внутренне за этот подарок.

Дети росли. Старшие девочки учились, младшие, соседи принимали их за двойняшек, подрастали. Многодетная семья не пугала Нину, сама росла в большой семье. Легко не было, о любовь и забота мужа помогали пережить все сложности. Хотелось, конечно, чтобы дети образование получили. Людочка и Оля после школы в институт поступили. За невестились старшенькие, красивые получились доченьки. Больше внешне на отца походили, а характеры разные. Старшая - в мать, а младшая - «хохлацкая порода». Пробежала

между сёстрами чёрная кошка, влюбились в одного и расстались. Людочка с дочкой до сих пор в одном краю с мамой живёт, а Оля в Москве пытается жизнь устроить.

Ах, Москва – столица и кормилица, все к тебе стремятся. Вот и Женя решил отправиться туда на заработки. Нина решение мужа приняла не сразу, хоть понимала, что деньги нужны, а с работой в городе сложно. Да и крюмке стал муж прикладываться. Младших поднимать надо было, только в училища в Барнауле поступили. Женя уехал, приезжал и звонил.

Максим скучал по отцу больше всех. Не зря в народе говорят, что сын без отца, как собака без яйца. В армию с виду крепкого и здорового парня не взяли. Рассказы отца о службе всегда сын помнил и готов был служить. После окончания железнодорожного училища он вернулся к матери, Женя устроилась на работу в Барнауле. Максим скучал и по сестре, хоть сестра приезжала домой часто. Они всегда, сколько помнят себя, были рядом. В школе учились в одном классе. Им было лет десять, когда дети услышали от какого-то «доброжелателя», что родные они только по отцу. Потом они и документы дома нашли. Родители не стали скрывать правду. В семье больше об этом не говорили. Дети ещё больше сдружились. Максим – всегда самый главный защитник сестры.

Со временем муж звонить и приезжать стал реже. И тревога в душе Нины нарастала. Уговаривала Женю вернуться, водителем и здесь можно было устроиться. Всех денег не заработаешь, да и не в них счастье. Нина чувствовала, что отношения мужа к ней меняются. И однажды, приехав домой, Женя признался, что есть у него женщина в Подмоскovie. Сначала просто квартировал у неё, а потом пригнулся возле одинокой и приветливой хозяйки. Выслушав мужа, истерику Нина не устроила. Но на её лице он увидел такую боль, что сразу понял, не простит никогда...

Они развелись. Ребята приняли сторону матери, но мудрая женщина не настраивала детей против отца. А Евгения попросила в дом больше не приезжать. Страдала молча, гор-

дая была, и молила Бога дать ей силы простить любимого. Ведь любила, несмотря на измену и боль. Золовка Наталья на чём свет костерила младшего братца.

– Дурак, одумается! Сучка какая-то московская пригрела. Ты, Ниночка, не переживай, вернётся, всё наладится.

– Нет, Наташа, за счастье и любовь надо платить. Я ждала, чувствовала это, – сдерживая слёзы, спокойно говорила Нина. – А детей он не бросит. И за честность ему благодарна.

Младшим детям отец продолжал помогать, звонил часто и всегда спрашивал, как мать...

Звонок с центрального телевидения был, как гласит народная мудрость, громом среди ясного неба.

– Здравствуйте, это корреспондент НТВ, вы Кокина Нина Макаровна?

– Да, а в чём собственно дело? – удивлённо спросила Нина.

– Вашу семью разыскивает воспитатель из детского дома Иркутской области. У них воспитывается Ксения Евгеньевна Кокина. Мы очень хотели бы встретиться с вами на нашей передаче. Дорогу мы всем оплатим. Это возможно?

На семейном совете с детьми и золовкой решили, что поедут, вопрос касался младшей сестры Жени. Девочка после смерти матери жила в детском доме и хотела встретиться с единственной сестрой. Нина позвонила бывшему мужу. Он тоже получил предложение приехать на передачу и пытался объяснить ей, что не имеет никакого отношения к Ксении Кокиной.

– С сестрой по матери, только по матери встретится Женя. Ты веришь мне, Нина? – по телефону пытался объяснить ситуацию Евгений.

– Встретимся, узнаем, – холодно ответила Нина.

В Рубцовск за ними приехала машина. В Барнауле Нина, Женя и Максим сели в самолёт. Рейс: Барнаул – Москва. Напряжение нарастало. Когда их подвозили к Останкино, Нина в машине прижала к себе Женю. Девушка была рада, что самые дорогие люди в этот момент были с ней рядом...

Не любит Нина вспоминать передачу, где говорили и показывали по всей стране их с детьми и Евгения с новой пассией. Тяжёлая получилась встреча. Ульяна, знавшая историю подруги и встречавшаяся с её мужьями, тоже была поражена раскрывшейся правдой.

Результаты ДНК показали, что Женя не была дочерью Евгения и сестрой Максима. Это было шоком для всех, но прежде всего для девушки. Она потеряла и родного отца, но в этот день обрела родную младшую сестру по матери.

– Как любили мы тебя, доченька, так и любим. Знай это всегда, – шептала Нина после передачи плачущей Жени.

Евгений тоже поддержал Женю, и всегда считает её своей дочкой. А Ксения стала частой и дорогой гостьей в доме, согретом материнской любовью...

Вот так и живёт на Алтае, в городе Рубцовске, в своём новом уютном доме Нина Макаровна. Она до сих пор переполнена желанием любить, дарить счастье, прощать. Часто в жизни с предательством и хамством сталкивалась, но не очерствела. Четверых детей воспитала, хоть и троих родила, внуков помогает поднимать.

– Привет, моя хорошая. Я сейчас в Барнауле в няньках с Жениной дочкой. А внуков у меня восемь. У Люды двое, у Жени двое, у Максима, он со мной в Рубцовске в старом нашем доме живёт, четверо деток. Оля вышла недавно замуж, в Туле живут, деток пока нет. Стареть не хочется, Ульяша, с друзьями юности ещё бы разок встретиться, – смеётся Нина, разговаривая по телефону с подружкой. – Если в гости не явишься, я не гордая, сама приеду.

И приедет, точно! Эта обычная советская женщина образца середины восьмидесятых, с непростой судьбой, знает, что для счастья особых радостей и не надо.

Владимир Масляев

Председатель Курганского регионального отделения РСПЛ

ЛЮБОВЬ ЗЛА

1

Под вой осенних ночных ветров Павлу привиделся диковинный сон. Будто призывают его на войну рядовым, а в военкомате какой-то рожий нахрапистый подполковник затеял разнос: почему у тебя, боец, ремень болтается ниже пупа? Иди, приведи форму в порядок.

Даю два часа! Павел кинулся домой, где у него в кладовой годами копились комплекты обмундирования, а там – жена Наташа с тем же хватом-подполковником: пьют отвальную за бойца Российской армии Павла – и почему-то на брудершafft... Как ошпаренный, выкатился из квартиры, а во дворе – покойная жена Вера: живая, такая родная, смотрит с укором.

Проснулся Павел с ощущением, что кем-то нещадно избит. Болели руки и ноги, а главное душа – ей который год нету покоя. Душевно-больной, блин!.. Помнится, в детстве он взахлёб потешался над психами.

Спрыснув лицо холодной водой, Павел вышел из дачного домика в сад (он ночевал на даче). С наслаждением полной грудью плотнул прохладного осеннего воздуха, огляделся. Солнышко светит, птички поют. Деревья и кусты пожелтели. Сороки-белобоки подяблонями огрызки ранеток гоняют, разрезвились, как на футболе. Большая старая яблоня ветви руки к земле опустила, как старая мать, получившая казенную бумагу на сына-солдата.

Этот год богатый на урожай яблок. Надо бы соковыжималку наладить, сок гонять... забор, крылечко поправить... Дел было много.

Сон чудной не вытрясался из головы. Павел понимал, что хотела покойница Вера сказать: говорила тебе, Поша, не сходишь с кем попал, будь осмотрительным! Что тут скажешь? Прва она, ой, как прва. Надо бы в церковь сходить, за упокой свечку поставить, проскомидию заказать. Куда ж годно: больше года в храм Божий он не захаживал.

2

Наташу Павел увидел впервые на вузовской вечеринке. На вечеринку его привел «дружбан» Проша.

Повинуясь веянию времени, захотел Проша обладать вторым дипломом, поступив в столичный гуманитарный университет (в их сибирском городе действовал филиал). Прохор ларень любопытный, бедовый, для Павла – свой в доску. За плечами у Проши торгово-экономический техникум. Знакомые присоветовали: «Иди в Шолохов, там есть по тебе специальность – «прикладная информатика (в экономике)». Обучение недорогое!» Проша ринулся в филиал вуза, носящего имя великого литератора. Без стука влетел в кабинет пред очи пожилого задумчивого директора, что под большим поясным портретом автора «Тихого Дона» спокойно беседовал с чернявым улыбчивым своим заместителем. Спросил бойко и делово, как ухарь-купец в торговых рядах: «Где тут у вас Шолохов?»

Вечер устроили по случаю окончания экзаменационной сессии во Дворце культуры: со шведским столом, живой музыкой (пригласили рок-группу). Преподавателей и студентов пришло сюда сотни две. С преподами Прохор охотно знакомил Павла.

– Вот, камрад, знакомься: Наталья Игоревна! – брякнул беззаботный Проша, не ведая, что первым должно представить мужчину. – Она наш психолог, а я – будущий информатик-экономист!

– Павел Нагорных, – чуть поморщившись из-за Прошкиного панибратства, сказал Па-

вел и слегка пожал ладонь новой знакомой.

Наталья Игоревна взглянула на Павла Петровича с интересом. Ещё бы: мужчина зрелый, сорокопятилет, среднего роста, крепкий, черты лица приятные... Заместитель начальника службы безопасности банка... Для начала неплохо.

Наталья Игоревна числилась на факультете университета старшим преподавателем, а в филиале считалась лучшим психологом. Павлу она сперва не понравилась: полновата, а полненьких он не жаловал. Позже жизнелюбивый Проша не раз доверительно говорил: «Паш, психологичка наша, Наталья Игоревна, спрашивала про тебя». Но другу было не до того: заболела жена Вера – врачи, консультации, методики, препараты... Два с половиной года тревог и мучений, – в итоге печальный конец счастливого брака, длившегося двадцать семь лет.

Вновь Павел увидел Наталью после года вдовства. Увидел – и не узнал: походка танцующая, бёдра крутые, стройна (ни жиринки), причёска другая, лицо молодое, глаза чёрные, ясные. (Нашёлся кудесник-целитель: иглоукальванием помог даме сбросить почти семь кило, обрести небесную прелесть). При виде этакой красоты в Павле вспыхнуло сильное чувство, – ожил, встряхнулся. Отчего-то вспомнилась старая забытая песня:

Мне тебя сравнить бы надо
С первою красавицей,
Что своим веселым взглядом
К сердцу прикасается.

В тот день они сидели в кафе вчетвером: Павел, Наташа, Прохор и подруга Наташи Марина.

Владелец кафе – Прошкин знакомый нацмен, оттапавший под заведение старинный двухэтажный особняк на Советской (некогда улица Дворянская). Здесь было всё, чтобы «оторваться по полной»: отдельный кабинет, боулинг, караоке... Подруги – обе в коротких джинсовых юбках, одна рыженькая (Марина), волосы другой с чудным золотистым отливом – вдохновенно спели дуэтом свою корон-

ную:

Зеленоглазое такси, о-о-о-о!
Притормози, притормози, о-о-о-о!
И увези меня туда, о-о-о-о!..

Посетители, в особенности мужчины, внимали им благосклонно, даже рукоплескали. Некоторые заглядывались на Наташу. Такое внимание льстило Павлу.

Марина двумя годами старше Наташи. Высокая, тощая, как голодная вобла, волосы вздыблены, глаза – азиатские. Водку пьёт как биндюжник – полстакана зараз. Курит безбожно: сигареты жёт с азартом станкового пулемета. Отличается каким-то забубенным паскудством. Работает в книжном магазине. В Наташе души не чаёт, относится к ней, как к сестре.

Павел с удивлением поглядывал на приятеля: что за чудило он откопал? В ответ «ходок косоголовый» [так окрестила Марина], смеясь широким загорелым лицом, промурлыкал куплет незабвенного барда Таганки:

А я кружу напраполюю
С самой ветреной из женщин,
А я давно искал такую –
И не больше, и не меньше!

И, поправив галстук-бабочку, с важностью присовокупил:

– Требуется мне, Паша, лёгкий флирт – для поднятия самооценки. Ты не бойсь! Наташка – она не такая: винище без меры не лопаёт, от силы полрюмочки пьёт.

Действительно, Наташа пила по чуть-чуть, однако была приветлива, весела. Это импонировало Павлу: он тянулся к женщинам весёлым, не злым. Смущал его только Наташин смех: развязный и хриповатый, он никак не сочетался с её, как ему казалось, благородным и нежным обликом.

После кафе на такси Наташа повезла Павла в отдалённый микрорайон, на съёмную квартиру. Сказала: к ней нельзя, они с мужем живут врозь, разводятся, но он «нет-нет, да зайдёт». Утром Павлу почудилось, что они давно – душа в душу... Наташа как ни в чем ни

бывало попросила приготовить ей кофе, и он охотно принялся манипулировать с фарфоровой чашечкой и кипятком, попутно раскрыв свой «особый секрет».

3

«Особым рецептом» Павла было также приготовление грога, о существовании которого в сибирском городе мало кто даже догадывался. «Ух, молодчина ты, Паша, – бурно благодарил друга любвеобильный Прохор. – Эта чоча добре в голову бьёт, только совсем незаметно. Хлебнёт её чувиха и в моменте на тебя сверху – прыг!» Вскоре на грог Павел пригласил Наташу к себе. Она с восторгом нахваливала «благородный напиток», а потом осталась у него ночевать. Её темперамент был каким-то цыганским; крепкий бывалый Павел тоже не подкачал. В экстазе она громко стонала, крича, что любит, что ей хорошо с ним.

«Они сошлись», – сказали бы раньше; теперь говорят: «Они стали жить». По утрам Павел готовил свой особенный кофе, вечером Наташа жарила «фирменные» котлеты, которые Павла не восхитили, хотя он об этом смолчал.

Наташа двенадцатью годами моложе Павла, ей тридцать с «хвостом». Её шестнадцатилетняя дочка Лена живет по большей части у бабушки с дедом. Бывший Наташин муж Сергей захаживает – повидаться с дочуркой. С Павлом он вел себя ровно, агрессию не выплёскивал. Как-то раз, будучи под шафе, с холодной ухмылкой спросил: «Женишься на ней? Ну-ну, рискни. – И, посопев потным носом, довесил: – По зодиаку Наташка – рак. Сама говорит: я женщина раковая. Вот и думай!» Из этого лепета Павел ничего не понял, да и понимать не хотел, потому как Сергея за полноценного мужчину не принимал.

Узкогрудый очкастый Сергей – из семьи крупных советских, а затем ельцинских функционеров, рос избалованным, себалибивым. Любил удалые гулянки, на которые собирал друзей, чтобы фанфаронить, куражиться. Друзья не возражали: Серёга-то платит! Когда было нечем башлять, друзья исчезали, чтобы возникнуть вновь, ежели «другану» вновь

случалось подняться.

Родители Сергея были противниками его неравного брака с Наташей (папа её работал на швейной фабрике клерком). Но сынок заартачился, выказав редкостное упрямство. В юности Наташа считалась завидной невестой: стройна, личиком лепо, кудрява, – словом, желанна. Училась на литфаке пединститута. Зная о связях крутых предков Сергея, Наташа пошла замуж охотно. Уже вскоре Сергей осознал: молодая жена не любит его. Результатом этого стал жуткий загул. Сергей продал подаренную мамой квартиру, а деньги вскорости промотал. После этого, одумавшись, занялся бизнесом: доставлял из Москвы экземпляры свежих учебных пособий и на месте с прибытком реализовывал их. Но друзья никуда не делись, наоборот, стали ещё дружелюбнее. Почти все они превратились в патентованных шаромыг и ханыг: могли помочь мимо унитаза, заснуть у двери на лестничной клетке. Но Сергей привязался к ним с детства и юности. Его «вагончик жизни покати́лся под уклончик», и однажды новоиспеченный Вахх сказал жене: «Наташа, надо продать твою хату. Я тут надыбал, во что нам вложиться. Прибыль будет – отпад!» В ту минуту чемоданы похмельного коммерсанта полетели за дверь.

А что же Павел? Конечно, он сочувствовал Наташе. И когда она, томно поджав ротик, сказала, что им «недурственно бы расписаться», Павел подумал недолго – и согласился.

– Эх, Паша, – узнав об этом, философствовал Прохор, – нелегко она, доля наша! Пока ты один, всё в твоих руках. Сам выбираешь – кого... А те, кого выбирают, как золотые рыбки: с виду доступные, ласковые. А попробуй, поглоть – ад на зубах.

4

Потомственный военный Павел Нагорных отдал Советской, а потом и Российской армиям более двадцати лет, дослужившись до подполковника. Он мог бы служить и дальше, но выстроенная ельцинскими демократами система была такова, что его, опытного полного

сил офицера, выставили на гражданку.

Что делать ему в тридцать восемь лет, чем заняться? Хорошо, что подвернулось хлебное место – взяли на службу в банк. (Жена Вера работала в школе.) По денежному сертификату Нагорных получил трёхкомнатную квартиру в элитном сталинском доме: третий этаж, высокие потолки, паркет. В околотке – полдюжины магазинов, во дворе – элитная школа, в шаговой доступности – поликлиника.

Жить бы да радоваться. Но в два с половиной года скоропостижно от пневмонии умерла дочка Наденька, потом заболела Вера – и всё пошло кувырком.

Похоронив жену, Павел замкнулся. Работу свою выполнял механически, на людях обычно помалкивал, делая вид, что со вниманием слушает. Дотоле тёплые, живые глаза его выцвели, потускнели. Это угрюмство друга сильно беспокоило неумёного Прохора. Он то и дело тормозил окаменевшего Павла: «Ну чего ты, чего? Выше голову, жизнь продолжается!» Павел рассеянно качал головой – будто бы соглашался. Лишь однажды поведал, что лежит на душе.

– Было дело, в детстве я в речке тонул. Нырнул в омут с разбегу, и воды в носоглотку набрал... В омуте холодно зверски, темно, как в аду, – самое место концы отдать. Мать честная! Дыхание спёрло, сознание спуталось: вот-вот камнем на дно – и крындец! Я забарахтался, вижу, сверху надо мной патно белого света: этак солнышко на волнах лучами играет... Рванулся к свету – и выплыл! Считай, повезло... – Помолчав немного, сказал с сожалением:

– Ныне я, слышь, сколь ни шеперился, света живого не вижу. Эх, Проша! Мне почти пятьдесят, а ты молодой, тебе не понять. Ушла прежняя жизнь, её не веротишь. Помню детство и юность – время радостей, светлое, как тёплый июньский день. Потом нагрянули времена кровавые, страшные: война, душегубство. Но мать, отец живы были! Они, жена Вера, дочка Надя, друзья боевые – их свет согревал душу, соединял для будущей жизни... А ныне что? Дышать нечем, будто в омут нырнули. Небо коптим, везунчики: в девяностые выжили, в деся-

тые не прижились.

Приятель тарашился, слушал – вроде бы соглашался. Но где Проще понять! Она на одиннадцать лет младше Павла...

Разговор имел быть на даче Нагорных, в стороне от человеческой суеты. В дачной беседке сидели втроём: Прохор, Павел и сосед его, Феоктист, в хлам разорившийся бизнесмен. Сорокалетний Феоктист зарос недельной щетиной и смахивал на аскета. Ещё вчера он на вороном «мерсе» гонял, любовнице бриллианты дарил, икру хлебал ложками, буд-то кисель, словом, жил кучеряво. Повидал мир, и не только Турцию, Таиланд, но также Австралию и Тасманию. Сверзившись с «олимпиа», сделался отшельником и философом: днями всё думал да струны гитары перебирал, мотая в такт пьяною головою. Феоктист не искал сочувствия, не жалился на судьбу, поэтому был принят в компанию. Причину своих жизненных неудач он подметил бесстрастно кратко: «Чёрт попутал». Тогда Павел и Прохор сочинили весёлый куплет и спели его под гитару:

Феоктист не футболист,
Маху дал – отставить свист:
Креативных мужиков
Чёрт обводит, как щенков!

Накануне «мальчишника» Павел сварил ведёрный котёл груздянки со знатным количеством моркови, лука, укропа и перца, – чтобы аромат учуяли небесные ангелы. Прохор привёз канистру казахского коньяку. Под крышей беседки в форме ротонды приятели восседали непринуждённо, как персонажи бесподобной киноленты «Особенности национальной охоты» – все трое в камуфляжных куртках и кеги. Чокались молча, тостов не говорили. Пели: «Чёрный ворон, весь я твой...» Чего вспоминать! Прошлое следовало забыть как наркотический сон, зато сегодняшний день по милости всещедрого Господа выглядел сказочно и волшебным: над головами небесная лазурь, а рядом, в кронах деревьев, щебетали райских птиц. Что объединяло этих троих? Они – мужики одинокие, жизнью изрядно побитые. Им назначено бестрепетно сносить несчётные

удары судьбы. Сколько ещё на Руси таких как они!

На войне Павел не раз видел смерть верных друзей, едва не потерял младшего брата, который получил тяжёлую рану в первой чеченской. Но смерть жены отняла у него не год и не два... Подавляя отчаяние, он не раз задумывался: что же такое сделать, чтобы скорбь хоть чуть-чуть отступила?... Тут, чрез сплошной дурман, в голове явственно прозвучало: иди на войну!

Но войны не было.

Комбатом Павел Петрович провоевал всю вторую чеченскую, в 2008-ом участвовал в пятнадцатидневной войне с Грузией. Тогда на окраине Цхинвала одна из российских колонн напоролась на засаду грузинских командос. При сильном обстреле подполковник Нагорных на себе вынес в безопасное место раненого генерала Мартынова (ему осколками повредило сустав, пробило лёгкое), вовремя передал его в руки медиков и тем спас военачальнику жизнь. Раньше Мартынов и Нагорных были только знакомы, после этого стали настоящими боевыми друзьями.

В пятьдесят пять лет генерал-майор Мартынов, участник многих войн, начиная с Афганской, перешел на преподавательскую работу в военную академию. Жил Алексей Александрович в столице, и соратника Нагорных принимал у себя как родного. «У тебя, – говорил он Павлу, – пальцы короткие, зато рукопожатие сильное. Знай наших! Таковы мы, сибиряки». Однажды генерал приезжал в гости к Павлу, и друг устроил ему роскошную рыбалку на одном из знаменитых зауральских озер, зарыбленных карпом и судаком.

Был у Павла ещё закадычный друг, старший прапорщик Мельник, которого в узком кругу в шутку величали генерал-полковником, настолько он выглядел представительным. «Мише Мельнику нарисуй зигзаг на погоны, – подшучивали сослуживцы, – доподлинный генерал! Мимо него не проскочишь, не прошмыгнешь, – глаз алмаз. Миша внушать умеет!» Бывалому полтавскому малороссу под шестьдесят. Служа порученцем, Мельник стал

знакомцем многих видных военачальников, и с некоторыми из них был на короткой ноге. Его большой опыт, природная сметка и рассудительность не раз выручали Павла в щекотливых запутанных обстоятельствах.

Занимаясь коммерцией, Мельник колесил на своей «жучке» по Уралу и Зауралью. Задаваться «женским вопросом» было ему не в диковину. Жена и дочь Мельника жили в Харькове, и он из Сибири посылал им немалые деньги. Но обратно на «батьковщину» не звали: видимо столь странный брак хохлушек вполне устраивал.

Навестив в очередной раз друга Павла, Мельник впервые увидел Наташу – и впал в задумчивость. В приватной беседе сказал:

– Знаешь, Паша, – крепко потёр голый, испещренный глубокими шрамами череп. – Ты на этой Наташе пока не женись. Повремени малость!

– Это почему? – введливо прищурился Павел.

– Не женись! – не отвоя глубоко сидящих глаз, решительно повторил Мельник. – А почему – потом всё узнаешь.

И выругался по-солдатски, витиевато.

5

После свадьбы, гражданский обряд которой свершался с нарочитою пышностью (невеста была в белом одеянии, пошитом на заказ лучшими мастерами; жениху это влетело в копеечку), на Павла будто в наказание за грехи обрушился шторм безвыходных проблем. «Медным тазом накрылся» филиал универа, в котором подвизалась Наташа; ей кое-как удалось устроиться в детский сад методистом. А вскоре лопнул банк, в котором служил Павел Петрович.

Пятидесятилетнему мужчине найти работу в провинции – всё равно что Одиссею не сходя с места занять Золотое Руно. «Эффективные менеджеры» на таких смотрят с опаской: самостоятельны, независимы, да ещё, упаси Боже, коллективисты! Молодежь, пусть даже без опыта – с ней куда проще. Прошли времена бессребреников и героев. Настала золотая

пора подлецов. Всё стало устроено так: чем ни подлее индивид, тем выше он рангом. Высокому начальству удобно те, у кого рыльце в пушку. Люди, которым на роду написано было заведовать овощными базами и ЖКО, сразу и вдруг запрыгнули в министерские кресла. Каждый тшился урвать своё. Даже в армии какие-то гражданские шпаки с решимостью воинствующих атеистов затеяли новую «перестройку». Пытались преобразовать кадровые дивизии в бригады. Отказались от шинелей, пилоток, папах, посчитав это ненужным хламом. Вместо этого одели военных в болотного цвета пальто и пиджак с карманами – лишь бы угодить «партнёрам» из НАТО. Дошло до того, что погоны на камуфляжной одежде убрали с плеч, приладили на животе... Видя самодовольный лик «реформатора» Сердюкова, разглагольствующего с телеэкрана о полезности нововведений, Павел крестился и говорил: «Слава Богу, это уже без меня!»

Пройдя огонь и воду, Павел добыл место начальника караула в одной из частных охранных контор. Платили там сущие гроши, и, если бы не военная пенсия, Павел мог считать себя нищим.

Нищим Павла как бы в шутку называла Наташа. Она сильно изменилась, лишь только стала законной женой. Обида и злость грызли мятежную душу из-за комплекса неудачника, который, как мерзкий хвост ведьмы тянулся за нею по жизни.

Наташа не раз вспоминала время веселой юности и себя, вожатую детского лагеря. Перед началом смены ей признался в любви курсант четвёртого курса военного училища Александр. Саша по-рыцарски предупредителен, приятен по внешности, но – низкорослый, и это сильно принижало его образ, вызывало безотрадное томление в сердце Наташи. Однако Саша был не просто курсантом, но – правнуком генерала армии Корочкина, одного из видных военачальников Великой Отечественной войны. И потому после окончания училища Саше предстояло убыть не в глухой гарнизон, а в столичный град. Шикарная московская квартира, где «на велике можно ка-

таться», высокие связи, столичный свет – вот что завтра ждало очаровательную провинциалку Наташу.

«И платье шилось белое, когда цвели сады», как вдруг поломал всё Нагибин, известный в городе рок-музыкант. Развязный и рослый, он со своей группой давал концерт в детском лагере и вмиг влюбил в себя юную вожатку. Любовь протекала бурно, чуть не прилюдно, и вскоре о постыдной измене прознал правнук легендарного генерала. Он приехал в лагерь и дал отповедь неверной невесте.

– Что, Натали, думаешь, ты меня кинула? Нет, это ты сама себя кинула!

Впоследствии Наташа в душе проклинала своё неразумие, а воспоминания о генеральском правнуке сидели в душе гнойной занозой... Её брак с рок-музыкантом распался меньше, чем через год.

Впрочем, Наташа напрасно жалела себя. В ней уже тогда сидел бес, без устали твердивший, что семейная жизнь пресна и скучна. Став психологом, она поняла, что бес утвердился не только в ней, и посему время настало – бесовское. А, коли так, отчего не потешить искусителя-беса?... Словом, бери от жизни всё!

Запомнив, как обожглась «по молодости», за Сергея вышла она по расчету. Но... С немилым и в хоромах не рой, тем паче, немилый хоромы – пропил! Наташе с юности нравились мужчины фартовые, нахростистые, удалые, не такие, как Саша, Сергей. Теперь нарисовался новый супруг с царским именем – Павел. Подполковник... грудь в орденках. А толку-то? Шла за банкира, вышла – за «вертухая». Какая это любовь? Лет через пять он будет – старик.

Что делать?

Подружка Марина ей говорит:

– Тебе с ним детей не крестить! Отбери у Павки квартиру – и живи дальше. Хата у него класс! Можете поменяться: ему твою однушку, тебе – всё его...

Ага, подумала Наташа, подруженька верно молотит. Марина девушка с опытом. Выгурила своего Васятку, как шкодливого кота, и теперь на порог не пускает. Мужа нет, зато – свобода! Глядя на шмару Марину, дочка её

связалась с непотребной кампанией. Эмансипация, веляние времени... Как же сделать, чтобы Паша отлез? Создать условия, чтобы сам этого захотел!

– У Лени скоро экзамены – ЕГЭ и вступительные, – с мягким напором подъезжала Наташа. – В универ ей отсюда поближе... – И – вкрадчиво: – Пусть она, Павлик, здесь, у нас поживёт?

В квартире Павла они зажили втроём.

Характером Лена в маму: ручки спрятаны в чудной меховой муфточке, а как покажет ладошку – на пальчиках когти кикиморы. Отчим она не любила, но явных признаков не любви не выказывала. Его можно другим манером поддеть. Когда татап «наезжала на солдафона», следовало непременно принять её сторону. Две «психологини» на одного «вахтера» – это силища.

Марина тоже не упускала момента Павла уесть. Беспутная по натуре, она признавала силу только порочных мужчин. Все прочие в её понимании не заслуживали уважения. Что же ты, Паша, взял в супруги роскошную раковую женщину, а материально обеспечить не можешь? Ей надобно из норки манто, золотые кольца покупать. А ты?! Полковник хренов!..

Павел сперва терпел, отшучивался, и, наконец, твёрдо сказал Наташе: как хочешь, а Марины чтоб духу здесь не было. Наташа спорить не стала, но Павел знал: когда он на сутках, подруги подолгу «зависают» на кухне, перебивая его «старые кости». А утром в мусорном ведре выискивает гора свежих окурков...

Проектами под завязку забита Наташина голова. Намедни пошла на приступ: сделай евроремонт! Павел упёрся: «Уродовать квартиру? Не дам!» В тот день они крепко поцапались. Наташе даже посуду помыть – в ломы. Мытьё посуды, полов, стирка – всё это вызывало в ней идиосинкразию; посещение бара и шопинг радовало как влюбленную гимнастку. Готовить умела, но сильно ленилась. Любимое занятие – под водочку в клубах табачного дыма самоутверждаться, обсуждать непомерные перспективы. [Оно и в психологи

пошла затем, чтобы повелевать и блистать). По части выпивки Наташа не уступала подружке – это до свадьбы она демонстрировала несостоявшуюся трезвость. Пили «девушки» не вино, не пиво – предпочитали водку, коньяк, а бывало, шампанское. Павел, мужчину малопьющий, смотрел на это как робинзон на пиршество людоедов и задавался горьким вопросом: на что он купился? Чего стоили посулы Наташи: «Ты, Паша, мужчина сильный, от тебя красивые дочки пойдут. Рожу тебе дочку!» Какие тайнства, если разбитная «мамаша» водки пьёт больше воды, – кого родит она в пьяном угаре?..

В свою очередь, Павел частенько, ради прикола, подтрунивал над Наташей из-за её «всезнающей» профессии:

– Всё, что вы можете – это воздействовать на сознание людей с некритичным мышлением. Они рот разинут – слушают вас. Человеку мыслящему на ваши приёмы – плюнуть и растереть. Как ни крути, сколь ни пыжся, психолога – не наука!

Наташу это сильно бесило:

– Ты, Павлик, не понимаешь. Ты в этом деле – медведь!

Но Павел не хотел уступать из принципа. Чтобы хоть немного «развезаться», он тоже нередко «закладывал за воротник»: когда жена это делает, поневоле составишь компанию.

Многомесячное пьянство и обормотство аукнулось, будто леший ухнул из леса. Знакомый врач, пульпируя живот Павла, нашел, что у него увеличена печень.

Шло время – конфликт супругов тлел, готовый вспыхнуть, как может пылать буйно бьющая из-под земля тугая нефтяная струя.

6

Хотя официально Марине от дома и отказали, но восемнадцатилетие девушки Лены она без спросу явилась. Вечером Павел пришёл домой с подарком для падчерицы. Увидел: обе кумы сидят на кухонном диване как курицы на насесте. Покудахтали о своём, теперь в дыму табачном на гитаре наяривают.

– А, Павлик Петрович! Заходите к нам на огонёк. – Зовывают нахально, будто он не в свою квартиру пришёл. Наташа улыбочивая, смеётся, а Марина смурная, не в духе, сопит с перепойной натугой.

Спели пару романсов, выпили за здоровье. Марина глаза сузила, как монгольский нукер пред стрельбой из лука, говорит:

– Подарочек твой, Паша, не от души – часики!.. Ты... твою мать, лучше работу найди приличную. Лена девушка взрослая, серьёзная, в универ поступила. Разве такое г...но Ленке надо дарить? Не позорься, полковник!..

Наташа засмеялась своим бессердечным раскатистым смехом: стычка подруги и мужа её бесила и радовала. А в хмельных глазах Марины было столько вызывающей злобы – Павел не усидел: перегнулся через стол, закатил ей хлёсткую оплеуху.

Наташа отложила гитару и приступила к мужу как амазонка: руки в боки, в очах огонь. Давай визжать: дескать, ты, Паша, ничтожество, места своего не знаешь, жлоб, каналья и жлот... и ещё что-то, чего он не помнил. Махая руками, ударила – острыми ногтями по подбородку. Павел и ей втёр для профилактики – не сильно, ладонью.

Она отскочила, держась за щеку, задрожала лицом. В расширенных от коньяку глазах не было удивления – похоже, получать «по мордам» от мужчин ей не впервой. Видеть это больше не было сил. Павел собрал вещи в сумку, ушёл жить на дачу, хотя на дворе стоял студёный октябрь.

Дачный домик кирпичный – две комнатки, кухня, мансарда. Есть печка, но греет неважно. Вроде бы, не дымит. Но не ворчит, не пытит, как положено, – у мастера, что сложил её, руки из другого места растут. Да и откуда взяться здесь печных дел мастерам?

Круглый старинный стол, кресла, портреты близких, посуда – здесь многое напоминало Павлу о Вере, а Вера всегда с любовью ухаживала за «фазендой» – обустранивала беседку, любовно растила цветы... Наташа на даче побывать не сподобилась, да это и к лучшему. Павыбрасывало из квартиры много дорогих

сердцу Павла вещей, добро, хоть здесь не хозяйничала.

Бывало, они с Верой проводили на даче почти все летние выходные. Посильный труд на земле не был обим в тягость. Вспомнилось, как жили здесь весь июль. Двухлетняя дочка Настя на крепеньких ножках с бантиком на русой головке гонялась по лужайке за красивой цветастой бабочкой. В погоне девочка неловко загребала руками, а бабочка беспечно кружила поблизости над ромашками и не думала улетать. Тут выбежал на лужайку дымчато-полосатый соседский котёнок – маленькая натуралистка застыла в радостном изумлении. Вера – чистая душа – смеялась счастливо и мелодично: «Видишь, Павлуша, для чего мир устроен? Для родителей и детей! Женщины это лучше вашего понимают». Можно ли это забыть?

В своё время мускулистый осанистый Павел и высокая стройная Вера составили завидную пару. Открытые и весёлые, они любили музыку, а танцевать могли долго, часами. Оба имели неплохой слух. Вера задорно напевала услышанный от сокурсниц куплет:

И на юбке кружева,
И под юбкой кружева –
Неужели я не буду
Офицера жена?

В жизни Вера барыней не была, многочисленные переезды, лишения и тревоги в дальних глухих гарнизонах её не пугали.

Ещё Павел и Вера любили купаться. Оба отличные пловцы, они по несколько раз переплывали широкую реку, радуясь летнему солнцу и свету, живой быстрой воде. Здесь Павел исподволь взглядывал на жену – и читал на лице её тихую радость... Лёжа рядышком на нагретом песке, они долго смотрели в небо, на ленивое белое облако, что одним боком отражалось в задумчивой глади заводи. Ещё ходили к речному обрыву, под песчано-глинистыми слоями которого зияли обвалившиеся пещеры, – там будто бы нашли кости мамонта и древнего носорога. Дивились: сколь много повидала, испытала вневременная чудо-река

с её чёрными омутами, золотистыми плёсами, изумрудными берегами, с загадочным рождением и вечным могучим движением её живительных вод... Сколь мало дано познать человеку!

Муторно на душе, неприятно. Глядя на пылающие в печке поленья, Павел задумался, приходя от смутных сомнений к пониманию всей неловкости своего положения. Конечно, он мог решительно, по-солдатски, расставить точки над «і!». Что мешало? Думал: Наташа не девочка, ей уже под сорок. Должна понимать значимость брака! «Вспомнились слова друга Проши: «Батя у Наташи хохол, отсюда сомнение непомерное. А бабка будто бы цыганка, мастерица по привороту. Теперь Наташа юриста нашла – иск готовит, квартиру твою делить. Ты не дуркуй, держи ухо востро». Значит, Наташа вышла за него из-за квартиры. Вот так она, жизнь, поворачивается: при разнице в двенадцать лет пропасть между ними – без дна. Налицо поколение девяностых с его испорченной кровью, когда мальчишки подражали вооружённой братве, а девочки валютными шлюхами восхищались. На покерных и кукле барби воспитывались. Его учили: человек человеку друг, товарищ и брат. Её: обмани ближнего, или он обманет тебя и трижды возрадуется. Отсюда вся разница. Верно Миша Мельник сказал: «Раньше женщины были русалочки, ныне они – пираньи. Лживые, как дьяволицы. Будешь хлебальником щёлкать, сожрут!» Разве не так? Павел Наташе всё про любовь, она ему – про квартиру... А ещё Мельник вспомнил, что лет десять тому Наташу видел в ресторане «Полтава»: работала администратором, а по ночам подрабатывала – с Мариной в эскорте.

Дотоле не видывал Павел такого свинского к себе отношения, да ещё от женщин. Родители его любили, но не баловали, воспитывали как будущего защитника Родины. Поэтому военная служба Павлу была не в тягость. Солдаты его уважали за мужество, воинское умение и справедливость, для них он был батяня-комбат. Начальство – с ним Нагорных обычно не спорил, но за бойцов своих стоял упрямо, го-

рой. А начальники не все такие, как генерал Мартынов. Для тех, кто делал карьеру на жизнях солдат, кто набивал карманы, «реализуя» войсковое имущество, – им честный офицер Нагорных был неудобен.

Женщины... Отношение к нему Павла было возвышенным. С юности он полагал, что женские красота, ум, благородство – вещи совместные. Девушки чувствовали, что в восприятии Павла они возвышены и облагорожены и доверяли ему. И повидав немало, Павел не хотел верить, что хмурое, жестокое время меняет людей. Для Наташи характер Павла остался загадкой, но особое отношение к женщинам от глаз не укрылось. Она не преминула это использовать, до поры изображая прекрасную даму без тяжких пороков. Не потому ли временами его тянуло к злодейке?

Такая вот у Павла любовь – в пятьдесят один год.

Конечно, Наташу следовало согнать с квартиры. Скандал назревал нешуточный, и Павел, набираясь решимости, продолжал жить на даче.

Всё бы ничего, да здоровье что-то шалит. Бок болит, сердце ноет. Но болеть рановато! Надо встряхнуться, собраться. Впереди большие дела.

Вчера Павлу из Москвы позвонил генерал Мартынов.

– Что, Павел Петрович, в медвежий угол залез? – Усмехается в трубку. – Жизнь ныне такая – даже в берлоге достанет. Война, брат. Спецоперация! Нам теперь с тобой не в берлоге тыриться – в окопах сидеть.

– Не староваты мы для войны, товарищ генерал? – растирая прихваченный нудящею болью затылок, нарочито-бодро спросил Нагорных.

– В самый раз. Мне шестьдесят пять, а ты и вовсе пацан. В добровольцы пойдём!

– Алексей Александрович, ты это серьёзно?

– Уж ты меня знаешь! – задорно баяя в трубку, напирал генерал. – Чего по хатам сидеть, яйца квасить? Отродье укроманацистское зашевелилось, о реванше мечтает. Гово-

рят, дескать, упоротые они. Значит, будем пороты!

– Товарищ генерал, я готов. Только как на такое дело – двоём, что ли?

– Это, брат, не твоя забота. Я только по Москве однополчан собрал – больше дюжины, почти все – офицеры. Пологаю, добровольческий взвод сформируем. Я у вас взводным буду, а там поглядим. – Помолчал и – более жестко: – Ковбой перед нашим носом давно кулаками машет. Побачим, с какой стороны он кобылу запряг. Вся натовская сволочь влезла в это дело по самое не балуй. Пощупаем их – так ли круты... Чую, есть порох в пороховницах!

Павел воспрянул духом, сердце взыграло восторгом, как в курсантские годы: «Молодые, смелые ребята, поутру уходим мы в поход...». Вспомнил, как душа ликovala, когда в 2008-ом, вслед за разбитым противником, с развёрнутым знаменем вошли в Гори... Боевое братство дорого, как семья. Что говорить! Ведь он рождён для службы бранной, он хотел на войну! А на войне не унывал.

Но боль от осознания несусветной Наташиной подлости не отпускала. Вспомнились её чудные слова, как раз «в тему»: «Если пойдёшь на войну, в тыл пристройся – начхозом, начпродом... Связи у тебя есть, вот и действуй! Довольно, Паша, за так кровь проливать. Мне твоих медалей не надо – приди лучше целым миллионером». От ярости у Павла пересохло во рту, потому не смог – плюнуть её в рожу.

Не отпускала Павла все последние четыре года тяжкая душевная боль...

7

В глухую ночь Павел проснулся от сильного, да жил пронявшего холода. [Спал в лёгком спортивном костюме под старым байковым одеялом.] В голове звенело, подобно стрекоту цикады в летний день. Болезненно кряхтя, заворочался, двигая одервенелыми пальцами ног. Вспомнил, что вчера почувствовал какую-то слабость, прилёг, а печку не протопил. Холод был зверский, но, против обыкновения, Павлу не захотелось вставать. Закрыв отяжелевшие

веки и, казалось бы, задремал, не в силах пошевелить рукой ли, ногой...

Во сне привиделась жена Вера, одетая в подвенечный убор. Сказала напевно и ласково, с ободряющей улыбкой: «Бедный Павел! Тебе холодно; скоро я обогрею тебя...»

Под утро Павел услышал близкий гул самолета. Подумалось: «Московский садится». Самолёты на взлёт и посадку шли аккуратно над дачей Нагорных. Огородничая, он не раз задирали голову, провожая глазами движение летучих машин. Ещё промелькнуло мгновение... Павел увидел: по утреннему небу в свете молодой багровой зари скользит серебристый лайнер... Двамя рядами светятся иллюминаторы, через остекление кабины видны лица пилотов. Под фюзеляжем проплывают сады и садовые домики.

«Самолёт, – успел подумать раб Божий Павел. – Только почему он подо мною, а не я под ним, на земле?»

В

За почти три недели дачной жизни Павла Наташа звонила ему один раз, и то по какой-то своей жгучей материальной нужде. (Все эти дни она жила одной мыслью: как досадить Павлу? С кем изменить ему, чтобы сделать ужасно больно?) Тут ей звонок из Москвы. Звонивший генерал Мартынов спросил, знает она, где Павел? Звонки на его номер проходят, но друг телефон не берёт. Наташа не очень беспокоилась: поди, обронил Паша телефон между грядок, ищет его теперь. Вскоре позвонил Мельник: где Павел? Неужто в такую пору на даче?

Наташа понесла околесицу. Мельник встретился, сквозь непогоду – свинцово-снежное небо осыпало пути-дороги ледяною крупой, ветер высвистывал зловещие гимны наступавшей зиме – помчался в сады. В садовом домике обнаружил бездушное тело друга: он лежал на постели навзничь, будто бы спал. Вызвали скорую помощь. Врачи, осмотрев тело, сказали: Павел Нагорных скончался от сильного переохлаждения, стало быть, замёрз насмерть. В ту ночь с севера накатил холод-

ный циклон, ударил мороз, температура резко упала. Павел отдал Богу душу во сне. Двое суток его никто не хватился.

... Боевые товарищи не забыли подполковника Павла Нагорных. Собрав добровольцев на фронт СВО, генерал Мартынов сказал:

– Эх, Павел, Павел! По-глупому умер. Значит, судьба. Сколько прекрасных жизней отняло прошлое окаянное время! Теперь наше время пришло. Здесь, с нами, он бы вновь чувствовал себя человеком... Ушёл в цвете лет. Но мы его помним. Стоящий был офицер!

Уже вскоре добровольческое подразделение генерала Мартынова с головой погрузилось в жестокую музыку боя. Каждому из обстрелянных бывалых бойцов с особой ясностью вновь пришло осознание, что «вот мы, вот они; наше дело правое!» Письма родных дышали скрытую болью, тревогой и – светлой надеждой на то, что солдат вернётся с войны живым, невредимым. И каждый русский воин своей боевой работой стремился приблизить победу над ненавистным врагом.

А старший прапорщик Мельник, готовя к бою боекомплект, важно молот белую краской на золотистых боках тяжёлых орудийных снарядов:

За Веру!
За Павла!
За любовь!
За Отечество!
За Победу!

2023

МАТРОС, ЛЕЙТЕНАНТ И МАЙОР

1

Ноябрь 1941 года – время суровое, огневое. Железный германский зверь ошалело ломился к Москве, бойцы Красной Армии и воины ополчения сражались стойко, упорно. Их удары становились всё сокрушительнее, их ряды не редели, пополняясь новыми тысячами защитников древней столицы. К тому же на беду немцев к русским подоспел грозный со-

юзник – генерал Мороз.

Бок о бок с его ледяными дружинами сражались с врагом советские партизаны. Они хорошо знали местность и холода не боялись – выкуривали противника из захваченных деревень, истребляли его на дорогах. Млея в избяном тепле, немец не думал, что в страшном зимнем лесу может выжить какое-то войско. Тут-то он стал понимать: война в необъятной холодной России – это отнюдь не прогулка от Эльзаса к Ла-Маншу.

Партизанские отряды нечасто создавались на местах стихийно. «В занятых врагом районах надо создавать партизанские отряды, диверсионные группы», – призывала Ставка Верховного Главнокомандования. В тылу противника развернули деятельность многочисленные организаторы партизанских отрядов и оперативные группы ОМСБОН.

Русский человек – как медведь: его непросто поднять на дыбы. Не раз и не два вонтели всех мастей испытывали природное миролюбие, дружелюбие русских. Мифы о нашей культурной отсталости делали свое дело. Думали так: не должны просвещенные европейцы кровушку лить рекой – всё ж они не нехристи гололобые, не турки, не крымчаки... Наполеон съёл Смоленск, затем обратился в пепел Москву, а православные храмы Первопрестольной галлы превратили в конюшни. Тогда-то «дубина народной войны» поднялась на «безбожных, ветреных французишек». То же было и с немцами. Сперва обыватель с простодушным любопытством поглядывал на их диковинные мотоциклы, лимузины, грузовики, слушал лукавые речи об «освобождении от ярма большевизма». Провозгласили «новый порядок» - и началось... «Матка, шнель! млека, курка, яйка! Русишь шнапс – самогон! тринкен! Дойче зольдат дер хельд! Ви есть русишь швайн!.. Девочка, пойдём?...»

Минуло лето, накатила слякотная холодная осень. Излияние немецкой желчи вкупе с лютой злобой сделалось повсеместным. Ещё был Фюрер обещал восьминедельную военную прогулку, после чего Советы будут повержены. А засим: дождь наград, громкая слава,

торжество нации господ, вечный рай на необъятных восточных землях... Что вместо этого? Пятый месяц русские бьются как черти, потери немцев в «лёгкой прогулке» превысили урон всех предыдущих кампаний. «Сверхчеловек» искал, на ком сорвать лютую злобу.

Чем больше враг лютовал, тем туже сжималась пружина. Это у бездушно-чопорных англо-саксов месть – блюдо, которое подаётся холодным. А народ русский веками воспитывался на сказаниях о тираноборческих подвигах предков. Уж коль доходило до драки, вражину бил смертным боем. Постепенно бойцы РККА, ополченцы и партизаны познавали науку ненависти. Были такие, что в бою не имели охоты прицельно стрелять: «Тоже ведь люди они, живые. Тоже, как мы – рабочие, крестьяне. Не по своей воле идут! Завтра винтовки бросат, на нашу сторону перейдут...» Говорили такое шёпотом, а думать – о том думали многие. В головах просквозило, как только начали отбивать у немца деревни, сёла и города – тут иллюзии разлетелись, как белый туман.

Оказавшись под пятою захватчиков, все враз забыли про классовую солидарность, интернационализм и прочие Марксовы выдумки – увидели, какие из гитлеровцев «братья по классу». В партизаны шли с решимостью грызть оккупантов зубами. Но до зубов вооруженного немца одной злостью не одолеть. Требовались командиры, умеющие организовать новые подразделения, могущие переманить, разгромить, уничтожить врага.

В середине октября по заданию командования двадцатисемилетний лейтенант госбезопасности Шатунов с разведывательно-диверсионным отрядом из двух дюжин бойцов начал действовать в лесах к юго-западу от Москвы. Главной задачей командования, поставленной перед отрядом, было рвать коммуникации неприятеля, уничтожать его линии связи, военные склады, технику и живую силу.

Афанасий Никитич Шатунов – человек молодой, с непокладистым курчавым чубом, телосложения спортивного: отличный стрелок, пловец и боксёр. Родился и рос в деревне, с

детства приучен к труду, почитанию старших.

Отец Афанасия Никитича, крестьянствуя, прожил долгий век, помнил ещё господ-крепостников. От двух жён он имел семерых сыновей (всем довелось побывать на войне: двоим на русско-японской, империалистической, остальным – на Великой Отечественной).

Никита Гаврилович, крепкий середняк, имел приверженность к Советской власти и даже к колхозу отнёсся без лая, благожелательно. «Ты что же, Гаврилыч, – спрашивали сельчане, – добро, горбом нажитое, за так совдепу отдашь?!» – «Тут жалеть нечо, – колюче усмехался сосед, – потому как добро моё опосля сторицей вернётся». – «Это как?» – дивились зажиточные и голытьба. – «А так, – отвечал мудрый старик. – Раньше как было? Дворяне, купцы, слуги царские – все учёные, все грамотеи! Оне не только мошной – учёностью брали! А мы, лапотные, замордованные? Нам против них каково? Тьфу!.. – Щурил острые, с хитрецей глаза. – Слава Богу, ноне не так! Дети, внучата наши – дюже учёные: учителя, дохтурь, воинские начальники и энти ишо... авиаторь! Приосанившись, торжественно разглаживал сивую бороду: – Вот каки таперь путя для сынов. Мы здесь-ка хозяева, не дворяне! Таперь жалеть нечо, и помирать можно!»

Лейтенант Афанасий Шатунов помнил себя с трёх лет, с тысяча девятьсот семнадцатого года, никакой иной власти, кроме Советской, не знал и был предан ей беззаветно.

Несмотря на молодость, Шатунов умел доходчиво обосновать свои взгляды, приводя примеры из жизни. Дед его, Гаврила Петрович, прожил девяносто годов, оборонял Севастополь в Крымской войне, за что заслужил там «егория». На вопрос, отчего всё же оставили врагую южную часть города-крепости, старик отвечал: «Неприятель оружием был силен. Наши-то гладкоствольные ружья никуда не годились, с двух сотен шагов доставали, а у него – стучер аглицкий али французской – на тыщу шагов бил, зароза! В то поры, слышь, колоннами в бой ходили – пали в кучу, не промохнёшься. Пуля из стучера одним махом двоих валила – так прямо летела сквозь наши

ряды!.. Как тут быть? Его бы штыком, а он, анафема, не подпускает, бьёт из стучера нашего брата, как на охоте». «Так-то, товарищи дорогие, – ободря молодых бойцов, резюмировал лейтенант, – царь и его генералы о простом солдате пеклись! С худым ружьём на войну посылали. При нашей народной власти не так! Наши пушки, танки, самолёты лучше немецких, а техникой владеть мы умеем. Небось, грамотные, не то что при царе Николашке! Дайте срок, всей мощью ударим по немцу – Гитлеру будет каюк!»

За месяц взвод лейтенанта Шатунова вырос до роты, а затем до полноценного батальона численностью пятьсот пятьдесят человек, имевшего минометы и станковые пулемёты.

Поначалу отряд базировался в глухой лесной деревеньке, куда немцы нос не совали. Наладив разведку, лейтенант послал в разные концы группы бойцов – собирать на местах недавних боёв брошенное вооружение. (У немцев, окрылённых успешным наступлением, руки до этого не доходили.) В самом деле, с помощью вездесущих деревенских мальчишек нашли и собрали немало винтовок, мин, гранат и патронов. Из нескольких покорёженных пулеметов сварили по частям шесть исправных. Из лесу к партизанам то и дело шли окруженцы, часто большими группами. Сорокачетырёхлетний старший сержант Бухвостов привел целую роту, полсотни людей, все с оружием, своим и трофейным. Рота потеряла своих офицеров, но не распалась, продолжала сражаться.

Бритый наголо, с обветренными крепкими лицом и большими пшеничного цвета усами, Бухвостов был до войны железнодорожником, а в Гражданскую – моряком, участвовал в боях с интервентами и белогвардейцами генерала Юденича. (Бойцы его так и прозвали – Матрос.) Семён Михайлович, человек инициативный, решительный, если и спал, то в обнимку с винтовкой, – всё остальное время придумывал, как ещё «задать немцам перцу» и, как правило, со всей флотской энергией задуманное осуществлял. В налётах на небольшие немецкие гарнизоны партизанам сопутство-

вола удача.

Бывший матрос Бухвостов и выходец из крестьянской семьи Шатунов – люди твёрдой решимости и воли – сумели создать крепкий боееспособный партизанский отряд. Уже вскоре он сделался непреходящей головной болью немецко-фашистских захватчиков и их наймитов. Принимая в отряд Бухвостова с его ротой, лейтенант сказал:

– Мы здесь, товарищ, не для того, чтобы бежать от войны. Мы здесь, чтобы эту войну прикончить!

Своих бойцов Матрос наставлял так:

– С германцем я впервые на Гражданской схлестнулся. Немец кожилился нас с позиции сбить, а мы его из «максима» подбрили – и в контратаку! Ох, и злы тогда были на немчуру. Как царя скинули, полагали: германец скорёхонько нам подсобит, сбросит ихнего Вильгельма, и делу край! А он, язви его, прёт и прёт... Словом, в рукопашной противник скис, тыл показал. Уконтрапунили мы его! Что из этого следует? Надо немца на штык посадить! Это на фронте его хрен достанешь: сидит себе в траншеях да в блиндажах. Пулёмёт его – зверь: режет и режет... Нам-то здесь куда проще: немец – вот он, под боком, в избе на печи залёг, пузо чешет. А мы на него из лесу как снег на голову, да штык ему в ж...пу! Словом, ребята, точите штыки вострее!

Штыком рослый длиннорукий Матрос владел мастерски, а трёхлинейка была его любимым оружием.

Лейтенант говорил о другом:

– Немец думал к осени нас дожать. Будет он зимой в городах пановать, а наш брат где-нибудь за Уралом в соплях кровавых скулить. Ан вышло не по его. Зима в этом году рано пришла. Зимой немцу воевать не с руки. Видали, во что враг одет? В шинельке на рыбьем меху... В наш-то мороз! В такой одежде не воевать – только приплясывать. Пришло, товарищи, наше времечко! Погоним отмороженную сволочь в три щел. Нападать и бить! А не бить, так хотя бы щипать. Не давать им укорениться, в укрепления влезть. Сила у немца большая, но нам считать её нечего. Чем больше накро-

шим гансов, тем меньше другим работы.

Слова командира звучали жёстко, уверенно, и от этого все чувствовали себя много сильнее.

В начале ноября Шатунову удалось нанести врагу сильный удар – скулодробительный апперкот, как он говорил.

Выполняя очередное задание, рота Бухвостова готовилась пересечь шоссе. Дорога казалась пустынной, как вдруг дозор сообщил о движении с запада небольшой немецкой колонны. Лейтенант Шатунов (он шёл вместе с ротой) решил устроить засаду. Бухвостов лёг за «дегтарь» и по команде тремя очередями поджёг две головные машины. Остальные, не желая принимать бой, хотели убраться назад, но ловкие молодые бойцы, преодолев ковет, забросали немцев гранатами. Пленных не брали. Было уничтожено: две легковушки, два мотоцикла с колясками, автобус.

В штабном автобусе взяли портфели с документами, карты. Затрофеили два пулемёта, полдюжины пистолетов-пулемётов МР-40; Матрос снял с убитого майора кобурку с парабеллумом.

2

Оказалось, партизаны уничтожили оперативный отдел штаба моторизованной немецкой дивизии, который из служебного рвения поспешал к фронту без достаточной охраны. Командующий немецкой 4-й танковой группы разгневался, как Юпитер, и требовал «покончить с лесными бандитами раз и навсегда».

С этого дня за отрядом лейтенанта Шатунова началась нешуточная охота. Гестапо пришлось землю рыть в убеждении, что Шатунова снабжает информацией подполье города Морозова (где-то в пределах города немцы засекали передатчик). Действительно, с подпольем лейтенант держал связь, и это помогало узнавать кое-что о намерениях немцев.

По данным разведки, оккупанты бросили против партизан три батальона с артиллерией и вспомогательные подразделения. замыслом карателей было окружить лесную деревню и уничтожить засевших в ней «большевист-

тских бандитов».

Шатунов не был столь наивен, чтобы в одном селении держать все свои силы. В деревне находилась лишь одна первая рота. Эта рота еще до начала немецкой операции «Дер Бэр» («Медведь») выдвинулась лесными тропами на юго-запад. Немцы, заняв деревню, поняли, что «Медведь» ускользнул, и всеми силами ударились в преследование: первую роту они приняли за весь отряд Шатунова.

Запутав немцев, рота через шесть дней пробилась к своим.

Тем временем Шатунов соединил силы отряда и глухими чащобами ушёл на север. Через сутки партизаны сосредоточились в трёх верстах от города Морозов, в заброшенном рабочем поселке при лесопилке.

Через Морозов танулись коммуникации неприятеля. Город имел несколько улиц с каменными и полукаменными домами, множеством одноэтажных строений, бывших некогда купеческими лавками, конюшнями, складами и лабазами; его окраины с их обширными выгонами для скота смахивали на село. При Советской власти здесь возникли новые фабрики, комбинат, техникумы, училища и больницы. Весёлая деятельная молодёжь охотно осваивала новейшие станки, трактора, самолёты (неподалёку располагался аэродром). При виде бодрых ухватистых осовиахимовцев и учлётов немолодым горожанам хотелось трахнуть старинной... Шатунов бывал в Морозове до войны, а теперь стоял на подступах к нему с партизанским отрядом.

В лесной избушке лейтенант собрал командиров. За небольшим, топорной работы столом едва уместились семь человек. Эти люди с советренными усталыми лицами и крепко сжатыми кулаками были олицетворением грозной могучей силы, которая исподволь копила, чтобы внезапно обрушиться на врага.

В сумерках зажгли большую восковую свечу. Оконце плотно завесили чьей-то прожженной шинелью. Над ветхой крышей, в печной трубе подвывал ноябрьский ветер-кожедёр. Луну, что блестела в радужном круге, затянуло мглой. Снег посыпался ледяною мелкой крупой.

Небо обложили рваные свинцовые тучи.

Шатунов и здесь бодр, подтянут, облачён, как всегда, в полную форму лейтенанта госбезопасности (всё при нём: гимнастёрка, шпалы в петлицах, наган), поверх гимнастёрки – тёплая безрукавка. Товарищи заботливо предостерегали: «Афанасий Никитич, мы же в самом что ни на есть тылу фашистского зверя. Снял бы ты эту гимнастёрочку до лучших времён. Зачем гусей злить?» Лейтенант неизменно отвечивал: «Не дело ты говоришь! Мы на своей земле, мы здесь хозяева. Это немцы как тати в чужой огород влезли. А хозяин что, должен в исподнем незваных гостей встречать? Не-ет! Пусть видят, гнды, щит и карающий меч, и возмездия ждут!» Таким своим внешним видом командир как бы подчеркивал: Советская власть жива, Москва стоит и стоять будет!

– Разведкой и по докладам с наших наблюдательных пунктов получены новые сведения о противнике, – чуть налегая на «о», проговорил Шатунов. Лицо его казалось строгим, суровым, и в то же время молодым. – Днём из Морозова все маршевые части ушли к фронту. Другие уже далеко – преследуют нашу первую роту. В городе немцев сотни три-четыре, вряд ли больше. – Приблизя лицо к огню, снял нагар со свечи. – В городе лютей фашистский террор: ежедневно расстреливают, вешают десятки советских людей. Как посчитаемся за наших замученных, козненных товарищей? Думайте, командиры!

– Жажнуть из минометов по складам с горючим, – Бухвостов азартно дёрнул себя за ус, – так, чтоб чертам жарко стало! Спалить их к едрене фене, и концы в воду.

Посыпались предложения других командиров – лейтенант молчал, отрицательно покачивая головой: нет, не годится.

– А ты чего хочешь, Афанасий Никитич? – Не утерпев, поинтересовался Бухвостов. – Скажи своё командирское слово!

– Чего я хочу, говоришь? – переспросил лейтенант. На дотоле суровом лице его задорно зажглись голубые глаза. – Желаю задать фашистской нечисти кровавую баню! В

газетах ныне что пишут? Земля должна пылать у них под ногами. Всё чётко, всё верно... – Весело посмотрел на Бухвостова и – твёрдо: – Нам надо – брать город!

3

Комендант города майор Иоганн Пфеффер проснулся по обыкновению рано. В жарко натопленной спальне (дров не жалели) было душно. Утерши полотенцем лицо, майор натянул галифе, переместился к столу с разложенной там немецкою прессой. Развернув газету, погрузился в статью о крупных неудачах вермахта под Ростовом. Чертыхнувшись, отбросил газету, пошёл умываться.

Вышагивая по большому, крепко сложенному дому, он дивился неразумию богатых русских купцов, нагородивших анфилады небольших комнат с неисчислимым количеством лепных украшений, богатых люстр и пузатых печей... Азиатчина! Но жили степенные на широкую ногу. В местном музее майор приглядел для себя отличный фарфор, бронзу и гобелен. А печи... В холодной неприятной России печи незаменимы.

Смущали Пфеффера полки с большим количеством книг, в том числе добротные издания на немецком: тома Гёте, Шиллера, Гофмана... Не хотелось верить, что русские ханы могли это читать.

На кухне полненькая служанка Герда (фольксдойче) расторопно готовила завтрак: над шипящей раскалённым салом сковородой, будто священнодействуя, разбивала отборные крупные яйца. Майор постоял у окна, вдыхая запах свежесваренного кофе и сдобы, глядел на двор. Там пожилой ефрейтор Генрих неуклюже ловил курицу, предназначенную на обед господину коменданту.

Пглянув на часы, а затем на сковороду, майор командовал Герде:

– Снимай!

– Но, герр комендант, яичница не совсем готова, – виновато хлопая белёсыми ресницами, пропищала Герда.

– Снимай!.. – громко и грубо повторил комендант и пошёл одеваться.

Папаша Пфеффера – эльзасский немец,

владелец пивного завода – в Первую мировую дослужился до капитана. Во хмелю, блестя золотыми зубами (свои потерял на войне), он настойчиво втолковывал сыну:

– Иоганн! Ты станешь свидетелем истинного величия Германии. Германский дух жив, он вновь торжествует! Не мне, но тебе под знаменем фюрера выпало покорять вселенную. Сделай так, чтобы наш род, род Пфефферов, шагнул на ещё одну, высокую ступень. – И, уверенно заблестев выкаченными глазами: – Возможно, мой мальчик, я увижу тебя полковником, а не то – генералом?

В прошлой войне папаша служил под началом Федора фон Бока, ставшего при Гитлере генерал-фельдмаршалом. Фон Бок знал Иоганна с мальчишества и относился к нему благосклонно, считая образцовым офицером и подлинным наци, а предупредительный щеголеватый молодчик почитал фон Бока выдающимся полководцем, вторым после фюрера стратегом великой Германии. В сражении под Можайском Иоганн получил ранение и Железный крест. (Хотя его батальон серьёзного успеха в боях не имел, понёс большие потери в схватках с советскими курсантами.) После госпиталя майор Пфеффер был назначен комендантом гарнизона русского города с перспективой скорого производства в подполковники и назначения командиром полка. Пфеффер знал: война несёт ему счастье. Стальные клинья вермахта сделают то, чего не смогли свершить вестфолдинги, крестносцы и воинство кайзера. Восточную кампанию тридцатилетний майор рассчитывал закончить полковником.

Иоганну казалось: капризная фортуна ему благоволит и вот-вот повернется лицом...

Жаль только, что он – Иоганн, а не Зигфрид, не Адольф!

Наводит Ordnung (арийский «порядок») в дрянном русском городишке майор принялся с энергией Фридриха Барбароссы, поспешавшего на пир победителей в Палестину. Добившись порядка среди подчинённых ему немцев, Пфеффер задумался, как принудить к повиновению русских? Эти упрямы, некогда про-

гнавшие своих господ за моря, смотрели на новых хозяев по-волчьи и явной покорности не изъявляли. Действительно, коменданту благодушествовать не приходилось. Советское подполье в городе? Партизаны в лесу? Карать со всей беспощадной энергией!

Показательные казни «диверсантов» и ослушников устраивались регулярно. Цель – запугать население, сломить волю к сопротивлению. Педантичный майор присутствовал на казнях и экзекуциях, давая понять, что власть беспощадных арийцев здесь – навсегда.

Сегодня очередное умерщвление непокорных, и на него Пфеффер явился как на парад. В новой шинели с меховым воротником, фуражке с высокой тульей и тёплыми наушниками он смахивал на хищного грифа, особенно глазами с их холодным нордическим блеском. Майор чуть прихрамывал для блезиру (ранение в ногу было легким, кость не задета). Высокий рост, горделивая осанка, волевое лицо – словом, Йоганн считал себя видным мужчиной.

По дороге в комендатуру (двести шагов) он предавался размышлениям о грядущих заманчивых перспективах. Что занимало майора при виде площади с местом казней? Отнюдь не несчастные висельники. Согнанные сюда жители – это другой коленкор! Следовало понять, что у этих недолюдей на уме? Что движет ими? Что ещё опасное замышляют?

Поначалу захваченные у русских пространства радовали глаз алчного «сверхчеловека». Но лишь только наступила зима, этот простор предстал пугающе-враждебным, мертвяще-холодным, а силы Советов неисчислимыми. Как устоять среди пустынных лесов и диких степей европейцу, почитающему довольство, комфорт? Стоя на высоком крыльце комендатуры, майор размышлял: исполнившись упрямой ненависти, здесь против немцев воюют не только мужчины, но и женщины, девушки, даже дети... Как это возможно? «Они не знают, – внутренне злорадствовал Пфеффер, – что будет, когда мы совершенно лишим их продовольствия и жилья. Кто не сдохнет, кого не убьём, пусть убираются за Урал – там их при-

кончат хищные обезьяны – японцы».

Наконец, по сценарию жуткой пьесы на авансцену вывели главных героев. Их было трое: ширококостый пятидесятишестилетний старик, девушка семнадцати лет и низкорослый пятнадцатилетний мальчишка-связной. Они, невзирая на облавы и слежки, вели агентурную работу, ухитрялись поддерживать связь с партизанами, сообщать о движении войск через город, а также вывешивать листовки со сводками Информбюро. Выдал их провокатор-предатель. Несмотря на утренний мороз и порывистый ветер, все трое без верхней одежды, босые. [Это – в назидание прочим безумным упрямам. Пусть видят, что ждёт того, кто шпионит в тылу армии фюрера].

При виде этого пленённого ими «войска» немцы радостно ухмылялись, безусловно веря своей пропаганде, что Сталин уже лишился зрелых здоровых солдат, поэтому стариков и молодяков на войну посылает. Если майор представлял здесь себя римским патрицием перед толпой варваров, то рядовые немцы, построенные в шеренгу, тоже чувствовали себя хозяевами на захваченных землях. Любый верный Soldat фюрера мог взять у русского что угодно, а в случае недовольства последнего – прикончить русскую свинью, не опасаясь последствий. Все знали: расправы над унтерменшами не наказываются, но всячески поощряются. Жизненное пространство необходимо очистить, численность недолюдей сократить... Белобровый долговязый ефрейтор Хорст, попав на войну, увлёкся эпистолярными упражнениями. Супруга его, пышнотелая рыжая Марта, писала на фронт часто, пространно. О русских, пригнанных на работы в Германию, общала следующее: «Дорогой муж, у нас теперь не проходит дня, чтобы не приезжал состав с русской сволочью... Когда я вижу этих людей, то буквально трясусь от ярости...»; «...У нас пятнадцать человек взяли на завод. Папа не очень доволен, потому что мы получаем сорок русских, они такие тощие. Ну, ничего, им это не вредно...»; «У нас в среду опять похоронили двух русских. Их на кладбище лежит уже пятеро, и двое – кандидаты туда же.

Да и на что им жить, этим скотам!..» Солдаты вермахта Хорст, Франц, Клаус и прочие арийцы с нетерпением ожидали победоносного окончания Восточной компании, чтобы из бюргеров преобразиться в рабовладельцев. Неразумное воинство нацистских насильников, грабителей и убийц не сознавало, что им объявлена народная война, – она уже идёт, и завтра придется бояться каждого леса, каждого дерева и куста. Мерным тяжёлым шагом на гитлеровцев надвигалось возмездие; им же блазились восхитительные звуки победных фанфар...

На лице старика каменное безразличие; девушка бодрится, пытается изобразить улыбку на в кровь разбитых губах; мальчишка затравленно озирается, глядит расширенными от страха глазами. Девушку избивали жестоко: пинали пудовыми сапожищами, секли ремёнными металлическими пряжками с надписью «Gott mit uns!» («С нами Бог!»). Старика жгли колёным железом, мальчишку подвешивали вниз головой... Вид истерзанных русских людей веселил сердца немцев. Отпуская сольные шуточки, они фотографировали связанных комсомольцев и старика; угрюмый очкастый обер-ефрейтор сосредоточенно делал карандашные зарисовки места казни в блокноте.

Толпа безмолвствовала, будто у каждого в глотке на месте языка отлита свинцовая пуля. Лишь где-то в толще людского скопища тихо причитала старуха. Женщины с ужасом смотрели на виселицу, мужчины угрюмо устали глаза в землю.

Допросы подпольщики выдерживали по-разному. Миловидная хрупкая девушка неплохо знала немецкий. Она хорохорилась, даже смела противоречить, заявив, что немцам не видать Москвы как ушей. Мальчишка до конца отрицался, однако признал, что состоял в комсомоле. Старик прикинулся малограмотным простаком: «За что это нас, вашбродь? Это мы-то шпиёны – старый да малый? Разве ж в Красной Армии перевелись бойцы – с колбасниками воевать?.. Уж больно мудрёно вы спрашиваете – хоть убей, ничего не

знаю!» Этот новоявленный Сусанин – немцы знали доподлинно – в империалистическую был унгер-офицером, имел два солдатских Георгия. При Советах работал в заготконтроле. В партию большевиков вступил в начале войны... Кем сказано: «Война – удел молодых?» Когда взяли девушку и мальчишку, старик пытался их выгораживать: «Я разведку вёл, я. Смена и спрос! Ребята, они ни при чём. Чего с них взять?» Хотя из подпольщиков ничего ценного выбить не удалось, зато провокатор вызнал, кто командир партизан: это лейтенант госбезопасности Шатунов.

– Вооружённую банду мы разобьём, Шатунова поймаете, – надменно провозгласил Пфеффер. – А вы будете повешены!

Услышав это, старый солдат преобразился. Маска лукавого простодушия вмиг слетела с лица, будто её не бывало.

– Шатунова разбить? Кишка тонка! – Сжал большие жилистые кулаки, глянул на немца остро, цепко, как перед ударом штыком. – И вообще, Катерина давеча верно сказала: не видать вам Москвы, как ушей.

Майору почудилось: этот русский сидит не перед его столом, а в окопе, – вот-вот выскочит из траншеи, кинется в штыковую...

Места пыток и казней Иоганн посещал, потому что хотел посмотреть, как эти упрямые русские примут смерть. Смерть они принимали достойно. Под виселицей старик успел сказать зычно:

– Русские люди, верьте: победа будет наша! Не покоряйтесь, бейте проклятых фашистов!

Из увиденного потомок безжалостных крепостников сделал свой вывод: природное упрямство русских варваров следует ломать несокрушимой тевтонской силой. А на чём основана тевтонская сила? На расчётливой и беспощадно-холодной жестокости!

У германца нет сердца и нервов, на войне они не нужны.

4

Подразделения отряда Шатунова вошли в город под утро, с трёх сторон. Передовые группы партизан в масках ещё затемно

по-тихому сняли немецкие посты на окраинах, и к рассвету немцев накрепко обложили в местах дислокации их частей, зданиях комендатуры, полиции. Многого удалось достичь внезапным броском, без стрельбы. Оккупанты явно расслабились, полагая, что Красная Армия далеко, за сто с лишним вёрст, а партизаны могут лишь прятаться по лесам и в город не сунутся. По тревоге подняли только комендантскую часть; остальные, продрыв глаза, повыскакивали на улицу кто в чем был. Началось беспощадное истребление мечущихся в панике гитлеровцев – штыками, прикладами и ножами, дабы сберечь патроны. Сызмальства зная все проулки, сады, огороды, палисадники, пустыри, партизаны настигали бегущих, никому не давая удрать.

Операция по взятию города была чётко спланирована. Партизанский отряд Мироненко (двести штыков), который действовал в Морозовском районе, занял позиции близ западной окраины города, прикрыв правый фланг Шатунова. Командиры подразделений как «Отче наш» знали свои задачи, их действия были смелы, решительны. Организованное сопротивление оказало комендантское подразделение. Немцы засели в каменном здании Дома колхозника, напротив комендатуры. Простреливая площадь из пулеметов, они надеялись продержаться до подхода подмоги. Шатунов приказал выкатить против них трофейную пушку. Из орудия и ДШК открыли ураганный огонь по входу и оконным проёмам. Дом загорелся. Бойцы ворвались внутрь, начался ближний бой – и немцы подались от яростного напора. В плен сдались полтора десятка солдат и два офицера.

Тем временем на задворках комендатуры Бухвостов приметил высокого офицера в щегольской шинели. «Э, да это жирный гусь», – подумал Матрос. Отстреливаясь из пистолета, враг юрко вильнул в проулок, – Бухвостов за ним. Немец шмальнул два раза – Матрос увернулся, укрылся за стволами деревьев. Поняв, что расстрелял всю обойму, немец сильно прибавил ходу. Убежать от Бухвостова? Быстрые ноги Матроса стали железными с той

поры, когда он взбирался по скобам трапа фок-мачты на мост. Броском наперерез он догнал немца, пырнул штыком в ляжку. Майор согнулся от боли и сел на пятки. Бухвостов отнял у него оружие, а подоспевшим бойцам приказал:

– Гуся доставить к Шатунову немедленно! – Весёлые, бесстрашные глаза его улыбались. И, прищёлкнув языком, довесил: – Хорош гусь. Его и ощиплю!

Несостоявшегося подполковника под микитки приволокли к бывшей комендатуре. Над крыльцом красивого белокаменного здания уже плескалось красное полотнище с золотистыми молотом и серпом.

Майору наложили повязку и ввели в парадный кабинет на втором этаже. Здесь душегуб предстал перед лейтенантом госбезопасности Шатуновым, которого он намерен похвалиться разгромить и пленить.

Завидя лейтенанта, его острые как лезвия финки глаза, Пфеффер понял: живым из скифских лап не уйти. Что говорить! Ни он, ни кто-либо ещё не ожидали такого размаха, такой дерзости партизан.

Допрос Пфеффера был коротким. Майор высокомерно заявил, что не намерен отвечать на вопросы, потому как это противно его воинскому долгу. Шатунов – в полной форме, с медалью на могучей груди – холодно усмехнулся. Сказал: а вопросов нет, всё предельно ясно – город взят, гарнизон уничтожен, трофеев большие, – стало быть, «дело в шляпе». Проглотив унижение, майор сдавленно заинтересовался, что будет с ним и другими немецкими пленными.

– Вы будете повешены! – не меняясь в лице, произнес лейтенант, и переводчик передал его слова без заминки.

Пфеффер залопотал, что это против всяких военных правил. С пленными так не поступают! Разве мы, европейцы, можем угодиться варварам-азиаткам?

Выслушав перевод, лейтенант твёрдым пальцем указал на окно, из которого виднелась городская площадь, а на площади – виселица с повешенными подпольщиками.

– Ты их повесил. Теперь сам повиси!

Пфеффера вывели на высокое крыльцо, с которого он ещё вчера обозревал перипетии казни и экзекуций. Здесь от него потребовали: снять сапоги! Майор заартачился, не веря ушам. Тут на крыльце появился Бухвостов: в сбитой к затылку шапке, простреленной, нараспашку, шинели, из-под которой виднелась морская тельняшка. Броским шагом приблизился к немцу, со злой весёлостью проговорил:

– Битте-дритте, герр комендант. Отмаёрили, откросовались. Пожалте-ка на распыл!

С майора скинули его форсистые сапоги. Без сапог и шинели, с узкой спиной и сутулою длинною шеей он враз утратил облик сверхчеловека, грозного ярла нордической расы. У Пфеффера глаза налились кровью, он ударился в истерику: проклятые жидо-большевики, они не воюют по-рыцарски, как тевтонцы, а – кусают, как сонмище ос! Луковые скифы не желают воевать, как это принято у цивилизованных европейских народов. Они действуют хитро, исподтишка!

Пфеффера, как он был – в носках, без шинели – провели к виселице мимо загубленных им подпольщиков: они лежали поодаль, на конном возу, накрытые отрезом алого, как кровь, кумача.

На площадь валом валили люди. Всем хотелось убедиться, что власть в их городе переменилась. Действительно, полотнище фашистского флага валялось в дорожной грязи, а на улицах хозяйничали свои, родненькие, с красными звездами на фуражках и шапках. А их командир – это же новый Денис Давыдов, лопни глаза! «Арийцев» бьёт в хвост и в гриву. С горстью людей города берёт!

Пленных немцев, среди которых был и любящий муж оборотистой фрау ефрейтор Хорст (ему прикладом свернули скулу), тоже пригнали на площадь – поглядеть, как будут карать их горделивого коменданта. Выглядели они помятыми и подавленными, не лучше, чем драные, поротые крепостные. Думали: здесь, в тылу, они хозяева положения, могут творить, что угодно. Ах нет! Хозяева не они. Хозяин

пришёл из русского леса.

Вот те и «непобедимый вермахт», вот те и «тысячелетний новый порядок»!

Взгромоздась на табуретку под виселицей, майор окинул взглядом толпу. Ещё вчера он, предводитель когорты «сверхчеловеков» с холодным презрением взирал на этот человеческий мусор. А сегодня выкорымиши проклятых политкомиссаров к праотцам отправляют его, потомка великого Зигфрида! Пфеффер увидел: здесь, перед ним те же люди, которых давеча по его приказу согнали на казнь. Теперь никто из них не глядел в землю, не прятал глаза. Беспощадная решимость – вот что читалось в глазах русских варваров.

Покарать кроважадного коменданта вызвался младший брат старика-подпольщика, немногословный, с внимательными серыми глазами мужчина. Он человек бывалый, воевавший за царя Николашку, потом за белых, за красных, в жизни выдавший многое, а жилистые натруженные руки его умели – всё.

Площадь глазом моргнуть не успела, как он порешил супостата.

– Вишь, будто скота забил, – негромко заметил кто-то в толпе. – Даже бровь не дрогнула, го-то!

– Гитлеру то же будет! – подхватил молодой звонкий голос.

... Забрав богатые трофеи (продовольствие, обмундирование и, главное, оружие, боеприпасы), партизаны начали покидать город на следующий день. Зная кроважадную мстительность немцев, с ними ушли многие жители. За их спиной горели немецкие склады, пылали цистерны с горючим.

Войдя в город, немцы увидели сотни трупов своих единоземцев и их пособников-полицаяев. А на площади, как символ неслыханного позора и поругания, высилась виселица, на которой болтался комендант Пфеффер, без сапог и в носках, но с Железным крестом, при жирных витых майорских погонах.

И провисел он так не меньше полутора суток.

5

Громкая блестящая операция по овладе-

нию городом силами партизан наделала шороху в немецких штабах. Чудовищное потрясение испытали немцы как в «верхах», так и на низовом уровне. Было понятно, что повешение коменданта – это сигнал русских: майор Пфедферт только начало, а будет ещё продолжение. Палачам и насильникам не уйти от расплаты!

Взбешенный фельдмаршал фон Бок неистово, в клочки развалиноватых, требовал уничтожить «лесную занозу» – ненавистного чекиста Шатунова сего отрядом. На партизан бросили крупные силы, включая авиацию.

И на сей раз лейтенант обманул немецких стратегов, вывел отряд из приготовленного арийскими воителями «мешка». Народные мстители пробились в лесной массив подальше от прежней базы и там принялись беспощадно лупить завоевателей и покорителей цивилизованных народов Европы. Красная Армия, громя фашистские полчища, решительно наступала, и это придавало силы советским бойцам.

В середине декабря лейтенант Шатунов с небольшой группой бойцов возвращался в партизанский лагерь с разведки. По дороге нарвались на засаду. Прикрывая отход раненых товарищей, лейтенант получил тяжёлое ранение и контузию и был захвачен врагами. Здесь же, в лесу, его принялись зверски пытать, а после насмерть забили прикладами. Со слов местных жителей партизанам удалось найти тело своего доблестного командира. Похоронили лейтенанта Шатунова с воинскими почестями.

Командование отрядом принял Бухвостов. Матрос-балтиец не подкачал. Его бойцы били противника так, будто лейтенант Шатунов жив и остаётся грозой фрицев и их подлых прихвостней. В 1942 году отряд вырос до партизанской бригады, а в 1943-ем бесстрашный комбриг Бухвостов стал Героем Советского Союза.

После войны, на встречах с молодежью Семён Михайлович говорил:

– Мы что? Простые солдаты! Это Шатунов – из героев герой, отчаянная головушка. В ноябре сорок первого под его началом взяли мы

город, гарнизон перебили, немецкого коменданта повесили. Что произошло? Переворот в головах! Фрицы-то думали: казнить будут нашего брата они, и так будет всегда. А тут – нате вам, ешьте! Про бойцов наших и говорить нечего: их вера в победу возросла многократно. Народ наш двужильный: всё вытянет, совладеет, лишь бы командиры были что надо. И вы, ребята, что б ни случилось, помните подвиг отцов, сохраняйте нашу веру в сердцах до конца!

2024

ПОСЛЕ ШТУРМА

1

И Дунай не потёк вспять, и небо не упало на землю, как предсказывал велеречивый турецкий паша Айдос, а неприступный Измаил русские взяли.

«Гордый Измаил пал к стопам Вашего Императорского Величества», – донёс государыне императрице Суворов. Не помогли ни глубокие рвы, ни трёхсаженные валы, ни численное превосходство османов. Решительный девятичасовой штурм мощной крепости увенчался полной победой. Из тридцатипятитысячного турецкого гарнизона двадцать шесть тысяч погибли, девять тысяч попали в плен. Спасся единственный турецкий солдат. Он переплыл Дунай на бревне, чтоб донести великому султану гипнотически-горькую весть...

Ужас обуял правоверных. Торжествующие гауры взяли таки оплот крепко выстроенной обороны, состоявшей из цепи крепостей, уничтожили целую армию, да не в поле, а за стенами и валами, и теперь могли поразить Османскую империю в самое сердце. А грозный Ушак-паша, неизменно громявший оттоманов на море, грозил прорывом русского флота через Босфор, чтобы там ухватить султана Селима за бороду... Беда и позор!

Действительно, после сокрушительных поражений османов на суше «крепость без слабых мест» на полноводном Дунае оставалась символом их могущества. Измаильские укрепления возводили французские инженеры. Они

уверяли: эта твердыня русским не по зубам! Решиться на штурм Измаила может только безумец, а ежели русские поведут осаду, так то не беда. В крепости всего много – пороху, продовольствия, фуража... стены и валы неприступны... Вот и верь французским собакам!

Покорителям Измаила достались большие трофеи: двести шестьдесят пять орудий, три тысячи пудов пороху, двадцать тысяч ядер, четыреста знамен, множество другой богатой добычи, всего на сумму больше миллиона рублей. По обычаю того времени город был предоставлен во власть солдат. Взяв крепость на штык, солдаты русские хозяйничали в ней три дня. Выбивая турок и татар из богатых каменных палат и духанов, они брали всё, что плохо лежит. После боя ободрали убитых турок, собрав кошельки с деньгами, оружие с драгоценной отделкой. Ценное имущество жителей, их золото и серебро, много прекрасных турчанок досталось в руки служивых. У солдат своя правда. Они говорили: «Бери, не робей, чаво там! Басурман эвон сколь у нашего брата награбил! А сколь православных в плен забрал, чтобы мучить? Бери!.. Чаво их жалеть, нехристей?» Никто не думал жалеть азиатов, гордо отвергнувших ультиматум русских о сдаче. Сам Суворов не раз повторял: «Здесь не Польша», – разумея, что милосердие победителей мусульмане воспринимают как слабость. Вместе с тем Суворов принял меры, дабы обеспечить порядок. Комендант крепости генерал Кутузов в важнейших местах расставил караулы; внутри города открылся огромный госпиталь; тела двух тысяч убитых русских погребались за городом по церковному обряду, турецкие трупы сбрасывались в Дунай. Проживавшие в городе четыре тысячи христиан и полторы сотни евреев прибегли к покровительству Суворова; их не обижали.

Уже вскоре захваченное добро поменяли на деньги: в солдатском ранце много не унёсёшь, зато офицеры множество ценных вещей и вещей пристроили в обоз. На русской победе неплохо погрели руки маркитанты, менялы, что жадною стаей следовали за войском.

Едва остыла пролитая кровь, как торговцы заполонили майдан: установили палатки, выкатили бочки с вином.

Захватили десять тысяч лошадей, служивших дотеле туркам и воинству хана Каплан-Гирея. Каплан-Гирей попытался выбить «неверных» из крепости и во главе лучших воинов бросился навстречу стальной щетине русских штыков. В отчаянном бою пало четыре тысячи крымчаков и турок и сам хан вкупе с пятью сыновьями. А добрые кони достались служивым. Владение хорошим конём повышало статус владельца. Пехотные офицеры, прихватив породистых лошадей, с неохотой уступали их кавалерии.

Из любви к предводителю служивые решили сделать ему подарок. Убранного богато червонно-золотого коня после вахт-парада подвели к Суворову. Полюбовавшись конём, седовласый сухощавый полководец сказал:

– Хорош конь! Только принять ваш подарок, братцы, я не могу. Мы, русские, воюем не за добычу. Донской конь принёс меня сюда, донской конь и унесёт отсюда!

Суворов презирал роскошь и не терпел лести. Глубоко веруя, он ни одного дела не начинал без молитвы. Солдаты уважительно отзывались: «Наш Суворов с нами в победах и везде в паю, только не в добыче, она вся наша. Он не спит, когда мы спим; не ест, когда нас угощает, и ещё в жизни своей ни одного дела не проспал».

Зачто служивые любили Суворова? Во всех чинах он оставался Солдатом – верным слугой Отечества, неподкупным защитником солдатской правды пред лицом царей и временщиков. С юности сполна хлебнувший солдатчины, полководец по-отечески заботился о солдате, берёг его. «Мне солдат дороже себя!» – сказано им не для красного словца. Служить под началом Суворова была весьма нелегко. Дабы захватить врасплох, ошеломить неприятеля, «генерал Вперёд» предпринимал стремительные марш-броски, нередко в распутицу, а то и при сильной жаре. Нормой для движения пехоты было двадцать верст в день. В 1789 году, идя на помощь союзной австрийс-

кой армии, корпус Суворова по размытой дождями дороге прошел восемьдесят пять верст за двое суток. Каково выдержать это служивому, когда ружье со штыком весило больше тринадцати фунтов, а ранец раза в два тяжелее? Но русский боец – двурукий. Вера в Бога и обожяемого вождя умножала силы чудо-богатырей. Русские обладали отличною выучкой, прошли боевую школу в ряде победоносных кампаний. Имея прекрасно подготовленные войско, талантливых и бесстрашных соратников, Суворов не имел нужды на поле брани прибегать к сверхсложным, запутанным маневрам – его полки выполняли боевую задачу меньшими силами, стремительным натиском сметая любого противника.

На шестой день силами пленных очистили места брани от трупов, установили в крепости надлежащий порядок. Служивые Фанагорийского полку сидели на берегу голубого Дуная, жгли костёр, толковали о славной битве.

– Как там, Ваня, Зухра-то твоё? Не ругается, не ревет?

– А чего реветь? – вскинулся молодой русокудрый гренадер Ваня Гуськов. – Разве ей худо? Наш батальонный наместник сказал: ты, Иван, турчаночку осчастливил!

– Ага, осчастливил! – раскатило засмеялся Степан Осипов, богатырского сложения гренадер. – От такого сокола какая откажется. Шутка ли, час, другой с ней не слезал. А как слез, водицы испил – и опять, и по-новой! – Помотал круглыми выбритыми щеками. – Ух, и здоров ты, Ваня!..

– Это ничего, – поддержал разговор старый капрал Карпушкин. – Бог даст, к будущей осени родит турчанка чадюшку – синеглазого, с русской головкой... а то и двойню... будет нехристам память, как русский гренадер Гуськов Измаил-крепость брал!

– Чаво хорошего? – нахмурил густые брови Осипов. – Магометане будут дитё растить, в нашу веру, чать, не окрестят!

– Это верно, – Карпушкин крепко поскрёб затылок. – Эх, забрать бы Зухру в Россию да окрестить... Что, Иван, носом крутишь? Возьмешь турчанку с собой?

– Ты, дядя Карпушкин, даёшь, – с холодком отозвался Осипов. – Нешто можно солдату по военным дорогам девку таскать? Иван человек присяжный, ему служить ещё двадцать лет. Зухра дочка бея турецкого, а Иван?... Коль замирился с туркой, он с ней куды? В казарму?

– Ладно тебе, – ухмыльнулся капрал. – Это я так, шутейно.

Лёгкий ветер чуть морщил поверхность реки, гнал мутно-жёлтую волну в сторону Чёрного моря. На воде, качая мачтами, сгрудились захваченные турецкие суда и суда русской флотилии. На другом берегу в хмурой вечерней дымке открывалась необъятная для глаза долина – земли единоверцев румын, ещё дальше болгар, сербов и греков, что четыре столетия изнывали под пятою османов.

Выше было спокойное небо, на котором вот-вот зажгутся вечные звёзды. Жгли ветви прибрежных кустарников, отчего костёр сильно дымил; как подбросили щепок от разбитого зарядного ящика – дело пошло.

– Ты что, Зухру силой взял? – протерев слезящийся глаз, спросил Осипов Ивана. – С кинжалом на тебя не кидалась?

– Как поволокли казаки турчанок за косы, – польщённый общим вниманием, с важностью заговорил Иван, – кто в подклеть, кто в сарай, – Зухра, слышь, прижалась ко мне, дрожит вся: боится... Высокая, ладная, глаза чёрные. Попочет чего-то – спаси, мол. Что тут делать? Взял некрещёную под защиту. А казаки шуруют – пыль столбом! На одну дебелую из гарема урядник глаз положил, за шиворот её – хват! Она кричит: я своя, православная, из Изюма! Меня гололобые в полон увели! Ну, эту не тронули. Вечером отвел я Зухру на крутой бережок в шалаш – и помял.

– За любовь ей гривенник подарил? – разглаживая прокуренные усы, весело спросил Карпушкин.

– Ага, – кивнул кудрявой головой гренадер. – На память ей, для мониста.

– Разве турчанки носят мониста? – усомнился Осипов. – Это, никак, цыганская али татарская сбруя?

– Что ж теперь будет, дядя Карпушкин? – поинтересовался Иван. – Крепость мы взяли, турок побили. Когда ж замирение выйдет?

Капрал поправил гренадерскую каску, не спеша затыкнул из трубки.

– Должно скоро, Ваня. – И, закутавшись дымом: – Батюшка Александр Васильевич в крепости громадную силу побил. На воде адмирал Ушаков корабли турецкие жжёт – аж головешки к небу летят. Султану куды деваться? – Подобрел лицом: – Стало, замирения теперь ждать недолго.

– А по мне так ещё хоть пять лет воевать, – почесавшись, пробасил ражий Осипов. – Ничаво, можно! Тута теплей, зимы такой нет, как у нас. Тута тебе – вино, шашлык, виноград... турчанки опять же... А дома што? Щи да каша. Опять в казарму?..

– Эх, дура. – Карпушкин с сожалением покачал головой, – нешто пристало эдак на Отечество косоротиться? Наша матушка-Россия всему свету голова! Вон баба с Изюма, ита родовалась, что мы сюды выручать православных пришли...

– Верно, дядя Карпушкин, – потягиваясь, как кот после сна, подхватил Иван, – своя сторона сердцу ближе. А что зимы у нас студёные, так на то мы Россия, а не Туретчина, язви её... Рождество, масленица... Эх, сейчас бы блинцов с маслом топлёным, да к девкам ядрёным – плясать в хоровод!

– А казаки туркинь своих на Дон повезут, – с ноткой обиды проговорил Осипов. – Окрестят, жёнами сделают. Баба – она везде баба, хошь в Туретчине, хошь в Рязани.

– Хорунжий давеча сказывал, – весело поведал Иван, – в станицах теперь много баб – из татар, из ногайцев взяты... Ништо, привадились, прижились.

– М-да, казакам можно, – угрюмо свёл седые брови капрал. – Казаки – они вольные. Казак – орёл, мы – инфантерия.

Служивые помолчали, вспоминая далекую Родину. Выходцы из русской деревни, смолоду оторванные от семей, они всецело жили воинской жизнью – тяжёлой, жестокой и грубой, – ни на миг не забывая, что они – русские,

православные.

– Вишь, Иван о девках ядрёных запел, – ухмыляясь широким, в шрамах лицом, пробасил Осипов. – Про Зухру боле не поминает!

2

Не в пример потрясенному Стамбулу, имперский Санкт-Петербург при известии о покорении Измаила пребывал в радостном возбуждении. Три года изнурительной войны с Турцией и Швецией увенчались ещё одной великой победой. Измаильский штурм явился высшей точкой всей войны. Огромная Османская империя имела многочисленную армию, большие ресурсы, отважных военачальников, но над русскими нигде не могла добиться успеха. Английские и прусские дипломаты, обещавшие туркам поддержку, были в растерянности. Все ожидали достижения близкого мира.

В рапорте Суворова князю Потёмкину говорится: «Нет крепчей крепости, ни отчаяннее обороны, как Измаил, падший пред Высочайшим тронем Ея Императорского Величества кровопролитным штурмом!» Шестидесятилетний генерал-аншеф понимал, что нанёс османам жестокий, смертельный удар: в этой войне Порте уже не подняться, оставалось только доигрывать партию, уже потерянную в чистую.

Главнокомандующий князь Потёмкин вожделем лавровый венец победителя, ведь он положил столько сил для изгнания турок и закрепления России в Крыму и Северном Причерноморье. Чего стоило строительство городов и создание черноморской эскадры в безлесных степных местах, куда каждая лесина доставлялась за сотни вёрст! А что же Суворов? Испытанный во многих сражениях воин полагал, что покорением Измаила он заслужил фельдмаршальский жезл. Недаром же светлейший писал императрице: «... Не могу я достойной прописать похвалы искусству, неустрашимости и добрым распоряжениям главного в сем деле вождя графа Александра Васильевича Суворова Римникского. Его неустрашимость, бдение и прозорливость всюду содействовали сражающимся, всюду ободря-

ли изнемогающих и, направляя удары, обрашавшие вотще неприятельскую оборону, совершили славную сию победу».

Как сбылись мечты сих достойных мужей?

Далёкие от жизни дворян солдаты любили на свой лад пересказывать деяния высших начальников.

– Как взяли мы на штык Измаил, Александр Васильич к князю Потёмкину с рапортом поехал. Потёмкин в Яссах, в штабе сидит. В прихожей у него генерал-адъютанты, министры заморские, мамзели разные – гудят как осы, милостей ждут. Князь глядеть на них не желает, сам – туча тучей. Надо, вишь, с почестями покорителя Измаила встречаты! Не привык Потёмкин к такому. Невместно ему, понимаешь, других-то хвалить! Медные трубы – это, брат, ого-го!

Потёмкина Суворов уважил, как-никак, князь царицей-матушкой над войском поставлен. Но после Измаила Суворов с Потёмкиным, конечно, сравнялись. Теперь самое время присвоить фельдмаршальский чин: ведь Суворов едва не полвека на царевой-то службе! Неужто не выслужил?

Явился Суворов к князю утром, как снег на голову. Потёмкин не успел очи продрать – он уж тут... Докладывает: ваша светлость, крепость турецкая теперь наша! Не помогли басурманам ни пушки, ни стены, ни рвы – всё русский солдат одолел. Словом, победа, слава, слава! Потёмкин – в ночном халате, со сна – на Суворова глядит мутно, зубы стиснул. Говорит: чем я, граф, могу наградить тебя за твой подвиг? Суворов ему: я, сударь, не купец, не торговаться приехал. Наградить меня могут только Бог да великая государыня!

С тем и распрощались. Суворов в Питер поехал, Потёмкин в Яссах остался. Каково Потёмкину такое выслушивать? Не утерпел, войско бросил, самолично в столицу явился. Пред царицею пал на колени, как соловей запел: матушка-государыня, победу великую одержала армия наша! Взят Измаил могучий! Она ему: знаю про подвиг твой, князь. Много сил положил ты для одоления супостата. Ну, да по заслугам и награда. Вот тебе мундир с

алмазами в двести тыщ – носи, красуйся! А Суворову вместо награды дескрип царский: поезжай, генерал, к чухонцам, в Финляндию – крепости строй! Неча здесь, во дворце, глаза нам мозолить.

В этом анекдоте верно лишь то, что Суворов обошли фельдмаршальским чином и мундир, алмазными камнями шитый князь Таврический получил. А «конфликт» Суворова и Потёмкина в Яссах выдуман неприятелями и завистниками любимца Екатерины. В самом деле, Суворов Потёмкина глубоко уважал как государственного и военного деятеля: «Он честный человек, он добрый человек, он великий человек! Счастье моё за него умереть!», хотя бывало, обманутый придворными шаркунами, полководец сыпал несправедливые упрёки в адрес князя Тавриды. Умер светлейший пятидесяти двух лет отроду от лихорадки, незадолго до заключения с Турцией победоносного мира.

Императрица Екатерина, ценя Суворова как военачальника, своим немецким умом долго не могла распознать его военного гения. Лишь в 1794-ом, после победы над мятежной Польшей и взятия Варшавы, она выдвинула Суворова на первые роли – произвела в фельдмаршалы, направила на юг империи готовить армию для новой войны с Турцией, дабы овладеть проливами и Царьградом. [Недаром внук Екатерины при крещении был наречён Константином.]

Грандиозный «греческий проект» не осуществился. В ноябре 1796-го от удара Екатерина II скорпостижно скончалась. Поклонник прусской военной школы император Павел Петрович, громя наследие немилой мамыши, упёк строптивого фельдмаршала в ссылку.

По воле и капризам царей медленно возвышался Суворов, а возвысясь, сказал:

– Долго гонялся я за славою. Всё – мечта!

3

Солдаты жили своей жизнью, офицеры – своей.

Петр Первый требовал от дворян в первую

голову служить Отечеству не за страх, а за совесть. При нём служба дворян стала государственной обязанностью и продолжалась пожизненно. В 1785 году, перед самой русско-турецкой войной, императрица Екатерина Вторая издала так называемую «Жалованную грамоту дворянству», где посчитала важнейшим утвердить, «чтоб благородного дворянства почтительное состояние сохранялось непоколебимо и нерушимо». Теперь дворяне могли вообще не служить. Погубность этого указа подметил Суворов. Полководец настаивал, что для победы над врагом нужны хорошо знающие свое дело, мужественные офицеры. Суворов резко критиковал привилегированную часть офицерского корпуса – слабо подготовленных «преторианцев»-гвардейцев и требовал, чтобы на время войны действие указа о вольности дворянства было приостановлено, так как в трудный для Отечества час должны служить все.

Многие старые служаки, хлебнувшие лиха в трудные времена, поглядывали на молодых офицеров-«красавцев» с тенью насмешки.

Секунд-майор Буганов и поручик Перхуров служили в одном полку почти с начала войны. Несмотря на различие в чинах, они были приятели: жили в имениях по соседству, только на разных берегах реки. Секунд-майору под пятьдесят, черноволосый с тёмными глазами поручик моложе вдвое. У Буганова восемьдесят душ крепостных, у Перхурова – триста. Бывалый вояка Буганов после штурма сказал:

– А вы, Дмитрий Петрович, не в пример сверстникам, в бою – орёл. Солдаты верят вам, любят за бесстрашие ваше. Это, батенька, ценить надо!

Действительно, казалось бы, неприметный с виду поручик скоро возмужал на войне. В бою он преображался – очи сверкали, голос гремел. Твёрдой поступью офицер шёл вперед, не кланяясь ядрам и пулям. В начале штурма, лишь только батальон Буганова преодолел полисад между берегом реки и турецким редутом, как был атакован отрядом бешеных янычар. С диким визгом они врубались в ряды

фанатриков, норовя сбросить их в воду. Все знали: в одиночной схватке янычарлих умел, а ятаган его – бритва. Передовой едва не саженого роста турок снёс голову замешкавшегося сержанта и, бешено скалясь, кинулся на Перхурова. Перхуров – мастер биться по-шведски: в правой руке шпaga, в левой – фузея с прижатым штыком. (Приём он перенял от отца, а отец – от деда, служившего при Петре Великом в Ингерманландском полку.) Отбив удар ятагана ружьем, поручик шпaгой проткнул бесноватого турка насквозь, пригвоздил к деревянному пушечному лафету. Вида это, гренaдеры с новой силой ударили в штыки, прорвались к воротам. Отворив их, могучим ударом смели басурманов с вершин измайльских валов.

Все штурмовые колонны, преодолев крепостные верхи, ворвались внутрь города. Закипел городской бой, в котором турки цеплялись за каждый дом и двор. Гарнизон и здесь продолжал отважно сражаться, но в действиях многих бойцов сквозила горестная обречённость. Одно дело постреливать в русских со стен и валов, другое – сойтись с ними лицом к лицу. Как удалось «неверным» на всех участках прорвать мощные укрепления Измаила? Это изумляло и обескураживало османов.

Ядрами полевых орудий русские разбивали ворота и кирпичные стены строений. В рукопашной вёрткой и быстрый поручик Перхуров сразил двух видных неприятельских командиров. Солдаты без устали разили штыками, беспощадно истребляя врага. Упорство турецких солдат было сломлено, они запросили «аман» (пощады).

... После многих суток без сна и отдыха офицеры обосновались, наконец, в домике турецкого торговца (солдат разместили в янычарских казармах). Отдохнув малое время, оба уселись на скамеечку перед воротами – покурить.

На крепких ногах Буганова мягкие турецкие чёботы с загнутыми носками: пуля сбила каблук сапога, денщику велено сапог починить. На крупном, будто вырубленном топором лице секунд-майора нет и тени заботы;

широколобий Перхуров с беспокойством мнёт подбородок, подумывая, как скорее покончить с колючей трёхдневной щетиной.

При виде форсистой обуви Буганова солдаты ухмылялись украдкой. Ещё вчера для блажи они примеривали красные турецкие фески, в расшитых жемчугами татарских чекменах влезали на захваченных лошадей. Трёхдневное их веселье – песни, пляски и молодечество – стало венцом тяжких трудов, тревог и потерь жестокой трёхлетней войны.

– Как полагаете, Дмитрий Петрович, – набивая трубочку табаком, спросил кражистый пышноусый секунд-майор, – не открылся ли графу Суворову после столь славной победы прямой путь – наверх?

– Наш Александр Васильевич, – широко улыбнулся поручик, – и так на самом вершине. Слава его велика. Кто теперь в целой Европе может сравниться с Суворовым? Никто!

– Что ж, – Буганов в знак согласия качнул лвиною головой, – пожалуй, вы правы! Но что теперь ждет Суворова? Есть, однако, ещё фигура – князь Потёмкин-Таврический. Светлейший, как известно, совместников не жалуется...

– Да разве Потёмкин и Суворов соперники?! – горячо воскликнул поручик. – Нет! Оба о пользе России радеют – чтобы слава Отечества нашего множилась сегодня и завтра. Эх, Андрей Спиридонович! Не век нам с турками воевать. В Европе достаточно супротивников. Помните моё слово: ждать нам оттуда вскорости нового супостата.

– И на оного найдется управа – Суворов! – с веселой решимостью ответил секунд-майор.

4

Спустя годы екатерининские ратоборцы встретились вновь. Осенью 1814 года участник семи славных кампаний генерал-лейтенант Перхуров вернулся из покоренного русскими войсками Парижа – с золотой шпагой, двумя Георгиевскими крестами и орденом, как пролитая кровь, Александровской орденой лентой. Отставной премьер-майор Буганов по-приятельски навестил доблестного военачальника в его родовом имении.

Фамильная усадьба Перхуровых – два дома: новый, высокий, с белоснежными ко-

лоннами и нарядным фронтоном, и старый, одноэтажный, построенный ещё при Великом Петре. Этот дом, сложенный на века, Перхуров любил. В нём жил дух его предков, доблестных воинов, участников славных дел. За усадьбой дремучий лесок с оврагом и луг, на котором Дмитрий Петрович в детские годы устраивал мальчишечьи баталии, благо сверстников в крестьянском селе набиралось немало.

Как-то раз, наигравшись вдоволь, ребята принялись собирать лесную малину в густом малильнике, росшем возле глубокого Волчьего оврага. Ягода местами ещё не доспела, но была хороша – ребята набили ею полные туески и корзины. Любознательный барчук Дмитрий забрался вглубь колючего малитника, к месту, на котором в прошлом году видели двух смешных медвежат. Острый слух мальчика уловил чьи-то негромкие грубые голоса. Подобравшись ближе, он увидел на дне оврага шалаш, у входа в который сидел буйно заросший волосом звероватый мужик в дражном армяке и жёлтой атласной рубашке. Он точил камнем топор, лениво, через зевоту, разговаривал с кем-то, кто лежал в шалаше. Из разговора мальчик понял, что здесь хоронятся злые разбойники, и они замышляют злодеяние. Дмитрий стремглав примчался домой, рассказал всё отцу. Отец и дед, зарядив пистолеты, в сопровождении егеря Михея на добрых конях поскакали к оврагу. Лесных жителей застали врасплох [об овраге судачила дурная молва, и лихие люди здесь ощущали себя в безопасности]. Предводитель кинулся было на старшего Перхурова с топором и получил пулю в ногу. Покоряясь силе, тати бросили топоры; их крепко связали и под стражей отправили в город. На другой день к Перхуровым пожаловал капитан-исправник – благодарить за «поимку каналий и сволочей-ск». Трое разбойников – сыновья и племянник богатого прасола – душегубствовали давненько. В соседнем уезде, на лесной дороге, они ограбили и убили ехавшего с ярмарки молодого купца с купчихой, а заодно и кучера, который их вёз. Словом, Дмитрий в одиннадцать лет проявил себя как заправский лазутчик.

Дворня суетилась в радостном возбуждении. Барин в именин бывал редко, годами про-

падал на войне. В селе уже выросли отроки и отроковицы, которые Дмитрия Петровича в глаза не видали. Всем хотелось знаменитому барину чем-нибудь угодить. Но генерал был неприхотливым. Велел протопить баню, а после бани подать ему квасу, солёных груздей и горячих, с огня кислых щей: пробавляясь на французских харчах, шибко скучал, сердешный, по русской еде.

– Наш Дмитрий Петрович по всем статьям генерал, – сидя на кухне, ликовал пожилой сторож Михеич. – Помню, шёл на войну в первый раз: сам ледащий, шпага, и та ему тяжело. Но взгляд орлиный: этот в бою не выдаст. Вот, любуйся, каких чинов, каких регалий достиг. Кого только ни бил: француза и ляха, и шведа, и турку... Другого такого поди, поищи! – И – со вздохом: – Жаль только, ботюшка сматушкой – царствие им небесное! – не увидат во всей славе сынка.

– Зато и постарел, отец наш, – скорбно сморщила губы дородная стряпуха Агафья, – и кудри, и бачки седина прихватила. Шутка ли, двадцать пять годов на службе царёвой!

– Ништо, – вскинув острый выбритый подбородок, бодро возразил инвалид. – Вот погоди, скоро оженю его. Дмитрий Петрович – кавалер ещё хоть куда!

– Господи! – Агафья бросила ухват, лицо расплылось в умильной улыбке. – Есть невестушка, есть! Евдокия Григорьевна, господина Буганова родная племянница. Уж такая пригожая, голубка ясноглазая, белокурая... – Притопнула ножкой: – Вот к кому сватов засылать! Плошадь неча!

Сорокашестилетний моложавый Перхуров считался завидным женихом. По округе вавсю катилась молва о помолвках местных барышень и вернувшихся с войны офицеров. В бывалых воинах видели новоявленных аргонавтов, одолевших бесчисленных заморских врагов и стяжавших великую славу. Родители невест пребывали в убеждении, что от героев отцов непременно родятся дети-герои.

Первым визит генералу нанёс Андрей Спиридонович. Соратники по турецкой войне радостно обнялись. Седой как лунь, но не хлипкий Буганов растрогался: дрожа отвислыми бритыми щеками, то и дело утирал мокрые от слёз глаза. В «грозу двенадцатого года» он,

несмотря на недуги, пошёл в ополчение. На подтрунивание соседей-помещиков мужественный старик отвечал: «Староват?! А как в мои годы Суворов сквозь Альпы прошёл, си-некафтанников сокрушил? Совладал не только с недругами, но и с силами жестокой природы? Он нам, судари мои, до гроба пример, да-с!» Сидели в кабинете, на стенах которого помещались боевые трофеи – пистолеты, кинжалы и сабли, богато отделанные и простые. (Отдельно висел ятаган янычара, сражённого шпагой на измаильском валу.) На небольшом изящном бюро ландкарты и схемы, замаленькой дверью – чулан с собранием редких книг. Книги предки Дмитрия Петровича и он сам добывали долгие годы. С книгами офицер Перхуров жил и в дни мира, и в военных походах: по примеру великого Суворова учился всю жизнь. Кроме того, он с успехом учил языки – французский, немецкий и польский. Буганов одет по-парадному: на нём добротный военный сюртук, новые сапоги; на Перхурове, что с юности не снимал военной одежды – суконная солдатская куртка. За чаем с ромом толковали о многом, вспоминали товарищей по оружию: тот сложил голову в Италии при Нови, другой при Бородине, этот ныне полковник в отставке, живёт на покое в имении.

– Что ж вы, Андрей Спиридонович, – уколострым взглядом, заметил Перхуров, – всё про офицеров расспрашиваете? О солдатах наших могу рассказать! Гренадера Осипова помните? Он под Кульмом батальонного командира от гибели спас, награждён. Ныне фельдфебель.

– А Ваня Гуськов, гренадер? – с волнением хрипло спросил Буганов. – Тот, что любился с турчанкой Зухрой?..

– Ваня ныне, – медленно, с торжественной ноткой проговорил генерал, – Иван Трифонович, офицер, кавалер. В кампанию двенадцатого года, на Березине, он вкупе с двумя офицерами генералов французских Портуно, Камю и Бланмона пленил, а заодно с командирами целая пехотная дивизия оружие положила. После взятия Парижа в штабс-капитаны произведён... Такая его, Ивана, планца!

В марте 1814-го, разбив французов при Фер-Шампенуазе, русские войска под предводительством генерала Баркляя-де-Толли

подошли к Парижу. От нечеловеческого напряжения почти трёхлетней войны все бесконечно устали. Но дух русских и французов был разный. Французы видели, что империи Наполеона Первого приходит конец, русские стремились скорее поставить победную точку. «Хранцуз в Москве бесчинствовал сорок дён, – говорили солдаты. – Город сжёг, храмы Христовы порушил, оклады с икон ободрал. Теперь поглядим, как он запоёт, когда наш брат Париж заберёт!»

Генерал Перхуров командовал дивизией в составе корпуса князя Горчакова. Андрей Иванович Горчаков был племянником Суворова, под началом дяди участвовал в Итальянском и Швейцарском походах. Тогда-то князь стал знакомцем Перхурова, в ту пору командира полка.

Высоты восточных предместий Парижа обороняли корпус маршалов Мортье и Мармона. В авангарде русских шёл корпус Раевского, его левый фланг усиливал корпус Горчакова. Отразив атаку Мармона, они атаковали ключевой пункт обороны французов – высоты Шарона, Бельвиля. Русские полки, воодушевленные скорым победоносным окончанием долголетней кровавой брани, неудержимо шли вперёд и 19 марта вступили в неприятельскую столицу. Их бурно приветствовали толпы французов. Забыв Наполеона, они славили русского императора Александра, будто и не было почти непрерывного пятнадцатилетнего противоборства на залитых кровью полях Европы. Радостно подпрыгивая и галдя, впереди колонн бежали мальчишки. Мартовское солнце, не скупясь, играло лучами на золоте и серебре эполет, меди эфесов и блях, стали кирас и отточенных остро штыков. Парижане воочию узрели силу, пред которой пал дерзостный корсиканец. Им было жутко и весело. Пожилые французы с белыми монархическими кокардами на шляпах дивились бравоу выправке молодцов-гренадеров, весёлой молодцеватости казаков. Молодые француженки без стеснения подсаживались в седла офицеров-кавалеристов – чтобы в обнимку прокатиться с ними верхом. Видя такое непостоянство безбожных ветреных галлов, поручик Гуськов с холодной усмешкою размышлял: «Не тот француз! Вишь, как скоро лапы задрал: пардон, пардон! Вроде бы, храбро дрались, да кураж их не тот. Выходит, самых матёрых мы в двенадцатом году упокои-

ли... Аэтим только петь да приплясывать. Ишь, рты раззявили, режутся, как телки на лужайке. Рады-то как, будто ждали нашего брата. Не-ет, не тот здесь француз!»

Дивясь на парижский кордебалет, Иван задумывался, вспоминая черноокую турчанку Зухру. Наверное, она любила его, и эта любовь дорогого стоила. Он тогда был молод, горяч, а о любви думал так: вся любовь ещё впереди. Ныне Иван, хотя офицер, один как перст: ни жены, ни детишек. Судьба воин! Недаром поётся: «Наши жёны – пушки заряжены...» Что остаётся? Разве что сравнивать: хохлушек с полячками, чухонку с немками, турчанку с француженками... Эх, далеко разбитным вертлявым француженкам до огневых неподатливых турчанок!

Шагая под знамёнами русской армии, многое довелось повидать.

Матёрый поручик вглядывался в обветренные, усталые и вместе с тем счастливые лица своих гренадеров. Некоторые шли сюда от самой Москвы, преодолели две с половиной тысячи вёрст, покорив немало разных держав и столиц. Эти не подведут, подумал Иван Гуськов, с ними можно идти на край света. Недаром незабвенный Суворов сказал: «Мы – русские! Какой восторг!»

... Буганов радовался, будто его самого произвели в генералы. О делах славных слушал благоговейно – и ретивое разыграло: «Чуял я, далеко пойдёт наш Иван! В бою не робел, штыком орудовал знатно, к тому же – грамотный...» Уже во дворе, при прощании, старый воин убеждённо сказал Перхурову:

– Всё думаю, ваше превосходительство: сколь высока судьба нашей России! Знаю: Римник начало карьеры Вашей, потом Измаил... Ныне до самого Парижа дошли. Непрерывная цепь великих побед... Воистину, сыны России – герои духа...

– С Измаила всё начиналось, – по-молодому блестя глазами, проговорил Перхуров. – Тогда укрепилась мы в мысли: никакой враг не страшен! А чья в том заслуга? Непобедимого вождя нашего, князя Суворова-Римникского! Помните, как он нашего брата учил – фашинами ров забрасывать, вал штурмовать? Ров и вал наподобие измаильских сколько раз штурмовали? До седьмого пота гонял... Недаром сказано: «Тяжело в учении – легко в бою». Зато на приступе солдаты на вал турецкий как птицы взлетели! – Чуть прихрамывая, генерал дошёл старика до коляски, подсаживая, громко закончил:

– В армии батюшку нашего Александра Васильевича помнят и почитают. Плит Держа-

ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид Коновалов

Член Союза журналистов России. Член РСПЛ с 2016 года.
Руководитель литературно-художественного клуб «Катайск».

ДОРОГИ В ЗАУРАЛЬЕ И СИБИРЬ

В истории Российского государства вторая половина XVI века явилась эпохой стремительного расширения его границ. На южных рубежах осваивались плодородные земли Дикого поля, на востоке покорились и вошли в Россию Казанское и Астраханское ханства. Добровольно присоединилась Чувашия и Башкирия, признала независимость Ногайская Орда.

В 1581 году знаменитый казачий атаман Ермак со своим отрядом в 860 человек отправился за Камень (Уральские горы), разбил войска хана Кучума и присоединил к России Сибирскую землю. Много трудностей пришлось испытать атаману Ермаку и его казакам. Они плыли на стругах по незнакомым таёжным рекам, пробирались сквозь дремучие леса и топи, громили заслоны хана Кучума. В октябре 1582 года первопроходцы переправились через реку Тобол и захватили Кашлык – столицу Сибирского ханства. Многие племена хантов и манси признали власть русских, стремились этим освободиться от ига хана Кучума. Поддержали Ермака также некоторые татарские феодалы, враждовавшие с ханом. С наступлением лета 1583 года атаман победителей отправил в Москву своих послов, которые доставили царю Ивану Грозному богатые меха и донесение о сибирском взятии. Царь был очень рад. Звонили колокола по всей Москве – радовались русские люди тому, что к Российскому государству присоединились богатые, неведомые, бескрайние, далёкие Сибирские земли. Царь послал Ермаку подарки «два пансыря и сосуду и шубу свою», отряд стрельцов...

После падения столицы Сибирского ханства – Кашлык, борьба с Кучумом продолжалась ещё несколько лет. Много испытаний вынесли казаки – голод, холод, постоянные схватки с врагами. Ермак погиб 6 августа 1585 года, когда на его лагерь неожиданно напали кучумовцы. Окончательный разгром Сибирского ханства завершили другие отряды. Кучум бежал к ногаям и там был убит. С 1586 года Сибирское ханство и Зауралье полностью вошло в состав Русского государства. Это послужило началу массового переселения крестьян на новые земли.

Кроме «гулящих людей», так называли крестьян, которые убегали от своих помещиков, были и свободные крестьяне с Поморья, где не было крепостного права. Они покидали родные деревни, свои дома и уходили на новые земли. На их пути на восток стояло труднопреодолимое препятствие – Камень (Уральские горы), покрытые дремучими лесами, горными

реками, скалами и оврагами. Тут не было дорог. Зимой сильные морозы, глубокие снега. В период весеннего половодья и осенних паводков на лодках можно было двигаться вперёд. Перевалы покорялись лыжниками и лёгкими нартами, но были труднопроходимые летом. Несколько раз менялся маршрут государственной дороги в Сибирь. Первая дорога повторяла путь Ермака – вверх по Чусовой, потом по её притоку речке Серебрянке, через Тагильский волок в Баранчу, затем вниз по Баранче и Тагилу в Туру. На этой дороге был построен и самый первый русский опорный пункт – Верхне-Тагильский городок (1584 г.). Главным недостатком этого пути являлся труднопроходимый Тагильский волок.

Вторая дорога, более удобная, из Чердыни по Вишер и Лозьве в Тавду была недоступна из-за противодействия Пелымского княжества. И только после приведения Пельма к покорности, гарнизон Верхне-Тагильского городка перевели сюда – на слияние рек Ивделя и Лозьвы – в Лозьвинский городок (1589 г.) Перед царским правительством с присоединением Сибири в повестку дня встала проблема поиска годной для всех времён года короткой и удобной дороги через Уральский хребет.

Этот вопрос смог решить уральский крестьянин Артемий Сафонович Бабинов. Он родился в деревне Верхняя Усолка, что недалеко от Соли Камской. Человек наблюдательный, решительный и смелый, он знал, что сибирские вогулы приходят из-за гор совершать свои языческие обряды в Чаньвинскую пещеру. Он решил выяснить: а какими тропами они приходят в Предуралье? Рискуя своей жизнью, он скрытно, несколько суток шёл по следам лесных охотников, отмечая свой путь зарубками на стволах деревьев и сложенными ветками.

В 1595 году царь Фёдор Иванович именным указом повел начать строительство дороги. Артемий Бабинов предложил свои услуги. Под руководством Бабинова наняли 40 соликамских «посошных людей» и они с помощью топоров, пил и лопат проложили путь от своего города до верховьев реки Туры. Длина новой дороги составила 263 версты. Это сокра-

тило путь в Сибирь в 7 раз. Через реки, овраги и болота было построено 37 мостов. Новая дорога пересекала реки Яйву, Косьву, поднималась на перевал Павдинского Камня и спускалась по восточному склону хребта к рекам Лали и Мостовой до старого мансийского городища Нером-Кара. Здесь, на конце дороги на высоком берегу Туры, возник городок Верхотурье. В 1597 году строительство дороги было успешно завершено. Власти назвали новый путь «Новой Сибирской Верхотурской дорогой», но это название не прижилось. Народ стал звать новый путь «Бабиновой дорогой», в честь отважного русского первопроходца. Строительство дороги послужило причиной возникновения многих поселений. Город Верхотурье в 1598 году стоял защищённый деревянными стенами и башнями. Здесь стоял сильный воинский гарнизон во главе с Воеводой. Появилась таможня, гостиный двор с 20-ю амбарами. На судоверфи плотники из Соликамска, Чердыни, Хлынова и Устюга строили суда, на которых люди и товары отправлялись в главные сибирские города – Тюмень, Тобольск. Вновь прибывших удивлял крепкий деревянный Верхотурский Кремль и новый город. Для обеспечения нормального движения между Соликамском и Верхотурьем через каждые 20 вёрст стояли «ямы» – казённые избы для путников и ямщиков. Затем тут возникли поселения: Сурмог, Ик, Чертёж, Замельничная, Верх-Яйва, Махнёво, Берёзовка, Чикман, Молчан, Верх-Косьва, Кырья, Павда, Малёхина, Позднякова, Караул, Совинова.

Ездовые с Поморья обычно домой не возвращались, а оставались на новых землях, их угнетал налоговый и малоземельный гнёт. Здесь же они рассчитывали на лучшую жизнь.

Царь Фёдор Иоаннович жалованной грамотой наградил Бабинова угодьями вдоль дороги по Яйве-реке, освободив его от податей и оброков. Но воеводы с «Артюшки Бабинова» подати и оброки всё равно требовали, невзирая на царские бумаги. Ведь в России испокон веку было так «до Бога высоко, до царя далеко...»

В начале Бабинова дорога была рассчитана лишь на зимнюю «гоньбу» – когда мороз сковывал льдом реки. Это не устраивало лю-

дей. Царь Борис Годунов 22 апреля 1599 года приказал верхотурскому воеводе послать людей «чтое новую дорогу от Соли Камской до Верхотурья чистить и мостить накрепко..., чтоб та дорога была не узка и мосты хороши... и заломов на той дороге не было, чтоб наши Сибирские запасы и всякую казну было перевозить той дорогою мочно...» И снова проводником согласно государеву указу был назначен Артемий Бабинов. Его люди прорубали прямые просеки, строили новые мосты через реки, мостили гати через болота, в некоторых местах дорога получила деревянное покрытие. Движение по ней стало круглогодичным. Её ширина определялась по актам XVII века в три сажени. Дорога соединила Европейскую Россию с Сибирью в то время, когда происходило её освоение русскими. Огромные массы людей, перевозились значительные объёмы грузов – всё это доставлялось на восток. Можно сравнить Бабинову дорогу со всемирно известными Великим шёлковым путём или путём из Варяг в Греки. Известно, что в первые годы и даже десятилетия новые сибирские города и поселения, остроги нуждались в поставках буквально всего: хлеба, оружия, пороха, свинца, соли, тканей, бумаги и прочего. Перечень ввезённых товаров содержит 117 наименований. Действительно, для новых городов Сибири это была «дорога жизни». Только благодаря Бабиновой дороге Россия сумела в лихую годину смутного времени сохранить недавно обрётённую Сибирь. Территория Северного и Среднего Урала перестала быть тревожным пограничьем и прочно вошла в состав Русского государства.

Бабинова дорога получила статус «государевой», а из Москвы шли строжайшие требования тем, чтобы все следующие в Сибирь не смели искать иных путей. Один из таких указов был получен в Верхотурье в 1683 году. Дорогу охраняли накрепко и таможня взимала десятую часть стоимости провозимого товара, рос и богател город Верхотурье. Пост Верхотурского воеводы приобрёл привлекательность для представителей знатнейших боярских родов России – Барятинских, Вяземских, Гагариных, Мещерских, Пожарских...

Последний указ о запрещении пользоваться иными путями, кроме Бабиновой дороги, вышел в 1763 году. Кто только не проехал по ней за два столетия? В XVII веке проезжали все сибирские воеводы, по ней везли ссыльных – боярина И.Н. Романова и Ф.И. Шереметьева, князя И.Б. Черкасского, протопопа Авакума, позднее в XVIII веке светлейшего князя Меншикова. По этой дороге ехали посольства в Китай, участники экспедиции В. Беринга, академики И. Лепехин и П. Паллас и многие другие.

Население деревень вдоль дороги, одним из основных своих заработков считало тогда извоз. Земство принимало все меры по поддержанию дороги в порядке: летом делали подсыпку, ремонтировали мосты, зимой чистили дорогу от снега и заносов. В своих записках генерал-майор В. Генин, проехавший по дороге в 1723 году, показывает 213 версту (247 км). Уральский краевед Н. Чулин по данным почт-календаря 1801 года определил её длину в 273 версты (290 км). По рассказам старожилов известно, что похоронили Бабинова на левом берегу Яйвы, раньше там стоял обтёсанный камень. Но нет документальных свидетельств. Многие же старожилы говорили об этом с большой уверенностью, ссылаясь на рассказы предков. Исследователи, исходя из этого, считают, что Бабинов похоронен на кладбище села Верх-Яйва.

Официальное открытие Сибирского тракта, сменившего Бабинову дорогу, состоялось в 1783 году. Хотя отдельные участки дороги использовались в разные годы XIX века. Широко пользовались дорогой ещё в годы Гражданской войны. В настоящее время большая часть полотна дороги утрачена и поднят вопрос о музеефикации хотя бы отдельных участков, что нашло отражение в концепции развития Верхотурского государственного историко-архитектурного музея заповедника, написанного П.А. Корчагиным.

В 1997 году на стене колокольни собора Святой Троицы в Соликамске установили доску с надписью: «на Соборной площади в 1597 г. взяла своё начало Государева (Бабиновская) дорога...»

А в 2009 году на стене Верхотурского Кремля

ля также была открыта мемориальная доска, извещающая о месте окончания дороги.

Другой торговый путь, так называемая «казанская тропа», проходил южнее. Несмотря на запреты царских властей он был довольно оживлённым. Здесь не было царских стражников и таможи. Для нас, зауральцев, «тропа» представляет особый интерес. Она шла из Москвы на Казань, далее через Камень (Уральские горы) и башкирские земли выходила к верховьям реки Чусовой и к Каслинским озёрам. «Тропа» имела ещё петлю с заходом в Уфу, затем поворачивала на восток через Сатку и Златоуст также выходила к Каслинским озёрам. Так, что под понятием «Казанская тропа», имеется целая система дорог. Это приводило некоторых исследователей к разночтению и вопросам. И в настоящее время фрагменты этой дороги ещё видны на перевале через Хребет Уреньга. В основном по этой «тропе» проложена нынешняя трасса М5. На старом плане от 1697 года видно, что, соединившись дороги в одну, «тропа» шла правым берегом реки Синары.

В тёплый, ясный сентябрьский день 2023 года автор этих строк и члены литературного клуба «Катайск»: Михаил Устюжанин, Александр Никитин, Нина Чубарова-Калугина приехали на это место. Всех нас охватило волнение: мы стоим на дороге, по которой сюда в Зауралье пришли наши предки!!! Чувствуя свою сопричастность к истории, мы сделали много фотографий... Чуть выше владения Синары в Исеть «тропа» через брод прошла на другой берег Исети и через деревни Оконешной (Оконечниковой), Мартыновой [Шевелёвой] и Савиной мимо Катайского острога, Далматова монастыря шла далее на восток и уходила к Тюмени и Тобольску. По ней ездили люди в Сибирь и обратно.

В челобитной выборных людей от крестьян всех слобод Тобольского уезда 1695 года об этой «тропе» сказано: «И меж озёр Иртыш и Касли через Камень проезжая большая дорога в Казань, на Уфу и на Кунгур: купеческие люди из разных городов с товары во всея годы ездят в Сибирские города, а из Сибири ездят с товары в русские города...»

В начале XVII века жить и селиться на берегах Исети до середины XVIII века было очень опасно. Сюда с калмацких степей здесь постоянно рыскали как хищные волчьи стаи степняки кыргызы-кайсаки, калмыки... Русский писатель-реалист Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк [1852-1912 гг.] писал: «У орды был такой обычай: мужиков перебьют, а молодых девок в полон возьмут. Орда кидалась на русские деревни с особенным ожесточением, всё жгла, зорила, а людей нещадно избивала, забирая в полон одних подростков-девушек. Кровь лилась рекой, а орда не разбирала – только бы грабить. В виде развлечения захваченных пленных истязали, расстреливали из луков и предавали мучительной смерти. Испуганные жители не знали, в какую сторону им бежать. А впереди везде по ночам кровавыми пятнами стояло зарево пожаров. Пленных было так много, что орде наскучило вешать и резать их отдельно, и поэтому устраивали для потехи казни гуртом: топили, расстреливали, жгли...».

Была опасность, что оттеснение границы с Исети может переместиться на север на реку Пышму. Этого допустить было нельзя. По указу царя Алексея Михайловича по реке Исети создавалась оборонительная сторожевая линия. В 1655 году на высоком крутом левом берегу Исети началось строительство Катайского острога. Работы велись под руководством верхотурского боярского сына Панкратия Перхурова.

Кстати, его личность представляет очень большой интерес для истории и имеет для нас зауральцев такое же значение, как Тимофей Невежин для Кургана, Юрий Малечкин из Шадринска или Далмат для Далматова. Надо отметить, что Панкратий Перхуров почему-то менее известен. Он был очень предприимчивым человеком, строгим управителем, решал важные государственные задачи по освоению новых зауральских земель: находил и селил вольных людей, строил поселения и остроги, прокладывал дороги, держал сады, занимался разведкой медных и железных руд на Урале. Его имя и имя его младшего брата Андрея много раз упоминается в «Истории Сибири»

Г.Ф. Миллера, П.С. Перхуров – одна из ключевых фигур в истории Западной Сибири XVII века.

В 2015 году на празднование 360-летия Катайска, депутаты городской Думы решили отдать дань памяти человеку, который основал их город. Была собрана информация о нём и в газете «Знамя» опубликован материал. На это откликнулся потомок рода Перхуровых, историк по образованию, он представил дополнительные материалы о Перхуровых. Исходя из данных, мы подготовили эскизы собирательного образа этого человека (ведь его изображение, естественно, не сохранилось). Бюст Панкротия Семёновича Перхурова выполнил шадринский скульптор Александр Голяминских. В День города бюст был торжественно открыт в центре Катайска. Памятник создан на средства, собранные депутатами городской Думы и горожанами.

Панкротий Перхуров выбрал для острога удачное место, высокий обрывистый берег реки Исети, рядом густой лес, а, значит, есть строительный материал, так необходимый для постройки.

Существует мнение историков, что в строительстве острога принимали участие немногочисленные крестьянские семьи с берегов Катайки и деревни Савиной. Враги вскоре сожгли острог, неожиданно напав из густого леса, но он, как Феникс из лепла возродился вновь и играл важную роль в Исетской оборонительной линии. В 1662 году он вновь подвергся нападению со стороны башкирцев. Был в осаде 4 дня. Казаки и крестьяне бились день и ночь, затем пушками разогнали врагов, которые сняли осаду и отступили к озеру Иртяш... Несмотря на укрепления, башкирцы разрушили первые селения по Исети, Далматова монастыря. Сожгли недавно построенный Петропавловский монастырь с церковью на правом берегу Синаре вместе её владения в Исеть над Белым Яром в 25 верстах от Катайского острога.

Исетская сторожевая линия охранялась Катайским острогом, Далматовским монастырём, Шадринским, Масляным, Мехонским, Ялуторовским острогами. Выше по течению

Исети позднее был поставлен Колчеданский острог. Охрану сторожевой линии несли беломестные казаки. В Катайском остроге их было – 50. Атаманом был Андрей Лилин. С открытием Колчеданского острога часть казаков из Катайского острога отправили к ним. В Ялуторовском остроге было – 30, в Исетском – 30, в Мехонском – 60, в Шадринском – 20 человек. Позднее также для охраны Каменского завода поставили острожок и на Синаре реке Зырянский острог. Постройка Катайского острога обошлась приписанным к нему крестьянам в 500 рублей, а Колчеданского острога в 400 рублей.

Под защитой острогов шло освоение свободных исетских земель. В 1667 году по указу царя Алексея Михайловича исетские беломестные казаки были переведены в драгуны. Они несли сторожевую службу на своём коште без жалования и освобождались «от оборочной государевой пашни и подушной подати». Всего в драгунский сторожевой полк воевода Пётр Иванович Годунов набрал более 1200 человек. Катайские беломестные казаки, а затем драгуны охрану несли по левому более высокому берегу Исети от впадения в неё речки Караулки (сейчас тут деревня Водолазово) и ниже до речки Половинной, то есть до земель Далматова монастыря, а это более 30 км в нынешнем измерении.

Исследователи называют ещё одну дорогу, по которой в мирное, спокойное время купцы вели торговлю со степью. Из Верхотурья, с севера торговый путь шёл на юг, мимо Катайского острога в калмацкие степи. Пока не удалось найти точного описания её местонахождения, только упоминается, что этот торговый путь пересекал «Казанскую тропу». Есть «Солёный» мост на реке Синаре вблизи села Огнёвского Багарякского района Челябинской области. Среди местных старожилов есть предание, что прежде тут привозили соль, которую добывали на южных солёных озёрах...

На протяжении всего XVII века на новых землях за Уралом не хватало хлеба, его привозили из Центральной России. Под защитой острогов началось освоение Приисетья и других земель. И лишь в конце XVII-го начале –

XVIII-го веков на прекрасных чернозёмах крестьяне стали выращивать хорошие урожаи, на приволье разводить скот и птицу. По указанию воеводы на Исети у острогов плотники строили большие плоскодонные баржи. Весной по большой воде отправляли людей, хлеб, мясо, масло, сало, шкуры и другое вниз по реке в центральный город Сибири – Тобольск.

Первыми отплывали баржи от Катайского острога, а ниже по течению Исети их ждали другие суда и баржи острогов Шадринска, Мехонского, Исетского и других. Через несколько дней большая флотилия причаливала к Тобольскому берегу...

После открытия Сибирского тракта и появления крупного города Урала – Екатеринбурга Бабинова дорога и «Казанская тропа» уже не стали играть той значимой роли, что имели раньше. Из Екатеринбурга по левому берегу Исети проходил Исетский тракт. Он был наиболее безопасен, так как проходил через многочисленные поселения. В зимнее время он был хорошо накатан и оживлён. По нему в обоих направлениях двигались обозы, иногда состоявшие более 100 подвод. В селе Катайском имелась крупная ямская станция в 140 возков и 35 постоянных дворов. Отсюда во все стороны шли дороги. Например, на север шла дорога в уездный город Камышлов, стоявший на Сибирском тракте. На юг – в Челябинск, на запад через Екатеринбург в Европейскую часть России, а на восток – в Сибирь – в Тюмень, Тобольск, Курган и другие.

В Кургане на поселении было 13 человек декабристов. В Ялуторовске также проживали под надзором полиции несколько декабристов. Для нас, зауральцев, интересна личность поручика Николая Васильевича Басаргина. Он за участие в выступлении против царизма был осужден на 20 лет. После Кургана был выслан в Ялуторовск. Занимался чиновничьей службой. Много ездил по Сибирскому и Исетскому трактам. Изучал местный край. Посещал крупные ярмарки и базары. Вместе с ним в Ялуторовске под надзором проживали другие декабристы: Матвей Муравьёв-Апостол, Иван Якушкин, Иван Пущин (друг А.С. Пушкина),

Василий Тизенгаузен, Андрей Ентальцев. В 1843 году в Шадринске на поселении проживал Евгений Петрович Оболенский. Затем через 4 года его также перевели в Ялуторовск. Кружок декабристов был дружен и деятелен. Они положительно влияли на культурную жизнь Ялуторовска. В 1842 году И.Д. Якушкин открыл здесь школу. Н.В. Басаргин оставил большой литературный материал. Уже после амнистии выпустил знаменитые «Записки Н.В. Басаргина» (Москва, 1872 г.).

После смерти Николая I в 1856 году декабристы получили амнистию. Николай I пережил 65 декабристов, но 56 пережили его. Приблизился 1861 год, год отмены крепостного права в России. Позднее Л.Н. Толстой сказал: «Освободили крестьян не Александр II, а Радищев, Новиков, декабристы, которые принесли себя в жертву».

В марте 1857 года Н.В. Басаргин в последний раз проезжал через наши места. Он остановился в Шадринске вместе со своей женой Ольгой Ивановной Менделеевой-Басаргиной, родной сестрой Дмитрия Ивановича Менделеева, известного учёного-химика. Они ехали в своё имение в Ярославскую губернию. Здесь в Шадринске они дождались других декабристов из Ялуторовска. Ведь вместе ехать было и безопаснее, и веселее. Так они вместе проехали село Никольское у стен Далматова монастыря и приехали в село Катайское. Ноямской станции распрягали лошадей и отводили под навесы, давали овёс, сено, поили. Укрывали попонами. Сами путники отдыхали на постоянных дворах, ведь утром, чуть свет им предстояло дальняя дорога через Мартынову (Шевелёву), Шипишный Яр (Ипотову), село Колчедон, Каменск и далее в Екатеринбург и домой в Европейскую Россию.

Мы живём в России, и все те исторические события, которые происходят в стране, не проходят стороной. Вот и возвращающиеся после помилования декабристы, оказывается, проезжали через наши места, через наш Катайск...

... Как сказал в своё время учёный-историк В.О. Ключевский: «В нашем настоящем слышим много прошедшего...».

Евгений Косых

ВОТ ПРОЗВУЧАЛИ ПОСЛЕДНИЕ НОТЫ

ВИШНЯ, ВИШНЯ...

«Вертушка» приземлилась в аэропорту. Некогда один из лучших, он лежал в руинах. Группа солдат разместились в бронеевтомобиле и с машинной сопровождения двинулась в сторону ..., где размещалось новое правительство республики. Межсезонье в горах, отличается от равнин. Вроде начало зимы, но снег лежал только на вершинах гор, глядя перед собой, молодой парень лет 19-20, мысленно напевал хит года: «Вишня, вишня. Зимняя вишня...» Только фруктовых деревьев видно не было. Все было уничтожено огнем боев, происходивших в черте города. Петля порасчищенной бульдозером дороге, парень переделал слова: «Змейка, змейка. Дорожная змейка...». Получилось плохо. Усмехнувшись, он закрыл глаза и задремал.

«Вертушка», «двухсотые», «трехсотые», и прочие аббревиатуры войн минувших и настоящих. Учитель, глядя на склоненные головы детей, выполняющих работу над ошибками, вспоминал разрушенный город и думал, когда эти термины войн будут считаться анахронизмами.

МЫСЛИ

Он любил это время суток, с тех пор как попал сюда. Выбравшись из лагеря, и, присев на поваленный ствол дерева, стал наблюдать за горизонтом. Гористая местность, не испорченная цивилизацией, навевала умиротворение. Внизу стояла старая церковь, постройки X-XI веков, которая своей красотой невольно приковывала взор. Несмотря на выбитые взрывной волной рамы и стекла, часть разрушенной стены, крест на куполе стоял на месте. Было видно, что он служил ориентиром и его не раз пытались сбить, но казалось рука с небес отводило снаряды. Крест был необыч-

ный, нижняя опора была выполнена в форме полумесяца. Казалось, что само провидение говорило о единстве христианства и исламства. То, что Бог для людей один, как бы Его не называли в разных религиях и главная заповедь, заложенная в Библии и Коране – НЕ УБИЙ. Но когда люди соблюдали эту заповедь, если ее использовали (трактовали) не вежды от религиозных течений в своих целях, как правило в корыстных, то есть свержение законного правительства и захват власти с жадной личной наживы. При этом используя религию, для игры на чувствах населения и разжигания вражды между ними, хотя они долгое время мирно сосуществовали. «И поднял руку брат на брата, сосед на соседа», – пришла ему мысль в голову...

Он любил это время суток в горах. Ночь здесь наступала внезапно, казалось, что кто-то сверху просто выключил свет...

МОСТ ДРУЖБЫ

«Дружба крепкая не сломается...» – ему стало смешно от этой песни, которая пришла

в голову. Кому пришла мысль назвать так этот объект? Как там «Человек уходит, а дружба остается» или по-другому, хотя в данном случае суть одна. Осталось пройти ещё немного и убедиться, что территория чистая, и «духи» не оставили сюрпризов. Сколько «двухсотых» за это время, особенно в последние года, не говоря о «трехсотых». Зато теперь можно вздохнуть свободно, шла перестройка, и страна переходила на новый уровень. Только как перестроить души парней и девчат, которые оставили здесь свою юность и открыли для себя иную, взрослую правду жизни... Он подзвонил радисто и продиктовал текст.

«В N-ое время военная колонна начала движение по мосту «Дружбы», на место своей постоянной дислокации...» Назад в СССР.

ЦВЕТОК

«На двары восьмое сакавіка, а я святкую адна...», – напевая она открыла дверь кабинета и замерла на пороге с открытым ртом. Потом опомнилась и прикрыла его ладошкой, глаза с изумлением смотрели на этот необычный цветок. От охватившего ее изумления из глаз невольно выступили слезы. Она, чтобы не упасть, присела на стоящий рядом с дверью диван. Когда первые эмоции улеглись, она встала и подошла к столу, на прямоугольной табличке была надпись: «Извлекая их – ты дала нам жизнь». Она обхватила горшок руками и, не боясь порезаться, прижалась лицом к цветку...

В своей жизни мы получаем много подарков, какие-то храним, а какие-то забываются, но есть вот такие уникальные, которые служат напоминанием о спасённых жизнях. Такой как этот... цветок, сделанный из извлечённых осколков.

ВАЛЬС

Оркестр играл вальс Свиридова «Зимний бал». Среди танцующих выделялась пара молодых людей. Он в черном фраке, белая со-

рочка и галстук-бабочка. Она в бальном платье цвета аквамарины с открытыми плечами. На грудь опускалось колье, оттеняющее наряд, левую руку обвивал браслет. Их глаза лучились счастьем, губы обоих украшала улыбка. Казалось, что музыка, зачарованная красотой и молодостью пары, кружит их сама, доставляя себе и им удовольствие. Вот прозвучали последние ноты... Женщина открыла глаза и взглянула на календарь. Пора было собираться на юбилейный вечер, посвященный выводу войск из ...

Она притянуло к себе лежащий рядом протез ступни и взглянула на стол, где лежал брючный костюм строгого цвета. Рядом с ним, открытая коробочка с медалью «За отвагу».

УТРОМ ЯИЧНИЦА...

«Утром яичница, в обед яичница, а вечером – омлет...» – вспомнилась ему эта фраза. А как не вспомнить, если он повар или, как тут принято говорить, кашевар. Он поднял крышку и стал бросать в кашу мясные консервы из открытых банок, ведь скоро придут парни с задания. Как они там, получится ли взять «языка»? Отдав черпак помощнику, он прошел к телеге и предался воспоминаниям. Увлеченные кухней к нему перешло от матери, которая работала шеф-поваром в ресторане и часто брала его к себе на работу, так как отца не было. Она ему ничего не рассказывала, а он не задавался данным вопросом, нет и нет. Потом кулинарное училище, армия..., неудачный опыт семейной жизни, и вот он здесь. Где-то вдали были слышны одиночные выстрелы. «Ишь, стреляют, страх свой гонят», – подумалось ему...

Грязные, оборванные солдаты работали ложками с такой быстротой, словно боялись, что каша улетучится из тарелок, словно туман... «Дядьку, дай ще, будь ласка. Місяць на підніжному корму без гарячого».

В глазах пленного была мольба. Он вздохнул и положил еще добавки.

Михаил Устюжанин

ВОСПОМИНАНИЯ О СЛУЖБЕ

Из книги «Жизнь – служение Отечеству»

После окончания средней школы в 1962 году поступил в Пермское высшее командно-инженерное училище. И только после сдачи экзаменов, мы узнали, что попали в ракетные войска стратегического назначения. Служил в г. Алейске Алтайского края. Женился. Должность соответствовала воинскому званию – «капитан». В апреле 1968 года меня приняли в партию, избрали секретарём первичной организации пуска и членом бюро полка. Условия службы были очень суровые, в подземном бункере с приточной вентиляцией воздуха через металлические трубы, где терялась озоновая основа воздуха... Рабочий день был не нормирован с утра до 22-23 часов.

В 1974 году поступил в Московскую высшую академию им. Ф.Э. Дзержинского на командный факультет. В 1975 году получил звание майора и был участником Парада на Красной площади. В 1976 году после окончания академии получил образование – офицер с высшим образованием. Служба продолжалась. Так я стал начальником штаба полка. В 1979 году получил очередное воинское звание – «подполковник», прошёл ещё одну очередную переподготовку на новый ракетный комплекс на космодроме «Байконур». В начале познакомился с космонавтами Рукавишниковым Н.Н. и болгариним Ивановым Г. В 1978 году в состязании на приз «Офицерские старты» я занял 1-ое место в ракетных войсках по многоборью.

В 1980 году был назначен на должность командира ракетного полка. Прошёл в Москве двухмесячные курсы переподготовки. В 1984 году после проверки Главным командованием ракетных войск, за поддержание высокой боевой и политической готовности и успешное освоение новой боевой техники был награждён Орденом Красной Звезды. В ноябре 1985 года мне было присвоено воинское звание – «полковник» и я сразу попал в спис-

ки на выдвижение к Министру обороны СССР.

В начале сентября 1985 года наша семья переехала в г. Ленинск Кызыл-Ординской области. Город постоянно разрастался, на тот момент уже насчитывал около 100 тыс. жителей, 7 микрорайонов, считался космической гаванью страны Советов. Две недели семья из 4 человек жила в гостинице, затем была предоставлена 3-комнатная квартира.

Космодром выполнял и до сих пор выполняет сложнейшие задачи космических исследований, испытаний космической и боевой ракетной техники, связи боевого управления. На территории космодрома разместились ракетные войска связи, противовоздушной обороны, авиации, космические, строительные части и другие части боевого обслуживания и обеспечения, тыла и транспорта. Ракетные войска представляли два научно-исследовательских управления и 100-й учебный центр РВСН. Учебный центр занимался подготовкой офицеров боевых ракетных комплексов шахтных пусковых установок, в том числе по программе бо-

евого ракетного комплекса ракеты 18М (по градации США SS-18 «Сатана»). Кроме того, готовил сержантский состав и специалистов охраны – электриков для ракетно-испытательных частей, а также специалистов технических ракетных баз РВСН. Было несколько учебных корпусов, общежитие (несколько зданий для проживания слушателей), столовые, склады, казармы, автопарк и другие сооружения на площадке №32 [дублёр площадки №2 «Гагаринский старт»]. Площадка №32 находилась в 65 километрах от жилого городка г. Ленинска. Офицерские должности: начальники отделов – полковники, начальники циклов и старшие преподаватели – подполковники, преподаватели – майоры, командиры рот, взводов – капитаны-преподаватели, командир батареи – майор-преподаватель. Космические части: несколько научно-испытательных управлений во главе с начальниками в воинском звании генерал-майора; полки: авиационный, автомобильный, КАЗ (кислородно-азотный завод) и другие части.

Через две недели после прибытия в часть начальник центра вызвал меня к себе и доложил: «Завтра убываю в Киев, остаешься за меня». Я, было, выразил сомнение, что толком не ознакомился с частью, но возражения не были поддержаны: «Михаил Михайлович, Вы полком командовали? – Да, командовал. – Вот и здесь справитесь». Кстати, через 2,5 месяца он уволился на пенсию, и я полтора года был в должности врио начальника учебного центра. За это время центр был проверен комиссией Главкома РВСН и показал хорошие результаты. В это же время учебный центр посетил Главком РВСН, Герой СССР, генерал армии Максимов Ю.П. со своими заместителями, двумя конструкторами боевых стратегических ракет Пилютиным Н.А. и ещё одним. Кстати, с Максимовым это была уже вторая встреча. Первая – когда он был назначен ГК РВСН и ознакомился с вооружением РВСН. Он тогда прибыл в мой полк в Бологое, две шахтные пусковые установки у меня были на регламенте и крыши шахт были открыты. Он приехал на 6 ПУ, после моего доклада мы подошли к открытой шахте с поднятой 92-тонной

крышей, он меня спросил: «Какая мощность ядерной боевой части?». Я ему ответил, что на ракете стоит боеголовка с 4-ядерными зарядами, каждый с индивидуальным наведением по 330 килотонн. Он был настолько удивлен, что даже за голову схватился. На Хиросиму американцы сбросили атомную бомбу в 16 килотонн, погибло 200 тысяч человек, а в полку таких ракет было 10 по 4 боеголовки, считайте – 40 штук суммарной мощностью более 13 мегатонн. Такова боевая мощь ракетного полка, равна залпу фронта из всех орудий. Полк, вооружённый «Сатаной», одна ракета его несёт 10 ядерных боеголовок индивидуального наведения по 550 килотонн каждая, да еще с возможностью пройти любую противоракетную оборону.

К чему я это говорю, да к тому, что американцы рады были бы нас поднять, да нет у них таких возможностей. Даже, получив ответный удар по такой небольшой по сравнению с нами территории, они будут уничтожены полностью как государство. А так, как люди, они все-таки прагматичные, на самоуничтожение не пойдут. Отсюда злоба, санкции, провокации, цветные революции, конкурентная борьба. Россия, если сама себя не уничтожит, никакой враг извне ей не страшен. Необходимо восстанавливать нашу былую разрушенную экономику, поднимать как можно быстрее уровень жизни людей, образование, науку, медицину, состояние экологии, прекратить коррупцию, воровство, вывод капиталов за кордон, огромное расслоение населения.

В 1987 году, пройдя Военный совет РВСН, меня назначили начальником 100-го учебного центра РВ. Из воспоминаний тех лет остался в памяти приезд на космодром нового генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева М.С. Помню, как политработники радовались, что вот, новый секретарь, молодой, в 53 года начнется новая жизнь. На его встречу в дом офицеров был приглашён весь командный состав космодрома. Я старательно конспектировал его выступление, дабы довести до личного состава части умные мысли первого лица государства и партии о перестройке, жизни, демократии. Через полчаса остановился записи

сывать, так и не поняв, куда идти и что делать. Какой-то черёд сомнения возник от этой демагогии и полнейшей неконкретности. Какое-то тяжелое внутреннее чувство тревоги осталось от этого выступления, чисто интуитивно. Как оказалось, впоследствии, возникло оно не зря. Очень часто учебный центр посещал первый заместитель ГК РВСН генерал-полковник Яшин Л.А., который стал генералом армии. Постоянным гостем на космодроме был Герман Титов. Боевая работа на космодроме кипела. Иногда, на время пусков ракет, приходилось по два раза в неделю заниматься эвакуацией площадки личного состава, представителей промышленности в пустыню, дабы избежать жертв, в случае аварийной ситуации. Траектории полёта ракеты с других пусковых установок пролегли над площадкой №32.

Большое внимание уделялось жизни и быту солдат. Было своё подсобное хозяйство: 300 голов свиней, сажали на бахче дыни и арбузы, все шло на стол. На деньги от подсобного хозяйства покупали в казармы телевизоры и аппаратуру, прикроватные коврики, подарки в качестве поощрения отличившимся солдатам и сержантам, а также на развитие того же подсобного хозяйства. Постоянно совершенствовалась учебно-материальная база по подготовке слушателей – офицеров РВСН.

В 1990 году было принято решение расформировать учебный центр. Часть учебно-материальной базы была отправлена на северный космодром «Плесецк», часть – на заводы-изготовители, устаревшую технику разобрали и утилизировали. Офицеры, выслужившие установленные сроки, были уволены, остальные офицеры и прапорщики, по согласованию, переведены в ракетные и космические части космодромов «Байконур» и «Плесецк», солдаты и сержанты переведены в ракетно-испытательные части РВСН.

Меня более года держали в распоряжении начальника ракетно-испытательных частей космодрома и предлагали должности начальника учебного центра в г. Мышинске (Белоруссия), численностью 700 человек, начальника учебного центра в г. Плесецк, заместите-

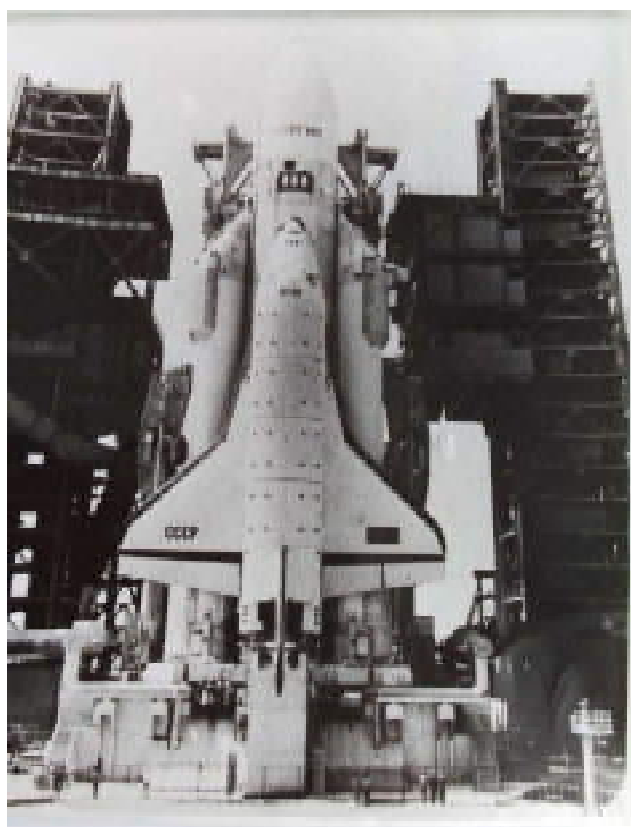
ля начальника РИЧ на космодроме «Байконур» и начальника факультета в Краснодарском военном командно-инженерном училище РВСН. От всех должностей я отказался, накопилась, видимо, усталость за почти 30 лет службы, да и мать стала старенькой, требовался уход. Главком РВСН, генерал армии Максимов Ю.П. был очень удивлен, что я отказался от таких высоких должностей и потребовал, чтобы я указал в рапорте причину отказов. Я доложил, что являюсь единственным сыном, ухаживать за матерью некому. Он посчитал причину уважительной и подписал рапорт на увольнение по сокращению штатов. О Главкоме Максимове Ю.П. остались очень хорошие впечатления: умный, вдумчивый, выдержанный и очень тактичный человек. Вечная ему память.

Находясь в распоряжении, я выполнял отдельные поручения начальника РИЧ, инспектировал части ракетно-испытательных частей. Приезжая в части, часто приходилось выслушивать жалобы бывших своих подчинённых на их службу в новых коллективах (питание, отношения, гигиена и другие).

Надо сказать, что в космических войсках командиры мало уделяли внимания быту военнослужащих, все было направлено на эксплуатацию техники. Как-то не было понимания того, что техникой управляет человек. К таким командирам приходилось принимать жесткие меры, что не всем нравилось. Когда видишь, что солдат бежит к тебе, как к отцу родному, по-другому поступить просто не можешь.

Во второй половине 80-х начались заметные брожения в армии, болтовня о демократии вместо реальных дел. Среди местного населения пошла волна национализма, участились случаи избиения офицеров и прапорщиков, волнения и беспорядки в строительных частях, разговоры о том, что «мы войдём в ваши меблированные квартиры».

В 1991 году произошел государственный переворот, к счастью, армия не была втянута в гражданскую войну. Горбачёв М.С. оказался слаб душой, предал партию, несмотря на все попытки зацепиться за власть, потерял управление, что и привело к перевороту. Не пошёл

он на проведение экономических реформ, которые ему подсказывали, больше прислушивался к предателям и ЦРУшникам США. Как результат, лишился власти и доверия. К власти пришёл Ельцин Б.Н., который договорился с Шушкевичем и Кравчуком развалить Союз.

В 1992 году пришёл приказ МО СССР об увольнении меня из армии 7 апреля, а 7 мая перестали существовать ВС СССР. В мае 1992 года я собрал вещи в вагон и вместе с семьёй 5 июня убыл с космодрома. 10 июня приехал в Китайск. Китайский насосный завод выделил несколько комнат в общежитии на первом этаже, где никто не жил, там мы и разгрузили вещи.

С 1 июля я устроился на КНЗ главным энергетиком, так как по первому высшему образованию я инженер-электрик по автоматическим системам летательных аппаратов. Мне помог мой одноклассник Кирпищikov А. (в то время заместитель директора по качеству) и Самохин Женя, которого я знал по школе, он учился на год позднее нашего выпуска. На вхождение в гражданскую жизнь выпали сложные времена и обстоятельства. Уволившись с военной службы в 48 лет, я получил подъем-

ные деньги в размере 16 тысяч рублей. Из них 12 тысяч заплатил за перевозку домашних вещей в вагоне, остальные ушли на проживание семьи. Небольшие суммы, по 2-3 тысячи рублей, лежали в банке у меня, жены и младшей дочери. Банк выдавал не более 500 рублей, да и за ними надо было стоять в очереди целый день. Впоследствии эти деньги так и пропали на «Байконуре». Пенсия переводилась из Казахстана в Курган в течение 3 месяцев. Заработная плата на заводе задерживалась. Таким образом, на начало сентября сложилась ситуация, когда не на что было купить булку хлеба. Хорошо, что поспособствовал главный инженер завода Андрей Рахвальчук, выбив для меня 2 тысячи рублей.

Срочно пришлось осваивать производство, изучать людей и технику. Большую помощь мне оказали мой заместитель Сарапульцев А.А. и очень дружный коллектив отдела главного энергетика. Отдел решал много сложных задач: тепло-, водоснабжение, электроснабжение и электроника, обратное водоснабжение и канализация, газоснабжение, ремонт оборудования, пуск новых объектов, охрана окружающей среды, обеспечение связью. Начались всеерные отключения электроэнергии, приходилось еженедельно возить в Курган гра-

фики оплаты за электроэнергию, чтобы дать возможность работать заводу. Котлы Б-50, снабжающие город теплом, были старые, трубная часть изношена. Когда подсчитали стоимость их ремонта, пришли к выводу: дешевле купить 2 КВГМ-20 (газозапутные по 20 Гкал), смонтировать и запустить – выигрывали в стоимости, в обслуживании, в экологии. Прошло более 23 лет, они до сих пор исправно обогревают город. Одновременно перевели на газ и ДКВР (по 10 Гкал).

Пришлось поучаствовать и в законотворчестве. Меня пригласил в Москву наш земляк полковник Кузьменко А. (в то время он занимался разработкой Гражданского Кодекса РФ, будучи заместителем директора института частного права при Президенте РФ) и предложил сформулировать статью в Кодексе закона отруде, касающуюся прав потребителей энергии и энергоснабжающей организации. Формулировку я сделал, отправил факсом в Москву, и она была принята Думой. Первыми воспользовались этой статьёй в Свердловской области, после чего у них прекратились веерные чубаевские отключения.

Однако не все так радушно заканчивалось. Вспоминаю, как 10 дней подряд ходил в Газпром в Москве, чтобы выбить лимит на газ для котельной Катайска. Ежедневно приходя туда, видел, что нужно дать чиновнику взятку, намекали явно. Однако взятки у меня не было, так я и уехал ни с чем. Такие были времена...

В конце 1993 года впервые в жизни у меня появилось собственное жилье. Министерство обороны выделило на постройку жилья деньги в сумме 791 тысячи рублей.

В 1996 году я принял решение уволиться с КНЗ и с 1 сентября устроился преподавателем ОБЖ в КСШ №1, ведь по второму высшему образованию, полученному в академии им Ф.Э. Дзержинского, я «Офицер с высшим военным образованием». В должности проработал в течение 15 лет. Освоить новую должность было несложно, ведь во время прохождения военной службы я методически грамотно проводил занятия с солдатами, сержантами, прапорщиками и офицерами – знаний и опыта было достаточно. Оказывал постоян-

ную помощь РОСТО ДОСААФ, где наладил систему планирования и отчетности патриотической работы с учащейся молодежью. В течение пятнадцати лет был руководителем методобъединения преподавателей ОБЖ района. Являясь начальником штаба ГО школы №1, разработал там всю планирующую и организационную документацию по гражданской обороне. Школу неоднократно проверяли по организации ГО на различных уровнях, и проверки прошли весьма успешно. Патриотическое воспитание школьников проводилось планомерно и успешно. КСШ №1 занимала лидирующее положение во многих состязаниях на районном и областном уровнях. Школа подготовила немало призванников к военной службе, которые добросовестно отслужили в органах МО РФ, МВД и Росгвардии и МЧС РФ. Многие стали офицерами и сейчас успешно проходят службу в этих структурах. Приезжая в отпуск в Катайск, бывшие ученики всегда стараются встретиться и рассказать о своей службе, успехах, неудачах. Приятно осознавать, что я приложил к этому свои усилия, радоваться успехам своих учеников, их быстрому росту по службе.

В 2001 году мне была присвоена высшая квалификационная категория. После этого управлением образования Курганской области мне было дано право на проведение аттестации преподавателей-организаторов ОБЖ на высшую категорию в Далматовском и Катайском районах. Периодически аттестовывал преподавателей на II, I и высшую категории. Несколько лет работал инструктором по ГО и ЧС города Катайска, один месяц помощником по ГО и ЧС Катайского района. Для города Катайска полностью разработал всю организационную и планирующую документацию по гражданской обороне и ЧС. Неоднократно оказывал помощь Катайскому району в период проведения итоговых проверок, готовил санитарную дружину района по вопросам ГО и ЧС. В соответствии с учебным планом в качестве руководителя проводил учебно-полевые сборы учащихся 10 классов школ Катайского района. С большим удовольствием вспоминаю работу с директором

школы Кузнецовой Натальей Дмитриевной, умелым, волевым руководителем. Став мэром г. Катайска, она пригласила меня в администрацию и предложила разработать документы по организации ГО и ЧС г. Катайска. До этого ни одного такого документа там не было. Уже через год мы успешно отчитались о проделанной работе на итоговой проверке Курганского МЧС.

В 2010 году я уволился из городской администрации, хотя новый мэр Маслаков Валентин Павлович просил не уходить. В 2011 году в связи с ухудшением здоровья уволился из КСШ №1, конечно, жалко было бросать детей. В 2012 году пришлось поехать в Москву, где мне сделали операцию – три месяца госпиталей и медленная реабилитация.

Спустя время пригласили в президиум Совета ветеранов, где возглавил секцию военно-патриотического воспитания. Сейчас я явля-

юсь председателем офицерского собрания, периодически собираю офицеров ВС, уволенных в запас. Совместно с комиссаром Далматовского и Катайского районов Кубасовым Сергеем Геннадьевичем проводили работу по патриотическому воспитанию молодого поколения, информированию их прав и обязанностей в связи с меняющимися обстоятельствами в военной службе и участием их в городских и районных мероприятиях, уроки мужества, передавая свой опыт подрастающему поколению. К большому сожалению, за последние годы патриотическая работа в стране была упущена, однако Катайский район, на мой взгляд, все-таки выстоял и вышел из этой ситуации с меньшими потерями. Сказался, видимо, патриотизм и героическое прошлое нашего населения, наших земляков, насколько богата наша Катайская земля. Будем их помнить мы – будет и будущее наших потомков.

Лариса Черепанова

Член РСПП с 2018 года

Когда грозные февральские тучи сошлись над землей, закрыв солнце своими тяжелыми рваными краями, все живое замерло в ожидании, что же случилось на нашей земле обетованной?! Еще всюду свирепствовал малозученный смертельный вирус COVID-19, унося жизни людей, а человечество стояло на пороге более страшной беды... 24 февраля 2022 года средства массовой информации оповестили о начале Специальной военной операции на территории Украины. Главные причины для начала СВО России – защита страны и ликвидации нацистской угрозы.

РОЖДЁН ГЕРОЕМ

Травы зеленые сочные, как они обволакивали щиколотки Кирюши, когда он, маленький, только научился ходить, серьезно вышагивал по тропке, насупив бровки – папыны, розовощекий, как мама. А трава опутывала ножки, заставляла сдерживать шаг, чтобы не упасть. Но он топал и топал навстречу раски-

нутым в объятьях крепким рукам деда. Да, характер сразу был на лицо – дедов! Владимир Тихонович подхватил настойчиво шагающего Кирюшу и засмеялся: легко и радостно. Вот оно – счастье человека – жизнь и все твои помыслы и мечты в умных глазах малыша. Это твоё продолжение, твоё будущее.

Здесь, в старинном красивом селе Кислянское Юргамышского района, совсем скоро проведут обряд крещения малыша в местной церкви. И имя выбрали внуку не случайно – Кирилла. Ведь церковь во имя Кирилла Белозерского с 300-летней историей крепко стоит на этой земле и спасает, и веру дает, и надежды. Исконно православными традициями славится земля Кислянская.

Люди здесь, может, и покажутся на первый взгляд суровые, немногословные, но это от того, что воспитаны они в труде, закалены в работе. Многие династиями трудятся в хозяйстве. Вся жизнь в заботах. Праздники традиционные отмечают вместе. Горюют тоже сообща. Оттого, видимо, в церкви святого преподобного Кирилла Белозерского образ Иисуса Христа на куполе изображен местным художником с особым видением. Вглядитесь в его лик, в огромные синие глаза – там вся грусть и горечь страдания, которое он принял за людей. Такого глубокого бездонного взгляда вы не найдете в других иконографических списках.

Многострадальный образ Спасителя подчеркивает мое дальнейшее повествование. Кирилла Остапенко я видела и в День села Кислянского, и в храме, еще в самом раннем его детстве. И сейчас всматриваясь в фотографию с пронзительным взглядом, в красивые черты молодого лица еще не мужчины, но уже не мальчика, подмечаю в его глазах ту же глубину святого сияния, что и у Спасителя кислянской церкви. И ловлю себя на следующей мысли: Кирилла, ведь ты был поцелован в темя при крещении святым преподобным Кириллом Белозерским, чье имя тебе выбрали родители. И длань Господня тебя, наследника и продолжателя рода, должна была оберегать. Но, как и Он, ты выбрал путь спасения не себя, а людей. Путь Героя короткий и

Остапенко Кирилл Андреевич
23.06.2000 – 08.03.2022

стремительный, как вспышка звезды на небосклоне, как предутренняя роса на цветке жизни – он для всего человечества.

Родился Кирилл 23 июня 2000 года вторым желанным ребенком в семье Андрея и Юлии Остапенко. Пятилетняя сестренка Даша очень радовалась, что у нее появился братик. Даже помогала маме: то пеленку подаст, то коляску покачает. Родился и сделал свой первый шаг Кирилл в той части селения, где когда-то начался и мой путь, в западной уютной сторонке ул. Чапаева, в том же зеленом и звонком июне. Вскоре семья переехала из Кислянского в поселок Новый Мир. Отец семейства взял на себя все заботы о благоустройстве квартиры. Но Кислянку родную не забывали, часто навещивались в гости к отцу Владимиру Тихоновичу и матери Валентине Ивановне Остапенко. Особенно рады были родители, когда в доме собиралась вся большая дружная семья.

В 2007 году Кирилл впервые переступил порог школы. Познакомился с новыми друзьями, с первым учителем. Школьная жизнь текла интересно и размеренно: уроки, переменки, соревнования, конкурсы, веселые праздники и экскурсии, а главное – дружба одноклассников.

Из воспоминаний учителя Новомировской общеобразовательной школы Любови Александровны Шевелевой, классного руководи-

Кирилл – дошкольник

лом Белозерским, чье имя тебе выбрали родители. И длань Господня тебя, наследника и продолжателя рода, должна была оберегать. Но, как и Он, ты выбрал путь спасения не себя, а людей. Путь Героя короткий и

теля: «Хорошего человека, а еще своего выпускника, всегда приятно вспомнить. Классным руководителем я у них была с пятого класса. Проводила множество мероприятий, и Кирилл всегда был в центре этих событий. Он никогда не отказывался от поручений, относился к ним с большой ответственностью. Класс, в котором он учился, был дружным, а Кирилл и еще несколько ребят – Вова Шлыков, Миша Родзиевский, Никита Остапенко – были сердцем этого дружного класса. Немало было выучено стихов и песен. Помню, как готовились к принятию в кадеты. И сейчас я словно вижу Кирилла, стоящего в первом ряду и громко чеканящего слова кадетской клятвы с высоко поднятой головой.

Кирилл жил со мной по соседству. Знаю, как много он работал по дому, был первым помощником своим родителям. Парень всегда занят, но находил время и для общения и дружбы со своими сверстниками. Кирилл был старательным, целеустремленным. В общении – прост, открыт, откровенен. Надежный товарищ, который всегда готов прийти на помощь, способный выслушать и понять. Всегда умел высказывать свое мнение спокойно, убедительно, и другие с ним соглашались. Кирилла все любили в школе за доброту, порядочность, честность, смелость, приветливость и юношеское озорство. Никогда он не был замечен в безделье, в дурных поступках. Годы его характер не изменили. Он оставался таким же добрым, открытым для людей».

Родные вспоминают, что у Кирилла всегда было много друзей: и в Новом Мире, и в Кислянке. Дружба... Она может раскрыть внутренний мир человека. Каков он в словах и поступках, в своих действиях?! Кирилл всегда был надежен и порядочен. Никогда и никого не подвел и не предал. Ребята знали, что он открыт и искренен со всеми. Главным акцентом дружбы было доверие. Владимир Тихонович вспоминает, что внук любил ездить на рыбалку, на охоту, с особым пристрастием собирал грибы, знал все заповедные места малой родины. Очень любил гостить в доме у деда и бабушки. По-домашнему уютно и легко проходили такие встречи, сколько было расска-

зано семейных историй из прошлого, сколько доверено тайн и юношеских секретов. С какой нежностью и теплотой он обнимал бабушку, улыбался, мечтал, вместе рассматривали фотографии. С дедом строили планы на будущие поездки на озеро или в лес. И жизнь казалась такой понятной и такой бесконечной.

Школьные звонкие годы пролетели быстро, настало время переступить порог родительского дома и сделать свой выбор: что дальше?! После окончания 9 класса Кирилл поступил в Челябинский многопрофильный колледж Южно-Уральского государственного университета, который успешно окончил в 2020, по специальности юрист.

На становление характера молодого Кирилла влияло не столько общение извне, сколько семейная атмосфера, устоявшиеся каноны и традиции. Всегда внимательный и ответственный отец Андрей Владимирович, доброжелательная и приветливая мама Юлия Петровна, но главное – фундамент рода Остапенко, построенный на взаимном доверии, любви и уважении между дедом Владимиром Тихоновичем и бабушкой Валентиной Ивановной – стал примером для него. Вскоре в студенческой жизни Кирилла произойдут перемены: как весенний сад, расцветет в душе его любовь к девушке Кате. Взаимное чувство окрылит, преумножит надежды и мечты и породит ответственность за общее будущее. Именно эта ответственность дает импульс после окончания колледжа в июне 2020 года заключить контракт Министерства обороны.

Служил в г. Чебаркуле в разведроте, диверсионно-разведывательной группы в должности пулеметчик в звании ефрейтора. Разведчик Остапенко был дисциплинирован, ответственен, серьезен. И снова в окружении друзей. В 2021 по итогам учения он награжден грамотой командира дивизии. Кирилл мечтал о будущем, о возвращении домой, о создании своей семьи, хотел всех родных и друзей собрать вместе... Но пока шли суровые солдатские будни и вскоре – участие в Специ-

альной военной операции на территории Украины. Разведка – глаза и уши армии, она обеспечивает боевые действия, выявляет данные о противнике, изучает военную обстановку. Разведка всегда впереди. Дни и ночи солдатской службы на передовом рубеже, где утреннее небо похоже на рваные бинты, а к вечеру землю опутывают кровавые закаты.

В марте 2022 года родителям Кирилла пришло страшное известие: «Ваш сын Остапенко Кирилл Андреевич погиб в бою...».

Это случилось восьмого марта 2022 года около 11 часов в районе села Богдановка Браварского района. Кирилл в составе разведгруппы из семи человек был отправлен в разведывательный дозор, чтобы получить данные о месте нахождения противника. Разведывательный взвод в ходе выполнения задачи наткнулся на врага, вступил в неравный бой с противником. В результате столкновения были уничтожены два пикапа с неустановленными вооружёнными лицами, семь боевиков были уничтожены в пешем бою. Благодаря умелым и слаженным действиям разведчиков, был отбит удар от основных сил полка и дана возможность для продвижения колонны машин в тыл противника. Вследствие боевого столкновения военнослужащие разведывательного взвода получили ранения разной степени тяжести, в том числе не совместимые с жизнью. В этом неравном жестоком бою погиб и наш земляк разведчик-пулеметчик ефрейтор Кирилл Остапенко.

Патриотизм... Когда и как он зарождается в человеке?! В начале его пути. Вспоминает классный руководитель Кирилла Л.А. Шевелева: «Если говорить о патриотизме, Кирилл – патриот еще с самого детства, со школьной скамьи. Примерно с 7-8 класса он мечтал стать военным, так как с 5 класса был кадетом. В школе часто участвовал в соревнованиях и военно-спортивных конкурсах, где занимал призовые места. В решении вопросов всегда проявлял самостоятельность. И не случайно Кирилл пошел в армию и остался на контрактной службе во взводе разведчиков. Когда страшная весть о гибели нашего ученика дош-

ладо нас, то я сразу подумала, что это Кирилл, так как он всегда был первым, на самых опасных участках фронта. Патриот и герой нашей земли. Больно принимать его смерть. А память жива. На его примере мы воспитываем подрастающее поколение».

Указом президента РФ от 26 марта 2022 года за мужество, отвагу и самоотверженность, проявленные при исполнении воинского долга Остапенко Кирилл Андреевич награжден орденом Мужества (посмертно). Больно писать об этом, тяжело говорить. На память приходят поэтические строки: «А утром солнышко вставало, не зная, что погиб герой. И так земле недоставало его улыбки молодой»...

Весна стала черной и горькой... 22 марта тело героя было доставлено на Юргамышскую землю... Кажется, сама мать-земля рыдала, оплакивая молодого воина... Все жители поселка, все учителя и ученики, друзья, вся общественность скорбели вместе с родными. Похоронили Кирилла на местном кладбище с Ильинка.

Вскоре педагогический коллектив школы п. Новый Мир совместно с директором Л.В. Чеботиной приняли решение о присвоении образовательному учреждению имени выпускника школы 2016 года Кирилла Андреевича Остапенко. Ходатайство было удовлетворено Юргамышской Думой единогласно.

Идет уже второй год, как не стало Кирилла. Невозможно смириться с тяжелой утратой ни родным, ни друзьям, ни землякам. На въезде в поселок Юргамыш был установлен баннер, с которого смотрят на нас молодые герои, погибшие в ходе Специальной военной операции на территории Украины. В школе, где учился Кирилл Остапенко, проходят патриотические вечера, посвященные его отваге и мужеству. Деятели культуры района создают видеоролики и пишут песни, поэты – стихи... В каждом слове боль и горечь, в каждом – слава и память о героях и их подвиге. Какие слова можно найти, чтобы поддержать родителей и родных Кирилла Остапенко и других погибших ребят?! Слова бессильны, если больно... Но слова имеют неоспоримую силу и надежную прочность в увековечивании памяти.

Кирилл Остапенко награжден орденом Мужества (посмертно)

Сейчас только во сне, забывшись на минуту от горя, дед может обнять своего внука, увидеть его первые шаги, улыбку, но черная тьма обрывает этот сон. И сквозь сдавленный крик, снова и снова он пытается спасти Кирилла, вынести с поля боя, помочь, защитить, закрыть собой и... просыпается в холодном поту... Реальность. Ее не изменить, лишь можно как камень сжать сердце, заморозить в лед свои

чувство, понимая, осознавая, что внук не смог бы поступить иначе. Ведь стальным стержнем был заложен в нем ген защитника, заложен еще прадедами: Остапенко Тихоном Ивановичем и Прозоровым Иваном Амлодистовичем – участниками Великой Отечественной войны. Ген, полученный из прошлого от предков нестибаем, неизменяем: защищай народ от фашизма, от ненависти, от смерти.

Кирилл Остапенко, молодой, красивый юноша с горячим добрым сердцем, у которого была вся жизнь впереди, с ее многоцветием, простыми радостями человеческого счастья – он был рожден героем. Он достойно и однозначно принял мужество от прадедов, как стяг, который передают бойцы на поле боя, закрывая собой человечество от неонацизма.

Герои не умирают, они живут вечно. Ведь их жизнь после смерти не материальная, а вечная. Не надо искать еще какие-то ценности, мы их давно нашли и определили, пришло время называть все своими именами. Защищая духовность, справедливость, нашу культуру, мы защищаем Святую Русь и ее будущее. «Нет больше той любви, чем положить душу за други своя», – говорится в Евангельском Слове Христа. К этому призыван каждый человек, это есть почитание подвига каждого гражданина за общество, за народ.

Баннер на въезде в поселок Юргамыш